

ОРИКС И КОРОСТЕЛЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

МАРГАРЕТ ЭТВУД

ОДИН ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.
ЖЕРМЕН ГРИР

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Орикс и Коростель
Маргарет Этвуд

Аннотация
Маргарет Этвуд. Орикс и Коростель
1
Манго
Обломки
Голос
2
Костер
«Фермы ОрганИнк»
Обед
3
Полдень
Ливень
4
Скунот
Молоток
Коростель
«Мозгоплавка»
«Аппетитные голопопки»
5
Повар
Рыба

Бутылка
6
Орикс
Птичье пение
Розы
Джаз Деткилэнда
7
«Стройняшка»
Мурлыканье
Синий цвет
8
«Союшка»
«Благочашка»
Прикладная риторика
Университет Аспергера
Волкопсы
Гипотетически
«Вымирафон»
9
Поход
«Омоложизнь»
Ураган
10
Грифование
«НоваТы»
Гараж

Без опоры
11
Свиноиды
Радио
Стена
12
Вылазка в плебсвилли
«НегаПлюс»
Беззумный Аддам
«Пародиз»
Влюбленный Коростель
Заказ навынос
Воздушный шлюз
13
Купол
Каракули
Выжившие
14
Идол
Проповедь
15
Следы

Аннотация

Ошалевшая планета на пороге катастрофы: терроризм, эпидемии, генетический беспредел, мутации. Безумный ученый, бывшая порнозвезда и фигляр-неудачник превращают мир потребительского абсурда в безлюдную пустыню. Чтобы уничтожить человечество, хватит тщательно разработанного вируса и нескольких месяцев эпидемии. На место людей пришло новое племя – травоядное, невинное и прекрасное. Посреди заброшенного парка живут Дети Коростеля, и фигляр-неудачник, единственный живой человек на Земле, сочиняет им сказки для новой жизни.

Маргарет Этвуд
Орикс и Коростель

© Гордеева Н., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моей семье

Может быть, подобно другим путешественникам, я мог бы удивить тебя странными и невероятными рассказами, но я предпочел излагать голые факты наипростейшим способом и слогом, ибо главным моим намерением было осведомлять тебя, а не забавлять.

Дж. Свифт. «Путешествия Гулливера»[1]

И нет спасенья? И пути провидения не вытвердить наизусть? И ни вожатая, ни прибежища нет, только чудо, с вершины башни срывающееся в высоту?

В. Вулф. «На маяк»[2]

---

[1] Примечания: 1

Перевод с английского под ред. А. А. Франковского. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

[2] Примечания: 2

Перевод Е. Суриц.

1

Манго

Снежный человек просыпается перед рассветом. Лежит без движения, вслушиваясь в прибой, что волна за волной накатывает на баррикады, шуш-ш, шуш-ш; стук сердца. Снежному человеку так хотелось бы поверить, что он еще спит.

На горизонте с востока серая дымка уже подсвечена розовым беспощадным заревом. Странно: цвет все еще кажется нежным. На фоне дымки темнеют силуэты башен в открытом море, необъяснимо вырастая из бледно-голубой и розовой лагуны. Крики птиц, гнездящихся там, и далекий скрежет океана, грызущего эрзац-рифы из ржавых автомобильных запчастей, битого кирпича и прочего мусора, — почти как рев машин в выходной день.

Снежный человек по привычке смотрит на часы, — корпус из нержавеющей стали, потертый алюминиевый ремешок, часы давно не работают, но еще блестят. Теперь это его единственный талисман. Циферблат пуст: час ноль. Нет официального времени — Снежного человека всякий раз охватывает ужас. Никто нигде не знает, который час.

— Успокойся, — говорит он себе и делает несколько глубоких вдохов, потом чешет укусы: не сами ранки, только вокруг, чтобы не содрать корку, — заражение крови ему совершенно ни к чему. Затем он изучает землю, нет ли живности: все спокойно, ни хвостов, ни чешуи. Левая рука, правая нога, правая рука, левая нога — он спускается с дерева. Смахивает с себя ветки и кору, обматывается грязной простыней на манер тоги. На ветке висит бейсболка «Ред Сокс», «подлинная копия», он определил ее туда на ночь для сохранности, теперь снимает, глядит внутрь, вытряхивает паука и надевает кепку на голову.

Он отходит на пару ярдов влево и мочится в кусты.

— Осторожнее, — советует он кузнечикам. Те, недовольно треща, скрываются в траве. Он обходит дерево, подальше от места, назначенного туалетом, и осматривает тайник из обломков бетонных плит, обмотанных проволочной сеткой для защиты от крыс и мышей. В тайнике лежат несколько плодов манго в пластиковом пакете, банка вегетарианских сосисок «Стройняшка», драгоценные полбутылки скотча — нет, пожалуй, треть бутылки скотча — и энергетический батончик с шоколадным вкусом, найденный

на стоянке трейлеров, мягкий и липкий в фольге. Снежный человек пока не может заставить себя его съесть — кто знает, может, больше он батончиков не найдет. Еще в тайнике лежит открывалка, почему-то нож для колки льда и шесть пивных бутылок — из сентиментальных соображений, а также для питьевой воды. А еще темные очки, он их надевает. Одного стекла нет, но лучше так, чем ничего.

Он открывает пластиковый пакет. Осталось только одно манго. Странно, ему казалось, их должно быть больше. Он старался завязать пакет как можно туже, но муравьи все равно забрались. Теперь бегают по рукам, черные и злобные желтые. Удивительно, как они все-таки больно кусаются, особенно желтые. Снежный человек их стряхивает.

— Четкое следование ежедневному распорядку — один из наиболее действенных способов поддержать моральный дух и ясный рассудок, — говорит он вслух. Кажется, цитирует книгу, старое нудное пособие для европейских колонистов с каких-то плантаций. Он такой книги не помнит, но это еще ничего не значит. В той части мозга, где была память, сплошные пустоты. Плантации кофе, каучука, джута (что такое

джут?). Колонистам полагалось носить тропические шлемы, прилично одеваться к обеду, не насиловать туземных женщин. Нет, вряд ли там говорилось «насиловать». Воздерживаться от контактов с представительницами коренного населения. Ну или еще как-то.

Правда, он готов поспорить, что они не воздерживались. В девяти случаях из десяти.

— Принимая во внимание смягчающие… — говорит он. Оказывается, он стоит открыв рот, вспоминая окончание фразы. Он садится на землю и ест манго.

Обломки

По белому пляжу — море усыпало его смолотыми кораллами и обломками костей — гуляют дети. Наверное, в океане купались — все мокрые и поблескивают. Осторожнее надо: кто знает, какая живность обитает в лагуне. Но дети беспечны в отличие от самого Снежного человека. Он ни за что в воду не полезет, даже ночью, когда солнце не терзает. Уточнение: ночью особенно.

Он наблюдает за ними с завистью — или, может, это ностальгия? Вряд ли: в детстве он никогда не купался в море и голышом по пляжу не бегал. Дети исследуют побережье, иногда наклоняются, подбирают какой-то мусор, совещаются, что-то оставляют, что-то выкидывают, найденные сокровища отправляются в рваный мешок. Рано или поздно — можно не сомневаться — они отыщут Снежного человека. Он сидит в почти истлевшей простыне, обхватив колени, и грызет манго, прячась в тени деревьев от палящего солнца. Для этих детей — толстокожих, невосприимчивых к ультрафиолету — он всегда будет ночным существом, человеком сумерек.

А вот и они.

— Снежный человек, о Снежный человек, — напевают они. Слишком близко они к нему никогда не подходят. В знак уважения, как ему хотелось бы думать, или от него просто воняет?

(От него действительно воняет, он в курсе. Он пахнет дрянью, он пахнет, как морж — маслом, солью и рыбой. Разумеется, он не нюхал моржей. Зато картинки видел.)

Дети открывают свой мешок и хором спрашивают:

— О Снежный человек, что мы нашли? — Они вытаскивают из мешка вещи и раскладывают перед ним, будто на продажу: диск от автомобильного колеса, клавиша пианино, пригоршня зеленых бутылочных стекол, отшлифованных водой. Пластиковый контейнер от «НегиПлюс», пустой; ведерко из-под куриного филе «Пухлокуры», тоже пустое. Компьютерная мышка — точнее, ее покореженные обломки с длинным хвостом.

Ему хочется плакать. Что им сказать? Никак не объяснить, что такое эти странные предметы. Чем они были. Но дети-то знают, что он скажет. Он всегда говорит одно и то же.

— Это вещи из прежних времен. — Голос его добр и отстранен. Нечто среднее между педаго-

гом, прорицателем и добрым дядюшкой — вот такой примерно должен быть тон.

— А они не сделают нам больно? — Иногда дети находят банки с машинным маслом, едкие растворители или пластиковые бутылки с хлоркой. Ловушки из прошлого. Снежный человек — признанный эксперт по несчастным случаям: жгучие жидкости, тошнотворный дым, ядовитая пыль. Боль непонятной природы.

— Нет, эти нет, — говорит он. — Эти безопасны. — Дети тут же теряют интерес к своим находкам, мешок бесполезно болтается. Но дети не уходят — стоят и смотрят. Прочесывание пляжа — только предлог. В действительности они больше хотят посмотреть на Снежного человека, потому что он совсем на них не похож. Иногда они просят его снять темные очки, а потом надеть обратно: проверяют, два у него глаза или три.

— Снежный человек, о Снежный человек, — поют они, но не ему, скорее друг другу. Для них его имя — всего лишь сочетание звуков. Они не знают, что такое «снежный человек», они никогда не видели снега.

Одно из правил Коростеля — нельзя выбрать имя, которому не найдешь физический эквивалент — пускай скелет, пускай чучело. Никаких

единорогов, грифонов, мантикор и василисков. Но правила больше не действуют, и Снежный человек с наслаждением, пусть горьким, взял себе это сомнительное имя. Ужасный Снежный человек, Йети, — существующий и не существующий, мерцает на границе снежной бури, обезьяноподобный человек или человекоподобная обезьяна, скрытный, неуловимый, известный лишь по слухам и перевернутым следам. Говорили, что горные племена охотились на снежных людей и при малейшей возможности убивали. Говорили, что племена эти варили убитых снежных людей, жарили их, закатывали пиры. Снежный человек подозревает, что легкий налет каннибализма придавал этому действу особую прелесть.

Сейчас он сократил свое имя. Стал просто Снежным человеком, оставив «ужасного» себе в качестве тайной власяницы.

Дети мнутся, потом садятся на землю полукругом, все вместе, мальчики и девочки. Младшие еще не доели завтрак, по подбородкам стекает зеленый сок. Жутко подумать, насколько неряшливы становятся люди, когда нет зеркал. Впрочем, дети все равно кажутся ему изумительно красивыми — все голые, все идеальные, все разноцветные — шоколадные, розовые, цвета

чая, кофе, сливок, масла, меда — и с одинаковыми зелеными глазами. Эстетика Коростеля.

Они выжидательно смотрят на Снежного человека. Наверное, думают, что он с ними заговорит, но сегодня он не в настроении. В крайнем случае, даст им посмотреть темные очки, блестящие сломанные часы или бейсболку. Бейсболка им нравится, правда, они совершенно не понимают, зачем она — съемные волосы, которые и не волосы вовсе, — а подходящей байки он пока не придумал.

Дети еще некоторое время сидят молча, смотрят, размышляют, затем старший начинает:

— О Снежный человек, пожалуйста, скажи нам, что за мох растет у тебя на лице?

Остальные подхватывают:

— Пожалуйста, скажи нам, пожалуйста, скажи нам! — Не пихаются, не хихикают — это серьезный вопрос.

— Перья, — отвечает он.

Они задают этот вопрос минимум раз в неделю. И он все время дает один и тот же ответ. Сколько прошло времени — два месяца, три? Он сбился со счета, а у них уже про него мифология, догадки: *Снежный человек когда-то был птицей, но забыл, как летать, и почти все его перья выпали, ему*

холодно, ему нужна вторая кожа, и приходится все время греться. Нет: ему холодно, потому что он ест рыбу, а рыба холодная. Нет: он носит вторую кожу, потому что у него больше нету этой штуки, которая у всех мужчин есть, и он не хочет, чтобы мы видели. И поэтому он не ходит купаться. У него морщины, потому что раньше он жил под водой, и вода сморщила ему кожу. Снежный человек такой грустный, потому что остальные такие же улетели за море, и теперь он тут совсем один.

— Я тоже хочу перья, — говорит самый младший. Напрасная надежда: у мужчин из племени Детей Коростеля бороды не растут. Сам Коростель считал, что борода иррациональна, его раздражало бритье, поэтому он решил вообще отказаться от растительности на лице. Разумеется, Снежного человека это не коснулось: ему слишком поздно меняться.

Теперь они все начинают разом:

— Снежный человек, о Снежный человек, а можно, чтобы у нас тоже были перья, пожалуйста?

— Нет, — отвечает он.

— Почему нет, ну почему? — спрашивают двое самых младших.

— Минутку, я спрошу Коростеля. — Он поднимает часы к небу, крутит на запястье, потом прикладывает к уху, будто слушает. Они завороженно следят за каждым его движением. — Нет, — говорит он наконец. — Коростель говорит, что вам перья не положены. А теперь валите на хер.

— На хер? На хер? — Они смотрят друг на друга, потом на него. Он сделал ошибку, сказал новое слово и даже не сможет объяснить им, что оно означает. Половые органы их не оскорбляют. — Что такое на хер?

— Уходите! — Он отмахивается простыней, они бросаются врассыпную и убегают по пляжу. Они еще не знают, стоит ли его бояться. И насколько сильно. Никто не слыхал, чтоб он обидел ребенка, но сущность его до конца не понятна. Кто знает, что он выкинет.

Голос

— Теперь я один, — говорит он вслух. — Один, всегда один. Один среди зыбей[3]. — Еще одна фраза из саднящего внутреннего цитатника.

Точнее, один на берегу.

Ему очень нужно услышать человеческий голос — обычный человеческий голос, как у него самого. Иногда он смеется, как гиена, или рычит, как лев, — точнее, так, как он себе представляет смех гиены или рычание льва. В детстве он смотрел старые DVD про животных: программы о повадках диких зверей, кадры совокупления, рык, потроха, матери вылизывают детенышей. Почему эти сцены так его утешали?

Еще время от времени он визжит и хрюкает, как свиноид, или лает, как волкопес: Вау! Вау! Иногда на закате бегает по пляжу, швыряется

---

[3] Примечания: 3

С. Т. Кольридж. Поэма о старом моряке. Пер. Н. Гумилева. Стихотворение перекликается с дальнейшим содержанием трилогии «Беззумного Аддама». Тут и грех человечества перед природой и всеми живыми существами (грех Старого Моряка, убившего альбатроса), и заражение океанов, и гибель грешного человечества, и покаяние оставшихся, и прощение, и возможность начать заново. Упомянуты святые (важнейший мотив в следующих двух книгах: «Год потопа» и «Беззумный Аддам»). — *Прим. ред.*

камнями в океан и орет: «Черт, черт, черт, черт, черт!» Обычно после этого легче.

Он встает, потягивается, простыня падает на песок. Он испуганно смотрит на собственное тело: грязная кожа, вся искусанная, седеющие пучки волос, огрубевшие желтые ногти на ногах. Он стоит в чем мать родила — не сказать, чтоб он помнил, как она его рожала. Все важное происходит без тебя, так что и не подсмотришь рождение и смерть, к примеру. И краткое забытье секса.

— Не смей даже думать об этом, — говорит он сам себе. Секс — как выпивка: не стоит о нем задумываться с утра пораньше.

Раньше он поддерживал форму — бегал по утрам, ходил в тренажерный зал. А теперь у него ребра торчат, он катастрофически истощал. Животного белка не хватает. Женский голос ласково шепчет ему на ухо:

А задница очень даже ничего! — Это не Орикс, какая-то другая женщина. Орикс теперь не особо разговорчива.

— Скажи что-нибудь, — просит он. Она его слышит, ему нужно верить, что она слышит его, но все равно молчит. — Ну что мне сделать? — спрашивает он. — Ты же знаешь, что…

Ах, какие мускулы! — перебивает кто-то шепо-

том. — *Лежи, милый, я все сама сделаю.* — Кто это? Какая-то шлюшка. Уточнение: профессиональная жрица любви. Гимнастка, будто резиновая, оклеенная блестками, словно чешуей. Он ненавидит эти отголоски. Их и святые слышали — чокнутые завшивевшие отшельники в пещерах и пустынях. Скоро ему прекрасные демоны станут являться, будут манить, облизываясь, суккубы с раскаленными докрасна сосками и мелькающими розовыми язычками. Из волн появятся русалки, выплывут из-за осыпающихся башен, он услышит сладкое пение и поплывет, и его съедят акулы. Существа с женскими грудями и головами и орлиными когтями станут пикировать на него, он раскроет им объятия, и это будет конец. Мозгоплавка.

Или хуже того, какая-нибудь девушка, которую он знает или когда-то знал, выйдет из-за деревьев, обрадуется ему, но окажется всего лишь миражом. Впрочем, ему компания нужна, и такая сойдет.

Через уцелевшее стекло темных очков он изучает горизонт: пустота. Море — как раскаленный металл, выцветшее голубое небо, если не считать дыры, которую прожгло солнце. Пусто. Вода, песок, небо, деревья, осколки прошлого. Никто его

не услышит, потому что никого нет.

— Коростель! — кричит он. — Ты скотина! Мудак!

Он прислушивается. По лицу снова течет соленая водица. Неизвестно, когда это опять произойдет, и ничего не поделать. Он задыхается, будто огромная рука сдавила грудь — давит, отпускает, снова давит. Бессмысленная паника.

— Это ты виноват! — кричит он океану.

Ответа нет. Неудивительно. Только волны — шуш-ш, шуш-ш. Он кулаком проводит по лицу, по бороденке, размазывая грязь, сопли, слезы и липкий сок манго.

— Снежный человек, Снежный человек, — говорит он. — Займись делом.

2

Костер

Когда-то, давным-давно, Снежный человек еще не был Снежным человеком. Он был Джимми. Хорошим мальчиком.

Первое четкое воспоминание Джимми — огромный костер. Ему тогда было лет пять или шесть. Он носил красные резиновые сапоги, на сапогах — улыбающиеся утята; он помнит, потому что после костра ему велели прямо в этих сапогах пройти через поддон с дезинфектантом. Ему сказали, что дезинфицирующее вещество очень ядовитое, не надо им брызгаться, а он беспокоился, что яд попадет в глаза утятам и им больно будет. Ему сказали, что утята — просто рисунки, ненастоящие и ничего не чувствуют, но он не вполне поверил.

Ну, пусть будет пять с половиной, думает Снежный человек. Ближе к истине.

Наверное, был октябрь или ноябрь — тогда листья еще меняли цвет осенью, а в тот день они были рыжими и красными. Под ногами хлюпала грязь — наверное, Джимми стоял на поле. С неба моросило. Костер был огромной кучей

трупов коров, овец и свиней. Их ноги торчали во все стороны, как палки. Туши поливали бензином, летели искры, желтые и белые, красные и оранжевые. В воздухе плыл запах горелого мяса. Напоминало барбекю — отец на заднем дворе порою что-то жарил, но сейчас запах был сильнее и мешался с вонью автозаправки и горелых волос.

Джимми знал, как пахнут горелые волосы, потому что как-то раз сжег свои собственные. Отстриг их маникюрными ножницами и поджег маминой зажигалкой. Волосы зашипели и начали извиваться, будто черные червячки, и он отстриг еще прядь. Когда его обнаружили, он уже обкорнал себе полголовы. А когда начали ругать, сказал, что это был эксперимент.

Тогда папа рассмеялся, а мама — нет. По крайней мере (сказал папа), Джимми хватило ума отстричь волосы перед тем, как поджигать. А мама сказала, им очень повезло, что он не спалил дом. Потом они начали спорить насчет зажигалки, которой в доме бы не было (сказал папа), если б мама не курила. А мама сказала, что все дети в душе пироманы и, не будь в доме зажигалки, Джимми с таким же успехом взял бы спички.

Спор продолжался, а Джимми обрадовался, потому что знал: теперь не накажут. Просто нужно

молчать, и тогда они вскоре забудут, о чем, собственно, поспорили. Но все же он чувствовал себя виноватым — гляньте, до чего он их довел. И он знал, что все закончится как обычно — хлопнет дверь. Он все вжимался в кресло, а над головой летали туда-сюда слова, и в конце концов дверь таки хлопнула — на сей раз мама — и дунул ветер. Когда хлопала дверь, всегда ветер дул, ффыф-ф, — фыркал прямо в уши.

— Не обращай внимания, приятель, — сказал папа. — Ее воротничок душит. Скоро успокоится. Пойдем лучше поедим мороженого. — Так они и сделали, разложили малиновое мороженое в мисочки с красно-синими птицами. Мисочки делались вручную в Мексике, их нельзя было мыть в посудомоечной машине, чтобы не повредить роспись. Джимми доел мороженое — хотел показать папе, что все в порядке.

Женщины и их воротнички. То холод, то духота в странной, мускусной, цветочной стране у женщин под одеждой. Загадочное, важное неуправляемое — так думал папа. Но никто почему-то не говорил, что и мужчине бывает душно, об этом даже не упоминали — по крайней мере, когда Джимми был маленьким, — разве что папа мог сказать: «Охолони». Почему? Почему никто

не вспоминает, что мужчинам тоже душно и у них тоже есть воротнички? Гладкие воротнички с острыми краями, с ужасной темной и колючей изнанкой. Джимми не помешала бы парочка теорий на этот счет.

На следующий день папа отвел его в парикмахерскую — на фотографии в витрине симпатичная девушка надула губы. Черная футболка сползла с одного плеча. Обмазанные угольно-черной тушью глаза смотрели жестко, волосы топорщились, точно иглы дикобраза. Кафельный пол в парикмахерской был весь в волосах — их шваброй собирали в кучи. Сначала на Джимми надели черный фартук вроде слюнявчика, и Джимми обиделся, не хотел походить на маленького. Парикмахер засмеялся и сказал, что это не слюнявчик. Разве Джимми когда-нибудь видел детишек в черных слюнявчиках? Ну, тогда ладно; Джимми подровняли искромсанную шевелюру. Может, этого он и добивался — чтобы его подстригли покороче. Парикмахер что-то намазал ему на голову, чтобы волосы торчали сосульками. Это что-то пахло апельсиновыми корками. Джимми улыбнулся своему отражению в зеркале, потом нахмурился, сурово сдвинул брови.

— Парень не промах, — сказал парикмахер,

кивнув отцу Джимми. — Просто тигр. — Он стряхнул волосы Джимми на пол к остальным волосам, затем картинно сдернул черный фартук и снял Джимми с кресла.

Когда жгли костер, Джимми очень волновался за животных — думал, что им больно. Нет, сказал папа. Это мертвые животные. Как стейки и сосиски, только со шкурами.

А головы, подумал Джимми. У стейков не бывает голов. С головами — совсем другое дело. Ему казалось, на него укоризненно смотрят горящие звериные глаза. И он решил, что все это: костер, запах гари и, главное, страдающие звери в отсветах пламени — его вина, потому что он и не пытался их спасти. Но в то же время костер восхищал — он светился как рождественская елка, как горящая рождественская елка. Джимми надеялся, еще будет взрыв, как по телевизору.

Папа был рядом, держал его за руку.

— Подними меня, — сказал Джимми. Отец решил, что его нужно утешить — так оно и было, и папа взял его на руки и обнял. Но еще Джимми хотелось получше рассмотреть костер.

— Вот так все обычно и заканчивается, — сказал папа Джимми, но обращался не к Джимми, а к другому человеку. — Стоит только начать. —

Джимми показалось, что папа сердится, как и человек, с которым он разговаривал.

— Говорят, это нарочно сделали.

— Не удивлюсь, если и так, — сказал папа Джимми.

— А можно я возьму коровий рог? — спросил Джимми. Он не понимал, почему должны пропадать такие хорошие рога. Он даже хотел попросить сразу два, но не рискнул.

— Нет, — ответил папа. — Не в этот раз, приятель. — Он похлопал Джимми по ноге.

— Поднять цены, — сказал человек. — Сделать на этих убийствах деньги, как-то так.

— Еще каких убийствах, — сказал отец Джимми с отвращением. — А может, просто выходка чокнутых. Какой-нибудь культ, кто его знает.

— А почему нельзя? — спросил Джимми. Никому больше ведь не нужны эти рога. Но папа проигнорировал его вопрос.

— Вопрос в том, как им это удалось? — сказал он. — Я думал, охраняемый поселок запаяли, как бочку.

— И мне так казалось. Мы же им платим, и немало. И куда они смотрели? Им не за то платят, чтоб они дрыхли как сурки.

— Может, подкупили охрану, — сказал отец

Джимми. — Я думаю, проверят банковские счета, хотя такие деньги только последний дурак в банк положит. В любом случае полетят головы.

— Да, шерстить будут, не дай бог никому. Не хотел бы я оказаться на их месте, — сказал человек. — А кто сюда снаружи приходит?

— Ремонтники. И службы доставки.

— Надо все эти службы сделать подразделениями компании.

— Я слыхал, что именно так и собираются сделать, — сказал отец. — Но это какой-то новый штамм. Мы уже получили биопрофиль.

— В эту игру могут и двое играть, — сказал человек.

— И даже больше, чем двое, — ответил отец Джимми.

— А почему коровы и овцы горели? — спросил Джимми на следующий день. Они завтракали втроем, так что, судя по всему, это было воскресенье. По воскресеньям папа с мамой оба присутствовали за завтраком.

Отец Джимми как раз пил вторую чашку кофе и чиркал по листку с цифрами.

— Их нужно было сжечь, — ответил он, — чтобы оно не распространялось.

Он даже не взглянул на Джимми — возился

с карманным калькулятором, рисовал карандашом.

— Что не распространялось?

— Заболевание.

— А что такое заболевание?

— Заболевание — это, к примеру, когда ты кашляешь, — сказала мама.

— А если я буду кашлять, меня сожгут?

— Скорее всего, — ответил папа, перевернув страницу.

Джимми испугался, потому что кашлял всего неделю назад. И мог закашляться в любой момент, в горле уже першило. Он вдруг увидел, как у него горят волосы — не отрезанная прядь на блюдце, а все волосы, прямо на голове. Он не хотел оказаться в одной куче с коровами и свиньями. Он заплакал.

— Сколько раз тебе повторять одно и то же? — сказала его мама. — Он еще слишком маленький.

— Да-да, папочка опять чудовище, — ответил папа. — Это была шутка, приятель. Ну, знаешь — шутка? Ха-ха.

— Он не понимает таких шуток.

— Что значит «не понимает»? Разумеется, он все понимает. Правда ведь, Джимми?

— Ага, — ответил Джимми, хлюпая носом.

— Оставь папочку в покое, — сказала мама. — Папочка думает. Ему за это платят. У него нет времени с тобой возиться.

Отец отшвырнул карандаш.

— Ну сколько можно?

Мама бросила зажженную сигарету в полупустую чашку с кофе.

— Пойдем, Джимми, прогуляемся. — Она схватила Джимми за запястье и выволокла на задний двор, с нарочитой осторожностью прикрыв дверь. Даже пальто не надела ни на себя, ни на него. И шапок. На ней был только халат и тапочки.

Серое небо. Холодный ветер. Мама шла опустив голову, и ветер трепал ей волосы. Они обогнули дом и пошли прямо через мокрый газон, мама шагала очень быстро и по-прежнему держала Джимми за руку. Будто существо с железными когтями тащит куда-то в бездну. Джимми было плохо, казалось, все вокруг вот-вот развалится и вихрем унесется прочь. Но еще ему было весело. Он смотрел на мамины тапочки, к которым уже прилипла мокрая земля. Если б он так заляпал себе тапочки, наверняка получил бы взбучку.

Они пошли медленнее, а потом вообще остановились. Мама заговорила спокойно и тихо,

словно учительница по телевизору. Значит, вне себя от злости. Болезнь, сказала мама, нельзя увидеть, она очень маленькая. Может летать по воздуху или спрятаться в воде или на грязных руках маленьких мальчиков, поэтому нельзя ковыряться в носу, а потом класть пальцы в рот, и нужно обязательно мыть руки после туалета, и нельзя вытирать…

— Я знаю, — сказал Джимми. — Можно я домой пойду? Мне холодно.

Но мама будто не слышала. Болезнь, продолжала она тем же спокойным ровным голосом, болезнь попадает к тебе внутрь и все там меняет. Она переделывает тебя, клетка за клеткой, и клеткам становится плохо. А поскольку ты весь состоишь из маленьких клеток, которые работают вместе, чтобы ты жил, если много клеток заболеет…

— У меня может кашель начаться, — сказал Джимми. — Прямо сейчас! — И он издал кашляющий звук.

— Ладно, не важно, — ответила его мама. Она часто пыталась объяснять ему разные вещи, но у нее не хватало терпения. Это были самые мучительные моменты для обоих. Он сопротивлялся, делал вид, что не понимает, даже когда понимал,

он притворялся глупым, он не хотел, чтоб она сдавалась. Хотел, чтоб она была храброй, достучалась до него, пробила стену, которую он выстроил между ними, хотел, чтоб она двигалась вперед.

— Я хочу услышать про маленькие клетки, — он ныл, ныл, насколько смел. — Хочу!

— Не сегодня, — сказала она. — Пойдем в дом.

«Фермы ОрганИнк»

Отец Джимми работал на «Фермы ОрганИнк». Он был генографом, одним из лучших специалистов в этой области. Он начал работать над генетической картой протеома сразу после колледжа, а потом помогал выводить Мафусаилову Мышь в рамках «Операции Бессмертие». После этого, уже на «Фермах ОрганИнк», он стал одним из создателей проекта «Свиноид», работал над ним вместе с командой экспертов по трансплантации и микробиологов, которые при помощи сплайсинга генов добивались устойчивости к инфекциям. Животное назвали свиноидом: официальное название — sus multiorganifer[4], но все говорили «свиноид». Иногда «Фермы ОрганИнк» называли «Фермами ОрганСвинк», но это случалось реже. В любом случае то были не совсем фермы — не такие, как рисуют на картинках.

Задачей проекта «Свиноид» было вырастить внутри трансгенетического организма (свиньи) надежные человеческие ткани и органы — их можно пересаживать людям без риска отторже-

---

[4] Примечания: 4
Свинья многоорганоносная (*лат.*).

ния, и эти трансплантаты смогут сопротивляться атакам враждебных микробов и вирусов, которых с каждым годом появлялось все больше. Свиньям привили ген быстрого роста, так что свиные почки, желудки и сердца вырастали быстрее, и сейчас ученые пытались создать свиноида, который смог бы выращивать одновременно пять или шесть почек. Животное-донор вполне могло пожертвовать лишними почками, жить дальше и отращивать новые органы, как, к примеру, омар, который способен вырастить клешню взамен потерянной. При этом свиноида не придется ликвидировать. Такой метод экономнее, поскольку на выращивание свиноида уходило много сил и продовольствия. В «Фермы ОрганИнк» была вложена куча денег.

Все это объяснили Джимми, когда он достаточно повзрослел.

Достаточно повзрослел, думает Снежный человек, снова расчесывая кожу вокруг укусов. Идиотизм. Достаточно для чего? Чтобы пить, трахаться, чтобы знать, чего не следует делать. Какой придурок имеет право решать? К примеру, сам Снежный человек не считал, что достаточно повзрослел для этого, этого — как это назвать? Для этой ситуации, скажем так. И никогда не

повзрослеет достаточно, ни один нормальный человек не будет для этого достаточно взрослым…

Каждый из нас должен следовать тому пути, что лежит перед ним, — говорит голос у него в голове, на этот раз мужской, какого-то фальшивого гуру, — *потому что каждый путь уникален. Ищущего должна занимать не столько природа самого пути, сколько великодушие, сила и терпение, с которыми каждый из нас встречает выпадающие на его долю…*

— Иди в жопу, — говорит Снежный человек. Очередная дешевка из серии «помоги-себе-сам». Нирвана для чайников. Правда, его почему-то терзает нехорошее подозрение, что этот шедевр вполне мог написать он сам.

В стародавние счастливые времена, само собой. Офигительно счастливые.

Органы свиноидов проходили индивидуальную настройку с помощью клеток людей-доноров, после чего замораживались и ждали своего часа. Гораздо дешевле, чем клонировать себя на «запчасти» — в этой технологии еще нужно кое-что подшлифовать, как любил говорить отец Джимми, — или держать парочку детей-доноров на нелегальных «детских фермах». Глянцевые брошюры и рекламные листовки

«ОрганИнк» в очень деликатных терминах описывали преимущества технологии свиноидов, эффективность и сравнительную безвредность процедуры. Дабы успокоить особо брезгливых, в брошюрах сообщалось, что умершие свиноиды не становятся беконом и сосисками: вряд ли захочешь есть животное, у которого, может быть, есть и твои клетки.

Но шло время, прибрежные водоносные слои стали солеными, таяла вечная мерзлота, тундра пузырилась метаном, засуха на равнинах средней части континента все тянулась, азиатские степи превращались в песчаные дюны, найти мясо становилось все сложнее, и люди засомневались. Даже в самой «ОрганИнк», в столовой для сотрудников, все чаще появлялись сэндвичи с беконом и ветчиной и пироги со свининой. Официально столовая называлась «Бистро у Андрэ», но завсегдатаи называли ее просто Свинюшечной. Когда Джимми обедал там с отцом, — то есть всякий раз, когда мама зашивалась и не успевала приготовить еду, — люди за соседними столиками неприятно шутили на эту тему.

— Снова пирог со свиноидами, — говорили они. — Блинчики со свиноидами, свиноидный попкорн. Давай, Джимми, налегай! — Джимми

расстраивался: он совершенно запутался, кому кого полагалось есть. Он не хотел есть свиноидов — он считал, что они похожи на него самого. Свиноиды, как и он, права голоса не имели.

— Не обращай на них внимания, милый, — говорила Рамона. — Они просто дразнятся, понимаешь? — Рамона — одна из лаборанток отца. Она часто обедала с ними, с Джимми и его папой. Рамона была моложе его отца и даже матери, она чем-то напоминала Джимми девушку с картинки в парикмахерской, такие же надутые губы и большие черные глаза. Но Рамона часто улыбалась, и волосы у нее были темные и мягкие, совсем не топорщились. Мама Джимми называла цвет своих волос «грязная блондинка». («Недостаточно грязная, — обычно говорил папа. — Эй, эй, это шутка, только не бей меня!»)

Рамона всегда брала себе салат.

— Как там Шэрон? — спрашивала она, глядя на отца Джимми огромными влажными глазами. Шэрон — это мама Джимми.

— Неважно, — отвечал папа.

— Ой, это ужасно жалко.

— Это уже серьезная проблема. Я волнуюсь.

Джимми наблюдал, как Рамона ест. Она откусывала по чуть-чуть и как-то умудрялась жевать

латук и не хрустеть. И сырую морковку тоже. Удивительно — Рамона будто разжижала жесткую, твердую пищу и всасывала, как инопланетный москит из фильма на DVD.

— Может, ей нужно, я не знаю, с кем-то проконсультироваться? — Брови Рамоны сочувственно ползли вверх. Она красила веки розовым, слишком много теней, веки казались морщинистыми. — Теперь всякое умеют, сейчас полно таблеток… — Может, Рамона и была техническим гением, но говорила, как девушка из рекламы геля для душа. Она не дура, объяснял отец Джимми, просто не хочет тратить мозговую мощность на длинные фразы. В «ОрганИнк» таких людей было много, не только женщин. Это всё потому, что они технари, а не гуманитарии, говорил отец Джимми. Джимми уже знал, что сам он — не технарь.

— Ты что думаешь, я не предлагал? Я поспрашивал у знакомых, нашел хорошего специалиста, даже записал ее на прием, но она взяла и не пошла. — Отец Джимми смотрел в стол. — У нее свои мысли на этот счет.

— Ужасно жалко, настоящая потеря. Ну, она же такой умной была!

— Она и сейчас умная, — говорил отец Джимми. — Ум просто из ушей лезет.

— Но она была такая, знаешь…

Рамона роняла вилку, и они с отцом Джимми очень долго смотрели друг на друга, будто подбирая слово, чтобы описать, какой раньше была его мама. Потом они замечали, что Джимми слушает, и тут же фокусировались на нем, как лучи инопланетных кораблей. Ослепительно ярко.

— Ну, Джимми, дорогой, как дела в школе?

— Ешь, приятель, и корки доедай, а то волосы на груди не вырастут.

— А можно я схожу посмотрю на свиноидов? — спрашивал Джимми.

Свиноиды были гораздо больше и толще обычных свиней — чтобы дополнительные органы помещались. Свиноидов держали в специальных зданиях и очень тщательно охраняли. Если бы свиноида и его генетический материал похитил конкурент, разразилась бы катастрофа. Джимми, когда ходил посмотреть на свиноидов, надевал биоскафандр, который был ему велик, маску и мыл руки специальным дезинфицирующим мылом. Ему очень нравились маленькие свиноиды, у каждой свиноматки по двенадцать штук, они лежали рядком и сосали молоко. Свинята. Симпатичные. А взрослые все-таки немного пугали — мокрые носы, розовые глазки с белесыми рес-

ницами. Они смотрели на него, будто видели, по правде видели и строили насчет него планы.

— Свинюк, хрюк-хрюк, свинюк, хрюк-хрюк, — пел он, чтобы их успокоить, и перегибался через ограждение. Сразу после мытья загоны почти не воняли. Джимми радовался, что не живет в загоне и что не надо валяться в собственных какашках и моче. У свиноидов не было туалетов, они ходили в туалет куда придется, и Джимми было смутно стыдно. Но он уже давно не писался в кровать — по крайней мере, ему так казалось.

— Не упади, — говорил папа. — А то они тебя съедят, оглянуться не успеешь.

— Нет, не съедят, — отвечал Джимми. Потому что я их друг, думал он. Потому что я пою им песенки. Ему очень хотелось обзавестись длинной палкой, чтобы потыкать свиноидов. Не бить, а просто чтобы они побегали. Они слишком много бездельничают.

Когда Джимми был еще совсем маленьким, они жили в каркасном доме, построенном в стиле Кейп-Кода, в одном из Модулей. В альбоме были фотографии, где они стояли на крыльце этого дома, фотографии с датами и всем прочим. Мама рассовала их в альбомы, когда ей было еще не все равно. Теперь они жили в большом доме в

стиле короля Георга, с бассейном под крышей и маленьким спортзалом. Мебель в доме называлась «репродукции». Лишь много лет спустя Джимми понял, что значит это слово: если есть репродукция, где-то должен быть и оригинал. Или был когда-то. Ну, вроде того.

Этот дом, бассейн, мебель — все находилось в охраняемом поселке «ОрганИнк», где жило высшее руководство. Со временем администрация и младший научный персонал тоже туда переехали. Отец Джимми говорил, что так даже лучше: никому не приходится ездить на работу из Модулей. Даже учитывая стерильные транспортные коридоры и скоростные поезда, в городе всегда рискуешь заразиться.

Джимми никогда не был в городе. Только видел по телевизору — бесконечные рекламные щиты, неоновые вывески и ряды домов, высоких и низких, нескончаемые грязные улицы, бесчисленные машины плюются клубами дыма из выхлопных труб, тысячи людей спешат куда-то, веселятся, безобразничают. Были и другие города, близкие и далекие, некоторые получше, почти охраняемые поселки, говорил отец, и дома в них за высокими заборами, но эти города по телевизору показывали редко.

Люди из охраняемых поселков старались в город без необходимости не выбираться и никогда не ездили в одиночку. Они называли города *плебсвиллями*. У всех жителей плебсвиллей имелись удостоверения личности с отпечатками пальцев, но служба безопасности там работала из рук вон плохо: в городах бродили типы, которые могли подделать любой документ и оказаться кем угодно, не говоря уж про всякую шваль — наркоманов, грабителей, нищих, сумасшедших. Так что работникам «Ферм ОрганИнк» лучше жилось всем вместе и под защитой.

Снаружи, где кончались заборы, ворота и прожекторы «ОрганИнк», все было непредсказуемо. А внутри — как всегда, как в те времена, когда папа был маленьким, когда дела еще не приняли серьезный оборот, как выражался сам папа. Мама говорила, что это все ненастоящее, как парк развлечений, и что пути назад нет, и тогда папа спрашивал: зачем разрушать то, что есть? Можно спокойно гулять по улице, разве не так? Ездить на велосипеде, сидеть в кафе на веранде, есть мороженое в стаканчике. Джимми знал, что папа прав, потому что сам Джимми именно так ездил, гулял, ел мороженое.

И все же люди из ККБ, — отец Джимми называл

их *наши люди*, — постоянно были начеку. Когда ставки так высоки, неизвестно, на что решится противник. Противник или противники, их было много. Другие компании, другие страны, разные клики и заговорщики. Вокруг слишком много техники, говорил папа Джимми. Слишком много техники, программ, враждебных биоформ, разнообразного оружия. А еще слишком много фанатизма, зависти и вранья.

Давным-давно, во времена драконов и рыцарей, короли и герцоги жили в замках с высокими стенами, подъемными мостами и бойницами, откуда на врага лили горячую смолу, говорил папа. Охраняемые поселки — то же самое. Замки были нужны, чтобы ты с друзьями сидел в безопасности и никого внутрь не пускал.

— Значит, мы короли и герцоги? — спрашивал Джимми.

— Именно так, — смеялся отец.

Обед

Одно время мама Джимми тоже работала на «Фермы ОрганИнк». Там она и познакомилась с отцом Джимми: они работали в одном охраняемом поселке над одним проектом. Мама была микробиолог, изучала белки вредных для свиноидов биоформ и модифицировала их рецепторы, чтобы те не взаимодействовали с клетками свиноидов, или создавала лекарства-блокираторы.

— Это очень просто, — говорила она Джимми, когда на нее находил стих объяснять. — Плохие микробы и вирусы хотят залезть в клетки через специальные двери и съесть свиноидов изнутри. А твоя мамочка делает для этих дверей замки. — Она показывала на мониторе клетки, микробов, как микробы лезут в клетки, заражают их, и клетки лопаются, увеличенные изображения белков, лекарства, которые мама тестировала. Они походили на прозрачные банки со сластями в супермаркете, что продаются на вес, круглые, разноцветные, длинные лакричные жевательные шнуры. Клетки тоже были как прозрачные банки с крышками.

— Почему ты больше не делаешь замки для

клеток? — спрашивал Джимми.

— Потому что я хочу сидеть дома, с тобой, — говорила она, глядя куда-то поверх его головы и дымя сигаретой.

— А как же свиноиды? — тревожился Джимми. — В них же попадут микробы! — Он не хотел, чтобы его друзья-звери лопнули, как зараженные клетки.

— Теперь этим другие занимаются, — говорила мама. Казалось, ей теперь все равно. Она разрешала играть с картинками на ее компьютере, а когда Джимми научился запускать программы, позволила вести компьютерные войны — клетки против микробов. Мама говорила, что ничего страшного, если он что-то испортит, данные уже все равно устарели. Но иногда — в те редкие дни, когда мама бывала оживленной, порывистой, деловитой, целеустремленной, — она сама любила повозиться с компьютером. Ему нравились эти дни — когда она вроде радовалась жизни. В эти дни она и говорила с ним по-дружески. Она была настоящей матерью, а он — настоящим сыном. Правда, эти моменты так и оставались моментами.

Когда она ушла из лаборатории? Когда Джимми пошел в школу «ОрганИнк», в первый класс, на

полный день. Странно: если она хотела сидеть дома ради Джимми, почему бросила работу, как раз когда он перестал бывать дома? Джимми так и не понял, почему, а тогда был слишком мал и даже не задумался. Знал только, что Долорес, няню с Филиппин, которая раньше у них жила, уволили, и он очень по ней скучал. Она называла его Джим-Джим, улыбалась, смеялась, готовила яйца, как ему нравится, пела песенки и баловала его. Но Долорес пришлось уйти, потому что теперь с ним всегда будет его настоящая мама — мол, это же хорошо, — а ведь никому не нужны две мамы, правда?

Нет, нужны, думает Снежный человек. Еще как нужны.

Снежный человек ясно видит свою мать — мать Джимми, — как она сидит за кухонным столом, все еще в утреннем халате, а он возвращается из школы обедать. Перед мамой стоит нетронутая чашка с кофе, мама смотрит в окно и курит. Халат ярко-малиновый — Снежный человек до сих пор нервничает, когда видит этот цвет. Как правило, мать не готовила обеда к приходу Джимми, и ему приходилось все делать самому, а она только сухо распоряжалась («Молоко в холодильнике. Справа. Да нет же, *справа*. Ты что, не знаешь,

какая рука правая?»). Голос такой, будто она смертельно устала; может, она устала от него. А может, больна.

— Ты что, заразилась? — спросил он однажды.

— Ты о чем, Джимми?

— Как клетки.

— А, понятно. Нет, я не заразилась, — ответила она. Помолчала и прибавила: — А может, и да. — Но взяла свои слова назад, увидев, что его лицо искривилось в преддверии плача.

Больше всего Джимми хотелось рассмешить ее — чтоб она была счастливой, как раньше, такой, какой он ее, кажется, помнил. Он рассказывал ей забавные истории про школу, иногда приукрашивал, чтобы было смешнее, или просто выдумывал. («Кэрри Джонсон покакала прямо на пол».) Он прыгал по комнате, сводил глаза к переносице и кривлялся, как обезьяна, — проверенный в школе трюк, безупречно срабатывал на мальчиках, а порой и на девочках. Джимми мазал себе нос арахисовым маслом и пытался слизнуть. Чаще всего такие выходки мать нервировали: «Это не смешно, это отвратительно». «Джимми, перестань, у меня голова от тебя болит». Но иногда ему удавалось выдавить из нее улыбку, а то и не одну. Не угадаешь, что подействует.

А иногда она готовила ему настоящий обед, настолько помпезный и торжественный, что Джимми пугался — не знал, по какому поводу такая красота. Столовые приборы, бумажные салфетки, — *цветные* бумажные салфетки, как на праздник, — сэндвич с арахисовым маслом и вареньем, его любимый, только открытый и круглый. Лицо из арахисового масла с улыбкой из варенья. В такие дни мама обязательно аккуратно одевалась, помада на губах — отражение улыбки на сэндвиче, мама просто лучилась вниманием, слушала его глупые истории и смотрела прямо на него, глаза — синее не бывает. В такие дни мама напоминала ему фаянсовую раковину: чистую, холодную и сверкающую.

Он знал, что обязан восхититься ее старанием, и тоже старался.

— Ух ты, мой любимый, — говорил он, закатывая глаза и потирая живот. Он изображал голод, явно переигрывая. Но бывал вознагражден: она смеялась.

Взрослея и набираясь хитрости, Джимми начал понимать: если нельзя добиться одобрения, то можно вызвать хоть какую-то реакцию. Все лучше тусклого голоса, пустых глаз и усталого взгляда в окно.

— А можно мне кошку? — спрашивал он.

— Нет, Джимми, тебе нельзя кошку. Мы об этом уже говорили. У кошек бывают болезни, опасные для свиноидов.

— Но тебе же все равно. — Это явная провокация.

Вздох, облако сигаретного дыма.

— Другим не все равно.

— Тогда можно мне собаку?

— Нет. Собаку тоже нельзя. Тебе что, нечем у себя в комнате заняться?

— А попугая?

— Нет. Все, перестань. — Она уже не слушает.

— А можно мне ничего?

— Нет.

— Вот и хорошо, — кричал он. — Мне нельзя «ничего». Значит, мне полагается что-то! Что мне можно?

— Джимми, ты иногда жутко меня бесишь, ты знаешь об этом?

— А можно мне сестренку?

— Нет!

— А братика? Ну, пожалуйста!

— Нет — значит «нет»! Ты меня слышишь? Я сказала «нет»!

— А почему?

Теперь дело в шляпе. Мать могла заплакать, выскочить из комнаты и хлопнуть дверью. Могла заплакать и его обнять. Или запустить в стену кофейной чашкой и закричать:

— Черт, черт, черт, все без толку! — Она даже могла его ударить, а потом заплакать и обнять. И все это в любых комбинациях.

А еще могла просто заплакать, опустив голову на руки. Ее трясло, она рыдала, задыхалась и всхлипывала. Тогда он не знал, что делать. Он так любил ее, когда мучил или когда она мучила его, — не поймешь, кто здесь кого терзает. Он стоял, чуть отодвинувшись, как перед бродячей собакой, протягивал руку, повторяя:

— Извини, извини меня, пожалуйста. — Ему действительно было стыдно, но мало того: он втайне радовался и поздравлял себя, что ему удалось такое с ней сотворить.

А еще он боялся. Всегда существовала грань — не перешел ли? И если да, что теперь будет?

3

Полдень

Полдень — самое ужасное время суток: слепящее солнце и влажность. Часам к одиннадцати Снежный человек обычно возвращается в лес, подальше от моря: свет отскакивает от воды, достает даже там, где не достанет небо, и Снежный человек весь краснеет и покрывается волдырями. Пригодился бы солнцезащитный крем — непонятно только, где его найти.

В первую неделю, когда ему еще хватало сил, он из веток, строительной изоленты и брезента, найденного в багажнике разбитой машины, соорудил навес. Тогда еще был нож — потом потерялся. Через неделю или, может, две? За неделями надо бы следить внимательнее. Карманный ножик, с двумя лезвиями, шилом, маленькой пилой, пилкой для ногтей и штопором. Еще в нем были маленькие ножницы — Снежный человек стриг ими ногти и резал изоленту. Ножниц ему особенно не хватает.

Когда Джимми исполнилось девять лет, отец подарил ему такой же ножик. Он всегда дарил ему инструменты — практичного человека воспитывал. По мнению отца, Джимми и болта не

вкрутит. *Кому надо болт вкручивать?* — говорит голос в голове у Снежного человека, эстрадный комик на сей раз. *— Я б его лучше забил.*

— Заткнись, — говорит ему Снежный человек.

— А ты дал ему доллар? — спросила Орикс, когда он рассказал ей про ножик.

— Нет. А зачем?

— Когда тебе дарят ножик, за него нужно отдать деньги. Чтобы не пораниться об неудачи. Не хочу, чтобы ты поранился об неудачи, Джимми.

— Это кто тебе такое сказал?

— Ну, кто-то. — *Кто-то* играл в ее жизни очень важную роль.

— Какой еще кто-то? — Джимми ненавидел этого «кого-то» — безлицего, безглазого, сплошь руки и член, один член, два, множество, — но Орикс шептала ему на ухо: ой, кто-то, и смеялась, и как он мог сосредоточиться на застарелой ненависти?

Недолго, пока был навес, Снежный человек спал на раскладушке, которую утащил из бунгало, примерно в миле отсюда. Раскладушка — железная рама, пружинная сетка и пенопластовый матрас. В первую же ночь напали муравьи — пришлось поставить ножки раскладушки в банки с водой. Муравьи отступили, но под брезентом

застаивался горячий влажный воздух, ночью влажность — чуть ли не сто процентов, тем более внизу, от дыхания запотевал пластик.

Еще Снежному человеку мешали скуноты — шуршали листьями, обнюхивали его ноги и шныряли вокруг, будто он уже падаль, а однажды утром он увидел сквозь пластик, что на него смотрят три свиноида. Один из них был самец — вроде бы клык блеснул. По идее, свиноидам клыки не полагаются, но, может, они обзавелись клыками, одичав, в силу необходимости, — наверняка быстро, у свиноидов же ген ускоренного развития. Снежный человек закричал и замахал руками, свиноиды убежали — но кто знает, что они еще учинят? Свиноиды или волкопсы рано или поздно догадаются, что пистолета-распылителя у него нет. Он выкинул пистолет, когда заряды кончились. Глупо, что он не спер зарядник: ошибка, и устроить спальню на земле — тоже.

Он перебрался на дерево. Ни волкопсов, ни свиноидов, да и скунотов намного меньше — они предпочитали подлесок. Из сучьев и изоленты он соорудил на нижних ветках подобие платформы. Неплохо вышло: отец всегда говорил, что у него руки не тем концом подвешены, но это неправда. Сначала Снежный человек затащил на дерево

матрас — его пришлось выкинуть, когда он заплесневел и стал дразняще вонять томатным супом.

Брезент унесло во время на редкость сильного урагана. Но каркас от раскладушки остался, и Снежный человек по-прежнему лежал там днем. Он обнаружил, что вытянуться на раскладушке, раскинув руки и сняв простыню, наподобие святого, которого поджаривают на решетке, намного удобнее, чем просто лежать на земле, — по крайней мере, воздух обдувает тело целиком.

Откуда ни возьмись всплывает слово «мезозойский». Он видит это слово, слышит его, но постичь не может. Оно ни к чему не пристегивается. В последнее время такое нередко происходит, смысл растворяется, строчки в заветных списках редких слов исчезают одна за другой.

— Это все из-за жары, — сказал он себе. — Пойдет дождь, и я приду в себя. — Пот течет ручьями, он почти слышит, как ползут струйки пота. Иногда, правда, это не пот, а насекомые. Всякие жучки находят его неотразимым. Жучки, мухи, пчелы, будто он — кусок тухлого мяса или отвратительный цветок.

Хорошо, что в полдень есть не хочется: от одной мысли о еде подташнивает, словно наелся

масляного торта, а потом пошел в парилку. Вот если бы он умел охлаждаться, вывесив язык.

Теперь солнце жарит по полной — раньше это называлось «стоит в зените». Снежный человек растянулся на пружинном каркасе своей кровати, в текучей тени деревьев, отдав себя на растерзание жаре. *Давайте играть понарошку, как будто мы поехали в отпуск!* На этот раз голос школьной учительницы, веселый, снисходительный. Мисс Стрэттон, зовите-меня-Салли, с огромной задницей. *Будем играть то, понарошку это.* Первые три года в школе тебя все время заставляют прикидываться тем или этим, понарошку, а потом начинают за это же самое ставить плохие оценки. *Будем играть понарошку, что вот я здесь, с тобой, толстозадая и все такое, через член высосу тебе мозги.*

Кажется, что-то шелохнулось. Он смотрит вниз, на себя, — нет, почудилось. Салли Стрэттон исчезает — туда и дорога. Надо бы чем-то свое время занять. «Свое время», несостоятельная формула, будто Снежному человеку выдали ящик его личного времени, ящик, под завязку набитый часами и минутами, трать их, как деньги. Только ящик подсунули дырявый, и время утекает, что ни делай.

Можно, скажем, выстругивать палочку. Сделать шахматы, играть самому с собой. Раньше он играл с Коростелем, но на компьютере, без настоящих фигур. Обычно выигрывал Коростель. Где-то должен быть еще нож; если поискать, покопаться в остатках, наверняка найдется. Если вдуматься, удивительно, что эта мысль не посещала его раньше.

Он опять возвращается в школьные дни — в то время после уроков, что они проводили с Коростелем. Поначалу все было достаточно невинно. Они играли в «Вымирафон» или еще во что. «Трехмерный Уэйко[5]», «Нашествие варваров», «Квиктайм Усама»[6]. Во всех играх — параллельные стратегии: нужно предугадывать, куда движешься ты и куда — противник. Коростель был мастером — в обходных маневрах ему нет равных. Но Джимми иногда удавалось выиграть в «Квиктайм Усаму», если Коростель играл за Неверных.

Нет, такую игру из дерева не вырежешь. При-

---

[5] Примечания: 5

Осада Уэйко — осада силами Федерального бюро расследований США поместья «Маунт Кармел» в Уэйко Техас, где находились члены религиозной секты «Ветвь Давидова», в 1993 году. Во время осады погибло 79 членов секты. Это, среди прочего, отсылка к будущей судьбе вертоградарей. — *Прим. ред.*

[6] Примечания: 6

Намек на Усаму бен Ладена.

дется довольствоваться шахматами.

Еще можно вести дневник. Впечатления записывать. В домах, которые пока не сгорели и в которых не обрушились потолки, наверняка найдется куча бумаги, ручки или карандаши — он во время своих поисковых экспедиций видел, но не додумался взять. Притвориться капитаном корабля, как в древние времена: на море шторм, а капитан сидит в каюте, обреченный, но не сломленный, и заполняет бортовой журнал. Снежный человек видел такие фильмы. Или как потерпевший кораблекрушение на необитаемом острове день за днем ведет дневник — один нудный день за другим. Списки припасов, наблюдения за погодой, мелкие дела — пришил пуговицу, съел моллюска.

Он тоже в каком-то смысле выброшен на необитаемый остров. Можно списки составлять. Это придаст жизни структуру.

Но даже житель необитаемого острова думает о будущем читателе, что приплывет на остров, найдет истлевшие кости и узнает о судьбе несчастного из дневника. Снежному человеку такая роскошь не светит: у него не будет читателей. Дети Коростеля читать не умеют. Какого читателя ни вообрази — все они в прошлом.

Сверху на ниточке спускается гусеница, медленно вращается, точно эквилибрист в цирке, нацелилась ему на грудь. Красивая гусеница, невероятно зеленая, будто шарик жевательного мармелада, покрыта сияющими волосами. Снежный человек наблюдает, внезапная, необъяснимая радость и нежность охватывают его. Уникальна, думает он. Никогда в этом мире не появится другой такой гусеницы. Никогда не будет такого момента, не случится такого совпадения.

Порой на него находит — такие беспричинные всплески иррационального счастья. Возможно, авитаминоз.

Гусеница на миг останавливается, вертит тупой головой. Огромные матовые глаза — будто забрало спецназовского шлема. Может, учуяла его — точнее, его химическую ауру.

— Мы здесь не для того, чтобы играть, парить, мечтать, — говорит он гусенице. — Нам много сделать предстоит и многое узнать[7].

Вот из какого отмирающего мозгового колодца появилась эта чушь? Уроки Жизненных Навыков, средняя школа. Учитель был дряхлым неоконсерватором, нелепым осколком доисторической

[7] Примечания: 7

Цитата из стихотворения «Будь сильным» католического священника Молти Д. Бэбкока (1858–1901).

эпохи доткомов[8]. Он собирал длинноватые волосы в хвостик на лысеющем затылке; носил куртку из искусственной кожи; в бугристом, пористом носу красовалась золотая серьга. Он проповедовал умение надеяться только на себя, готовность идти на риск, индивидуализм; но безнадежным тоном, словно сам в эти добродетели давно не верил. Иногда он выдавал замшелые афоризмы, сдобренные злой иронией, но даже она не могла развеять скуку, царившую на его уроках; порой он говорил: «Я мог бы стать кандидатом»[9], — и многозначительно таращился, будто в этой фразе таился глубочайший смысл, который им всем следовало уловить.

Двойная бухгалтерия, банковская система «для чайников», как поджарить и не взорвать яйцо в микроволновке, заполнение заявки на жилье в таком-то или сяком-то Модуле или заявления на работу в таком-то или сяком-то охраняемом поселке, изучение собственной наследственности, как самому торговаться при заключении

---

[8] Примечания: 8

Доткомы (от английского «.com») — общее название интернет-компаний, во множестве появившихся в 1990-х годах и прогоревших в начале 2000-х.

[9] Примечания: 9

Цитата из фильма «В порту» (1954 г.) режиссера Элии Казана.

брачного или разводного контракта, выбор партнера, чьи гены подходят к твоим, использование презервативов для защиты от биоформ, передающихся половым путем, — вот такие Жизненные Навыки. Дети особо не слушали. Они либо уже знали все это, либо не желали знать, и урок у них считался часом отдыха. Мы здесь не для того, чтобы играть, парить, мечтать. Нам Жизненные Навыки предстоит узнать.

Или, к примеру, вместо шахмат или дневника можно заняться бытом. Тут многое можно усовершенствовать, очень многое. В первую очередь — новые источники пищи. Почему он ни разу, никогда в жизни не интересовался, как использовать корни, ягоды и примитивные ловушки на мелкую живность или как едят змей? Зачем тратил время впустую?

Дорогой, не мучай себя! — сочувственно выдыхает ему в ухо женский голос.

Если б найти пещеру, славную пещеру, с высоким потолком, хорошей вентиляцией и, может, ручьем каким-нибудь, жизнь бы наладилась. Ну да, в четверти мили отсюда есть ручей, он в одном месте разливается в заводь. Раньше Снежный человек ходил туда освежиться, но там могут купаться Дети Коростеля, купаются или

сидят на берегу, приставать будут, уговаривать, чтоб искупался, а он не хочет им показываться без простыни. По сравнению с ними он все-таки слишком странный; при них он чувствует себя уродом. А если нет людей, запросто могут быть звери: свиноиды, волкопсы, рыськи. Хищники всегда лежат в засаде у водопоя. Они ждут. Глотают слюну. Нападают. Очень неуютно.

Собираются тучи, небо темнеет. Он мало что различает сквозь деревья, но чувствует, как меняется свет. Снежный человек погружается в полудремоту, ему грезится Орикс, она плавает в бассейне, на ней одеяние из лепестков, тонких, словно из папиросной бумаги. Они распускаются, сжимаются и разжимаются, точно щупальца медузы. Ярко-розовый бассейн. Орикс улыбается и плывет, медленно двигая руками, а Снежный человек понимает, что оба они в опасности. Затем раздается гулкий удар, будто захлопнули громадный склеп.

Ливень

Снежный человек просыпается от грома и порыва ветра: накрыла послеобеденная гроза. Он выкарабкивается из раскладушки, хватает простыню. Налетит в мгновение ока, а металлическая раскладушка — последнее место, где стоит находиться в грозу. В лесу он соорудил островок из автопокрышек, надо заползти туда, покрышки будут изоляцией между ним и землей, пока гроза не кончится. Порой идет град, каждая градина — как мячик для гольфа, но листва замедляет их падение.

Снежный человек добирается до покрышек, и тут же начинается гроза. Сегодня только дождь, всегдашний потоп, такой мощный, что воздух превращается в туман. Сверху рушится вода, трещат молнии. Над головой хлещут ветки, по земле текут ручьи. Становится прохладнее, воздух заполняется запахом свежевымытых листьев и мокрой земли.

Дождь превращается в изморось, раскаты грома затихают где-то вдали, и Снежный человек возвращается к тайнику — взять бутылки из-под пива. Потом идет к бетонному навесу, который

был когда-то частью моста. Под навесом — оранжевый знак с черным силуэтом копающего человека. Прежде это означало «Работают люди». Странно думать о бесконечном труде, копании, ковке, резьбе, поднятии тяжестей, бурении, день за днем, год за годом, век за веком; а теперь сплошная разруха — наверное, везде. Песочные замки на ветру.

Вода течет сквозь дыру в бетоне. Снежный человек встает под струю, открывает рот и жадно глотает — в воде полно песка, веточек и еще какой-то дряни, о которой и думать не хочется: вода, наверное, текла сюда через заброшенные дома, подвалы, грязные канавы, да где угодно. Снежный человек моется и полощет простыню. Особо чистым не станет, но хотя бы смоет верхний слой грязи. Неплохо бы обзавестись мылом, Снежный человек в каждом своем мародерском набеге забывает.

В конце концов он наполняет водой пивные бутылки. Надо раздобыть емкость поудобнее, термофлягу или ведро — побольше что-нибудь. К тому же бутылки неудобные: скользкие и неустойчивые. Но ему все кажется, что он чувствует запах пива — хотя это всего лишь плод воображения. *Давайте поиграем, как будто это*

пиво.

Зря он об этом. Нечего себя мучить. Хватит дразнить себя недостижимым, словно он запертая, истыканная проводами лабораторная крыса, вынужден ставить бесполезные извращенные эксперименты над собственными мозгами.

Выпустите меня на свободу! — слышит он свои мысли. Но ведь он не заперт, не в тюрьме. Свободнее некуда.

— Я не нарочно, — по-детски хнычет он, в таком настроении он всегда хнычет. — Так получилось, я ведь не знал, все вышло из-под контроля! Что я мог сделать, ну что? Кто-нибудь, послушайте, ну услышьте же меня, кто-нибудь!

Отвратительный спектакль. Даже он не поверил. Зато теперь снова плачет.

Очень важно, говорит книга у него в голове, *игнорировать незначительные источники раздражения, избегать тщетного роптания и направить всю ментальную энергию на реальность данного мига и на задачи, которые она ставит*. Наверное, прочел где-то. В его мозгу вряд ли бы родилось *тщетное роптание* — наверняка он откуда-то это позаимствовал.

Он вытирает лицо краем простыни.

— Тщетное роптание, — повторяет он вслух.

Ему вновь чудится, будто его слушают, будто кто-то невидимый прячется в листве и лукаво наблюдает.

4

Скунот

У него и впрямь есть слушатель: молодой скунот. Теперь Снежный человек видит: из-под куста на него уставились блестящие глаза.

— Хорошая девочка, иди сюда, — ласково говорит он. Скунот тут же исчезает. Если задаться такой целью, если очень постараться, можно приручить скунота — будет с кем поболтать. Всегда приятно с кем-нибудь поболтать, говорила ему Орикс.

— Ты бы как-нибудь попробовал, Джимми, — говорила она, целуя его в ухо.

— Но я с тобой болтаю, — возражал он.

Еще поцелуй.

— Неужели?

Когда Джимми исполнилось десять лет, отец подарил ему скунота.

Как выглядел отец? Снежный человек не может вспомнить, как ни пытается. Мать Джимми — четкий образ, с белой блестящей рамкой, будто на полароидных фотографиях, но отец вспоминается обрывками: кадык прыгает вверх-вниз, когда отец глотает, уши просвечивают на фоне

кухонного окна, левая ладонь лежит на столе, отрезанная манжетой. Отец — словно коллаж. Может, Джимми не удавалось отдалиться, чтобы рассмотреть картинку целиком.

Наверное, скунот появился, потому что у Джимми был день рождения. Джимми полностью вытеснил воспоминания о своих днях рождения: они не праздновались — по крайней мере, с тех пор, как уехала Долорес. Она-то всегда помнила про его день рождения, готовила торт или покупала, но все равно то был самый настоящий деньрожденный торт со свечками и сахарной глазурью — правда же? Снежный человек цепляется за реальность этих тортов, как утопающий за соломинку, закрывает глаза и вызывает в памяти торты, они парят перед ним, горящие свечи вкусно пахнут ванилью, как и сама Долорес.

А вот мать никогда точно не помнила, сколько Джимми лет и когда у него день рождения. Ему приходилось напоминать за завтраком; тогда мать выныривала из своего транса и покупала ему какой-нибудь ужасающий подарок — детскую пижаму с кенгуру или медведями, диск, который не станет слушать ни один человек младше сорока, белье с нарисованными китами, — заворачивала в бумагу и совала ему за

ужином, все страннее улыбаясь. Словно кто-то закричал «Улыбайся!» — и ткнул ее вилкой.

А потом отец терзал их неуклюжими оправданиями, мол, эта правда-правда особенная и важная дата как-то вылетела у него из головы, и спрашивал Джимми, все ли в порядке, и присылал ему электронную открытку — стандартный дизайн «ОрганИнк»: пять крылатых свиноидов танцуют конгу, подпись «С Днем Рождения, Джимми, пусть все твои мечты сбываются», — а на следующий день приносил подарок — не подарок, по сути дела, а очередной инструмент, или интеллектуальную игру, или еще какое скрытое требование, а Джимми должен был соответствовать. Только чему? Стандарта не было, а если и был, то настолько размытый и необъятный, что его никто не мог разглядеть, в особенности Джимми. Чего бы он ни достиг, всё было не то, всё мало. По шкале результатов «математика-химия-прикладная биология», принятой в «ОрганИнк», Джимми, видимо, был удручающе нормален. Может, поэтому отец перестал говорить, что можно добиться большего, если постараться, и начал хвалить сына — с плохо скрываемым разочарованием, словно у того черепно-мозговая травма.

В общем, Снежный человек забыл про десятый

день рождения всё, кроме скунота, которого отец принес в дорожной клетке. Очень маленький скунот, самый маленький из второго поколения, отпрыск первой пары, которую построили генным сплайсингом. Остальной помет тут же раскупили. Отец Джимми дал понять, что ему пришлось потратить много времени и практически все свое влияние, чтобы раздобыть этого зверя, но это все ерунда, оно того стоило, ведь он никаких усилий не жалеет ради такого очень-очень важного дня (который, как всегда, по странной случайности уже прошел).

Поначалу скуноты были баловством, их в свободное время выводили какие-то подающие надежды сотрудники из биологической лаборатории «ОрганИнк». В те дни все дурачились: так забавно создавать новых животных, говорили эти ребята, богом себя чувствуешь. Результаты некоторых экспериментов пришлось уничтожить, они оказались слишком опасны — кому нужна жаба ага с цепким, как у хамелеона, хвостом, которая через окно заберется в ванную и ослепит вас, пока вы чистите зубы? Еще был змеекрыс, неудачная помесь крысы и змеи, его тоже пришлось ликвидировать. Но скуноты обрели популярность у сотрудников «ОрганИнк». Они были

не из внешнего мира — мира вне охранямых поселков, — поэтому не являлись переносчиками чужеродных микробов и не представляли опасности для свиноидов. К тому же они были миленькие.

Маленький скунот позволил Джимми взять себя на руки. Черно-белый — черная маска на морде, белая полоса на спине и черно-белые кольца на пушистом хвосте. Скунот лизнул пальцы Джимми, и тот влюбился.

— Он не воняет, как скунсы, — сказал отец. — Чистый зверь с добрым нравом. Добродушный. Взрослые скуноты в домах живут плохо, они агрессивные, могут дом запросто развалить. Но этот вроде поспокойнее. Посмотрим, как у него дела пойдут. Да, Джимми?

Последнее время отец словно извинялся перед Джимми, будто несправедливо наказал за что-то, а теперь жалеет. Он слишком часто говорил: «Да, Джимми?» Джимми это не нравилось — не нравилось, что теперь он должен ставить другим хорошие оценки. У отца были и другие неприятные привычки — неожиданные шутливые удары под дых, взъерошивание волос, слово «сынок» особо задушевным голосом. И эта фальшивая сердечность становилась все менее убедитель-

ной, будто отец прослушивался на роль отца в кино, но без особой надежды на успех. Джимми сам немало притворялся, так что, как правило, различал притворство в других. Он погладил маленького скунота и промолчал.

— А кто будет его кормить и чистить за ним туалет? — спросила мама. — Потому что я этим заниматься не собираюсь. — Она не злилась, сказала это невозмутимо, сухо, будто она только наблюдатель, в стороне; будто Джимми и рутинная забота о нем, и его неудовлетворительный отец, и грызня между ними двумя, и багаж их жизней, что с каждым днем тяжелее, — все это не имело с ней ничего общего. Она больше не злилась, не выбегала из дома в одних тапочках. Она будто специально притормозила, и ее действия стали намеренными.

— А Джимми тебя и не просил. Он этим сам займется. Да, Джимми? — сказал отец.

— Как ты его назовешь? — спросила мама. Ее это вообще-то не интересовало, она просто цеплялась к Джимми. Ей не нравилось, когда он привязывался к подаркам отца. — Наверное, Бандитом?

Джимми как раз про это имя и думал — из-за черной маски.

— Нет, — ответил он. — Это скукота. Назову Убийцей.

— Хороший выбор, сынок, — сказал отец.

— Ну, если твой Убийца наделает лужу, не забудь подтереть, — сказала мама.

Джимми отнес Убийцу в свою комнату, и скунот устроил себе гнездо в подушке. Он все-таки пахнул, странно, однако не противно, острый запах кожи, как дорогое мыло для мужчин от какого-нибудь дизайнера. Джимми спал в обнимку с Убийцей, нос к носу.

Через пару месяцев отец Джимми сменил работу. Его нашли охотники за головами из «НоваКожа» и предложили работу на уровне заместителя — на вице-уровне, как выразилась мама. Рамона, лаборантка из «ОрганИнк», перешла на новую работу вместе с отцом Джимми; Рамона была частью сделки, потому что она очень ценный кадр, сказал отец, его правая рука. («Шутка», — объяснил он — мол, он в курсе, что на самом деле Рамона никакая не рука. Но Джимми это и без него знал.) Джимми, в общем, радовался, что по-прежнему сможет видеть Рамону за обедом — хоть кто-то знакомый, — хотя обедов этих было все меньше, и случались они все реже.

«НоваКожа» была дочерней компанией «Здра-

вайзера», и Джимми с родителями переехали в охраняемый поселок «Здравайзер». На сей раз дом — в стиле итальянского Возрождения, крыльцо с аркой, изразцы цвета натуральной керамики, крытый бассейн побольше. Мама Джимми называла дом «этот сарай». Она жаловалась на службу безопасности у ворот «Здравайзера» — охранники грубее, подозревали всех и любили устраивать личный досмотр, особенно женщинам. Им это в кайф, говорила она.

Она делает из мухи слона, возражал отец. К тому же, прибавлял он, пару недель назад тут произошло ЧП — какая-то фанатичка, женщина, с агрессивной биоформой в баллончике из-под лака для волос. Какой-то ужасный укрепленный сплайс, «эбола» или «марбург», вызывает геморрагическую лихорадку. Она атаковала охранника — тот вопреки правилам снял маску, потому что жарко стало. Разумеется, женщину тут же обезвредили пистолетом-распылителем и нейтрализовали в цистерне с хлоркой, а бедного охранника тут же переместили в отдел агрессивных биоформ и заперли в изоляторе, где он превратился в лужицу слизи. Больше никто не пострадал, но неудивительно, что охранники теперь нервничают.

Мама Джимми говорила, что все равно чувствует себя как в тюрьме. Она не понимает, какова ситуация, отвечал отец. Она что, не хочет быть в безопасности, не хочет, чтобы ее сын был в безопасности?

— Так это все ради меня? — спросила мама. Она неторопливо резала французский тост на ровные кубики.

— Ради *нашего* блага. Ради нас.

— Ну, знаешь ли, я не согласна.

— Тоже мне новость, — сказал отец Джимми.

Если верить маме Джимми, телефон их прослушивался, электронная почта перехватывалась, а крепкие молчаливые уборщицы, которые приходили дважды в неделю — всегда парами, — были шпионами. У нее уже паранойя, сказал отец, и в любом случае скрывать им нечего, зачем волноваться.

Охраняемый поселок «Здравайзер» был новее, чем «ОрганИнк», и больше. Два торговых центра вместо одного, больница получше, три ночных клуба и даже поле для гольфа. Джимми пошел в местную школу, где поначалу никого не знал. Несмотря на одиночество, вполне терпимо. На самом деле даже хорошо: можно по новой опробовать старые шутки и трюки, в «ОрганИнк»

дети уже привыкли к его выходкам. Он уже не подражал шимпанзе, как в детстве — теперь он изображал, что его тошнит или что он подавился чем-то и задохнулся до смерти. Оба трюка были весьма популярны. Был у него еще один трюк — он рисовал на животе голую девушку, чья промежность находилась точно на пупке, и заставлял ее извиваться.

Он больше не приходил домой обедать. Утром уезжал на школьном этанол-солнцебусе, а домой возвращался вечером. В школе была столовая со стенами веселенькой расцветки, где подавали сбалансированную еду, этноменю — пироги, фалафель, — а еще кошерную пищу и вегетарианские соевые блюда. Джимми был на седьмом небе — не нужно больше обедать с родителями. Он даже немного потолстел и больше не был самым тощим в классе. Если оставалось время в обеденный перерыв и нечем было заняться, Джимми ходил в библиотеку и смотрел старые учебные диски. Он больше всего любил Попугая Алекса из «Классических исследований поведения животных». Джимми нравилась та часть, в которой Алекс изобретал новое слово для миндаля — пробковый орех, — а больше всего та серия, где Алекса доставали упражнения про синие треугольники

и желтые квадраты, и он говорил: «А теперь я улетаю». — «Нет, Алекс, немедленно вернись! Где синий треугольник — нет, *синий* треугольник?» Но Алекс уже смылся. Пять баллов Алексу.

Однажды Джимми разрешили принести в школу Убийцу, где она — теперь это официально была она — стала хитом сезона.

— Ой, Джимми, как тебе повезло, — сказала Вакулла Прайс, первая девочка, в которую он влюбился. Она погладила Убийцу — темная рука, розовые ногти, — и Джимми задрожал, будто пальцы касались его тела.

Отец Джимми все больше пропадал на работе и все меньше о ней говорил. В «НоваКоже» были свиноиды, как и на «Фермах ОрганИнк», только помельче, их использовали для биотехнологий, имеющих отношение к коже. Основная задача — найти способ заменять старый эпидермис новым, который не истончен лазером и не обновлен ненадолго дермабразией; совершенно новой кожей, без морщин и пятен. Для этого требуется вырастить молодую, сочную кожную клетку, которая поглотит старые и заменит их собственными копиями — как водоросли в пруду.

В случае успеха отдача неимоверна, объяснял отец Джимми во время мужских разговоров по

душам, которые практиковал в последнее время. На свете живут богатые, некогда молодые и красивые мужчины или женщины, подсевшие на гормональные добавки, объевшиеся витаминами, но измученные бескомпромиссным зеркалом. Они продадут все: собственные дома, виллы в охраняемых поселках для богатых пенсионеров, собственных детей и даже душу, лишь бы снова обрести товарный вид. «НоваКожа» для стариков, гласил броский логотип. Нельзя сказать, что уже нашли стопроцентно эффективный метод: десяток добровольцев, подвергшихся разрушительному действию времени, но исполненных надежды, сдались для опытов: они ничего не платили за лечение, но подписали отказ от права подавать в суд. Они превратились в Плесень из Далекого Космоса: пятнистые, буро-зеленые, кожа слезает рваными лоскутьями.

Но в «НоваКоже» имелись и другие проекты. Однажды вечером отец Джимми вернулся домой поздно, навеселе и с бутылкой шампанского. Джимми хватило одного взгляда на него, чтобы убраться куда подальше. Он спрятал маленький микрофон за морским пейзажем в гостиной и еще один на кухне за настенными часами, которые каждый час вопили голосами разных птиц, — и

слушал то, что его не касалось. Джимми собрал микрофоны на неотехнологии в школе из стандартных деталей беспроводных микрофонов для диктовки — чуть подправить, и выйдет неплохая прослушка.

— Это по какому поводу? — спросил мамин голос. Она про шампанское.

— У нас получилось, — ответил голос отца. — Я думаю, нужно отпраздновать. — Звуки борьбы — наверное, пытается ее поцеловать.

— Получилось что?

Хлопает пробка.

— Иди сюда, оно не укусит. — Пауза — наверное, отец разливает шампанское. Да: звякают бокалы. — За нас.

— Получилось что? Мне нужно знать, за что пью.

Снова пауза. Джимми представил себе, как отец глотает, кадык прыгает вверх-вниз, буль-буль.

— Проект по нейрорегенерации. Мы вырастили внутри свиноида великолепные ткани человеческого мозга. Наконец-то, после всех неудач! Ты подумай, какие возможности для тех, кто перенес инсульт и…

— Только этого нам и не хватало, — сказала мама Джимми. — Еще куча народу со свиными

мозгами. Нам мало тех, что уже есть?

— Ты хотя бы раз в жизни можешь думать позитивно? Весь этот негатив — это нехорошо, то нехорошо, — послушать тебя, так ничего никогда не бывает хорошо!

— Про что мне думать позитивно? Вы изобрели метод обобрать еще кучу отчаявшихся людей, — медленно сказала мама Джимми своим новым голосом, без капли гнева.

— Господи, ты конченый циник!

— Это ты циник. Ты и твои умники-партнеры. Твои коллеги. Это все неправильно, вся ваша организация аморальна, это нравственная выгребная яма, и ты это прекрасно знаешь.

— Мы дадим людям надежду. Надежда — никакая не обдираловка.

— По расценкам «НоваКожа» — обдираловка. Вы себя рекламируете, обдираете людей как липку, а кончаются деньги — кончается и спасение. Люди будут гнить, а вам наплевать. Забыл уже, о чем мы раньше говорили, чего мы хотели? Чтобы людям лучше жилось — и не только людям с деньгами. Ты раньше был таким… у тебя идеалы были.

— Разумеется, — устало сказал отец Джимми. — Они и сейчас есть. Только я не могу их себе

позволить.

Пауза. Мама, наверное, обдумывает сказанное.

— Как бы там ни было, — говорит она — верный признак, что сдаваться она не собирается. — Как бы там ни было, исследования исследованиям рознь. Ты пытаешься подкрутить отверткой самые кирпичики, основы жизни. Это аморально. Это… святотатство.

Бам! по столу. Не рукой. Бутылкой, что ли?

— Ушам своим не верю! Какой ереси ты наслушалась? Ты же образованный человек, ты же сама этим занималась! Это всего лишь белки, ты сама отлично знаешь! Нет ничего святого в клетках и тканях, это просто…

— Я знакома с теорией, спасибо.

— В любом случае мы живем за счет этих исследований. Вряд ли ты, в твоем положении, можешь быть судией.

— Я знаю, — говорит голос мамы. — Поверь мне, это единственное, что я знаю. Почему ты не найдешь другую работу, честную? Что-нибудь простое.

— Например, какую и, например, где? Хочешь, чтобы я канавы копал?

— По крайней мере, твоя совесть будет чиста.

— Нет, это *твоя* совесть будет чиста. Это ты

невротик, у тебя чувство вины. Может, тебе самой пару канав выкопать, хотя бы делом займешься. И курить, может, бросишь — ты же ходячая фабрика эмфиземы, ты в одиночку табачную промышленность поддерживаешь. Подумай об этом, раз ты такая высокоморальная. Эти ребята подсаживают шестилетних детишек, бесплатные образцы раздают.

— Я все это знаю. — Пауза. — Я курю, потому что у меня депрессия. Меня огорчают табачные компании, меня огорчаешь *ты*, меня огорчает Джимми, он превращается в…

— Ну так прими таблетки, если у тебя, блять, депрессия!

— Ругаться необязательно.

— А мне кажется, обязательно! — Что отец умеет кричать, для Джимми не стало новостью, но поразило сочетание крика с руганью. Может, они наконец хоть что-нибудь сделают, хоть стекла побьют. Он испугался — в животе снова заворочался холодный ком, — но не слушать дальше не мог. Если будет катастрофа, окончательный крах, он должен это наблюдать.

Но ничего не произошло, только шаги — кто-то вышел из комнаты. Который из двух? Кто бы это ни был, сейчас он поднимется наверх, убедится,

что Джимми спит и разговора не слышал. А потом поставит очередную галочку в списке подвигов Замечательных Родителей, который оба вели в голове. Джимми злило не плохое, что ему делали, а хорошее. Точнее, то, что родители делали якобы для его блага. Или то, что, по мнению родителей, для него и так сойдет. То, за что они могли одобрительно похлопать себя по спине. Они ничего не знали о нем, о том, что ему нравится, что он ненавидит, чего хочет. Им казалось, он лишь то, что видно на поверхности. Милый ребенок, правда, слегка туповат и любит кривляться на публику. Не вундеркинд, не технарь, но, в конце концов, нельзя же иметь все и сразу — по крайней мере, не полное ничтожество. Не пьет, не сидит на наркотиках, в отличие от многих сверстников, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Он слышал, папа однажды так сказал, *тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить*, словно однажды Джимми непременно облажается, скатится на самое дно, просто пока до этого дело не дошло. А о другом, тайном человеке, что жил внутри Джимми, они абсолютно ничего не знали.

Он выключил компьютер, выдернул наушники, погасил свет и залез в кровать, тихо и очень осторожно — там уже спала Убийца. Лежала у

него в ногах, ей там нравилось; она часто лизала ему пятки — слизывала соль. Это было щекотно; он залезал с головой под одеяло и беззвучно смеялся.

Молоток

Прошло несколько лет. Наверное, прошло несколько лет, думает Снежный человек, он мало что помнит: начал ломаться голос и появились волосы на теле. Радости никакой, хотя, если б они не появились, было бы хуже. У него развились мышцы. Снились эротические сны, он все время чувствовал усталость. Джимми много думал про девушек, про абстрактных девушек — безголовых, — и про Вакуллу Прайс, она была с головой, только с Джимми гулять не желала. Может, из-за прыщей? Он не помнит, чтоб у него были прыщи, но физиономии соперников были ими просто усыпаны.

Орех пробковый, говорил он всем, кто выводил его из себя. Не девчонкам. Кроме него и попугая Алекса, никто не знал, что такое пробковый орех, поэтому звучало весьма оскорбительно. Обзывательство стало популярным у детей в охраняемом поселке «Здравайзер»; считалось, что Джимми достиг средней степени крутизны. *Эй, орех пробковый!*

Его тайным лучшим другом оставалась Убийца. Грустно: единственное существо, с которым

можно поговорить, — скунот. Джимми по возможности избегал родителей. Отец был орех пробковый, а мать — зануда. Он больше не боялся их отрицательного энергетического поля, просто считал, что они скучные, — по крайней мере, так себе говорил.

В школе он жестоко их предавал. Рисовал глаза на костяшках указательных пальцев и прятал большие пальцы в кулаки. Потом двигал большими пальцами, изображая открывающиеся рты, — представлял ссоры двух кукол. Правая рука была Злым Папой, левая — Добродетельной Мамой. Злой Папа шумел, теоретизировал и нес помпезную чушь, Добродетельная Мама жаловалась и обвиняла. Если верить космологии Добродетельной Мамы, Злой Папа являлся единственной причиной геморроя, клептомании, глобальных конфликтов, дурного запаха изо рта, разломов тектонических плит и засоров канализационных труб, а также всех мигреней и предменструальных синдромов, какие она испытала за всю жизнь. Это шоу в кафетерии стало хитом. Собиралась целая толпа, и все умоляли. *Джимми, Джимми, покажи Злого Папу!* У других детей тоже была куча вариаций, позаимствованных из жизни их родителей. Некоторые рисовали

глаза на костяшках пальцев, но диалоги сочиняли гораздо хуже.

Иногда Джимми чувствовал себя виноватым — уже потом, если заходил слишком далеко. Не стоило заставлять Добродетельную Маму плакать на кухне, потому что у нее лопнули яичники, зря он устроил сексуальную сцену с Рыбной Палочкой, 20 % Настоящей Рыбы, — Злой Папа, набросился на нее и порвал в клочья, изнемогая от желания, потому что Добродетельная Мама дулась в коробке из-под печенья и не хотела вылезать. Весьма похабные шутки, но само по себе это бы его не остановило. Однако они чересчур походили на неуютную правду, о которой Джимми думать не хотелось. Но дети его подзуживали, и он не мог устоять перед аплодисментами.

— Это был перебор, Убийца? — спрашивал он. — Слишком низко? — Слово «низко» Джимми узнал недавно: в последнее время Добродетельная Мама часто его использовала.

Убийца лизала Джимми в нос. Она всегда его прощала.

Однажды Джимми вернулся домой из школы и на кухонном столе нашел записку. От матери. Увидев, что написанное на обороте — *Для Джимми* — дважды подчеркнуто черным, — он сразу

понял, что в записке.

Дорогой Джимми, — говорилось в ней. — *Ля-ля-ля, устала мучиться угрызениями совести и ля-ля-ля устала от жизни, которая не только бессмысленна, но и ля-ля-ля.* Она знает, когда Джимми достаточно повзрослеет и разберется, к чему приводят *ля-ля-ля*, он с ней согласится и все поймет. Она свяжется с ним позже, если удастся. *Ля-ля-ля*, ее будут искать, это неизбежно, поэтому ей необходимо скрыться. Решение принималось в муках, она много думала и копалась в себе, но *ля-ля*. Она всегда будет его любить.

Может, она любила Джимми, думает Снежный человек. По-своему. Хотя он тогда не поверил. С другой стороны, может, она его не любила. Но какие-то позитивные чувства питала. Существует же материнский инстинкт?

P. S., — писала она. — *Я забрала с собой Убийцу, чтобы ее освободить, я знаю, ей будет лучше на свободе, в лесу.*

Джимми глазам своим не верил. Он был в ярости. Да как она смела? Убийца принадлежит ему! Она домашний зверь, она не выживет сама по себе, в лесу, где любое голодное существо порвет ее на мохнатые черно-белые клочки. Но мать Джимми и иже с ней, наверное, были правы, думает

Снежный человек, Убийца и прочие освобожденные скуноты все-таки выжили и прекрасно адаптировались, иначе откуда в местных лесах эти надоедливые толпы скунотов?

Джимми горевал не одну неделю. Даже не один месяц. О ком он горевал больше — о матери или о генетически модифицированном скунсе?

Мама оставила еще одну записку. Не записку — безмолвное послание. Она уничтожила отцовский домашний компьютер — не только стерла данные, но еще и разбила его молотком. На самом деле она использовала почти все инструменты из набора «Мистер Мастер На Все Руки» — отец Джимми хранил его в идеальном состоянии и редко использовал. Молотку, однако, она отдавала предпочтение. Со своим компьютером поступила так же — обработала его еще основательнее. Поэтому ни отец Джимми, ни люди из ККБ, которые скоро кишмя кишели в доме, не выяснили, какие закодированные сообщения она, возможно, отсылала, какую информацию она, быть может, скачала и забрала с собой.

Что касается того, как она прошла через контрольно-пропускные пункты и ворота, — мать сказала, что идет пломбировать канал к дантисту в один из Модулей. У нее были все бумаги, все раз-

решения, и железобетонная легенда: специалист по каналам в зубной поликлинике «Здравайзера» дал дуба, замену ему прислать не успели, поэтому руководство поселка передало все работы по лечению каналов во внешний мир. Мать даже по правде записалась к зубному врачу в одном из Модулей, и он прислал отцу счет за прием, на который она не пришла (отец отказался платить, не он же прогулял назначенное время, и потом они с дантистом долго орали друг на друга по телефону). Мать не взяла с собой вещи, соображала, что к чему. В качестве охраны прихватила человека из ККБ — короткая поездка от герметичной станции скоростных поездов, по плебсвиллю до стены Модуля, вполне стандартная процедура. Никто не задавал ей вопросов: она примелькалась, у нее имелась заявка, пропуск и все такое. Охрана у ворот поселка не стала заглядывать ей в рот — тем более толку нет, больной нерв невооруженным взглядом не увидишь.

Человек из ККБ, наверное, был с ней в сговоре либо от него избавились; в общем, он не вернулся, а поиски не дали результатов. Так, по крайней мере, говорили. Поднялся более сильный шум: ведь это означало, что она была в сговоре с кем-то еще. Но кто эти другие, каковы их цели? Очень

важно это выяснить, говорили люди из ККБ, которые допрашивали Джимми. Может, мать что-то ему рассказывала, спрашивали охранники.

Например, что значит «что-то», спрашивал Джимми. Понятное дело, были разговоры, которые он подслушал с помощью своих микрофонов, но рассказывать о них ему не хотелось. Мать иногда бормотала, что все разрушено, ничего не вернется; к примеру, когда она была маленькая, у них на берегу стоял пляжный домик, его смыло вместе с пляжами и кучей прибрежных городов, когда резко вырос уровень воды, а потом накатила приливная волна от извержения вулкана на Канарских островах. (Они проходили это на геолономике. Видеосимуляция Джимми восхитила.) Еще мать хныкала из-за дедушкиного грейпфрутового сада во Флориде, который высох, как одна большая изюмина, когда прекратились дожди, в том же году, когда озеро Окичоби превратилось в вонючую кучу грязи, а болотистая низина Эверглейдс три недели подряд горела.

Но все родители про такое ноют. *Помните времена, когда можно было повсюду ездить? Помните времена, когда все жили в плебсвиллях? Помните, когда-то можно было без страха летать по всему миру? Помните сети закусочных,*

гамбургеры с настоящим мясом и лотки с хот-догами? Помните то время, когда Нью-Йорк еще не был Новым Нью-Йорком? Помните, когда-то голосование еще на что-то влияло? Стандартные обеденные диалоги его кукол. *Раньше все было так замечательно. Ы-ы-ы-ы. А теперь я пойду в коробку из-под печенья. И никакого секса ты сегодня не получишь.*

Мама была простой, обычной мамой, сказал Джимми человеку из ККБ. Делала то, что все матери делают. И много курила.

— Она вступала в какие-то, скажем так, организации? В дом приходили какие-нибудь странные люди? Она много разговаривала по мобильному телефону?

— Мы будем благодарны за любую помощь, сынок, — сказал другой сотрудник. Слово «сынок» Джимми добило. Он ответил, что ничего такого не помнит.

Мать Джимми оставила ему одежду — сказала, на вырост. Дурацкая, как и вся одежда, которую покупала мать, и к тому же мала. Джимми убрал ее подальше, в шкаф.

Отца эта история заметно потрясла, выбила из колеи. Его жена нарушила все правила, вела какую-то совершенно иную жизнь, а он понятия

не имел. Такие вещи сильно портят репутацию мужчины. Отец сказал, что на домашнем компьютере, который она разбила, ничего ценного не хранил, — еще бы он что-то другое сказал, а проверить не было возможности. Потом его увезли куда-то на допрос, надолго. Может, пытали, как в старых фильмах и на сайтах-ужастиках в Сети, — дубинки, электроды, иголки под ногти, Джимми волновался, ему было фигово. Как он не заметил, что творится, почему не помешал, вместо того чтобы играть в чревовещателя.

Пока отца не было, к ним в дом поселили двух железобетонных женщин из ККБ, они вроде как должны были приглядывать за Джимми. Одна улыбчивая, вторая невозмутимая, как Будда. Они много разговаривали по мобильным телефонам, листали фотоальбомы, копались в маминых шкафах и пытались разговорить Джимми. *Она просто красавица. Как думаешь, может, у нее приятель был? Она часто ездила в плебсвилли?* С чего бы ей часто туда ездить, спрашивал Джимми, а они отвечали, что некоторым там нравится. Почему, снова спрашивал Джимми, и невозмутимая отвечала, что некоторые люди просто не в себе, а улыбчивая смеялась, краснела и говорила, что в плебсвиллях есть вещи, которых здесь не достать.

Джимми хотел спросить, какие вещи, но не стал, ответ мог спровоцировать новые расспросы: чего матери хотелось, чего у нее не было. Он уже не раз предавал ее в кафетерии школы «Здравайзер» и не собирался продолжать.

Две женщины готовили отвратительные омлеты, похожие на подметки, а когда поняли, что этим Джимми не пронять, начали разогревать в микроволновке замороженную еду и заказывать пиццу. *Мама часто ходила по магазинам? А на танцы ходила? Могу поспорить, что ходила.* Иногда Джимми хотелось им врезать. Будь он девчонкой, расплакался бы, они бы его пожалели и заткнулись.

Вернувшись оттуда, куда его возили, отец начал ходить к психологу. Судя по виду — лицо зеленоватое, глаза красные и опухшие, — отцу это было необходимо. Джимми тоже ходил к психологу — пустая трата времени.

— Ты, наверное, очень несчастен, что мама ушла.

— А, ну да.

— Ты не должен себя винить, сынок. Это не твоя вина.

— А вам откуда знать?

— Все в порядке, можешь выражать свои эмо-

ции.

— Какие именно?

— Не надо быть таким агрессивным, Джимми. Я понимаю, каково тебе.

— Ну, если вы и так понимаете, зачем спрашивать, — и так далее.

Отец сказал, что они мужчины и должны справляться. И они справлялись. Всё справлялись, справлялись, наливали себе апельсиновый сок по утрам, клали тарелки в посудомоечную машину, если не забывали, и через несколько недель папино лицо уже не было зеленоватым, и он снова начал играть в гольф.

Теперь, когда самое страшное закончилось, он вроде пришел в себя. Стал насвистывать во время бритья. Брился чаще. А через пристойное время к ним переехала Рамона. Жизнь заиграла совсем другими красками, в палитре появился бесконечный секс с визгами и хихиканьем за закрытыми, но не звуконепроницаемыми дверями, а Джимми выкручивал музыку на максимум и старался не слушать. Можно было поставить им в комнату жучок и насладиться шоу по полной программе, но эта мысль вызывала у него стойкое отвращение. По правде говоря, он стеснялся. Однажды они с отцом неловко столкнулись на втором

этаже — отец, на котором из одежды только полотенце на бедрах, уши торчат, на скулах румянец после эротических игрищ, и Джимми, красный от стыда, делающий вид, что ничего не замечает. Эти два одержимых гормонами кролика могли бы предаваться своим утехам в гараже, а не под носом Джимми. Он был как человек-невидимка. Правда, больше ему никем быть и не хотелось.

Сколько же времени это продолжалось? Интересно, думает Снежный человек. Может, они еще раньше перепихивались — за загонами свиноидов, в костюмах биозащиты и фильтрующих респираторах? Да нет, вряд ли: отец был ботаник, но не мудак. Конечно, можно быть и тем, и другим: ботаническим мудаком или мудацким ботаником. Но отец (кажется) был слишком неуклюж и не умел врать, вряд ли он был способен на полноценный обман или предательство, мама бы заметила.

Впрочем, может, она и заметила. Может, потому и сбежала — может, отчасти поэтому. Не станешь хвататься за молоток — не говоря про электрическую отвертку и разводной ключ — и разносить чей-то компьютер, если не злишься.

Не то чтобы она не злилась вообще: просто ее злость переросла любую причину.

Чем больше Снежный человек думает, тем больше убеждается, что у отца с Рамоной ничего не было. Они дождались, когда мать Джимми рассыпалась кучкой пикселей, и тогда бросились друг другу в объятия. Иначе они бы не смотрели друг на друга так искренне и безвинно в «Бистро у Андрэ» в «ОрганИнк». Будь у них роман, они бы на людях вели себя сдержанно, по-деловому, избегали бы друг друга, быстро перепихивались в грязных закоулках на конторском ковре, путаясь в отскочивших пуговицах и заклинивших «молниях», жевали бы друг другу уши на автостоянках. Они бы не утруждали себя этими стерильными обедами: отец изучает скатерть, Рамона разжижает сырую морковь. Не истекали бы слюной, глядя друг на друга поверх зелени и пирогов со свининой, используя маленького Джимми вместо живого щита.

Нет, Снежный человек их не судит. Он в курсе, как это бывает — как бывало. Он вырос, на его совести много ужасов пострашнее. Кто он такой, чтобы их осуждать?

(Он их осуждает.)

Рамона усаживала Джимми, таращилась огромными темными, искренними глазами с черной бахромой ресниц. Говорила, что знает, как ему

тяжело, это для всех травма, ей тоже непросто, хотя, возможно, ему, ну, так не кажется, она знает, что не может заменить ему мать, но она надеется, они смогут стать друзьями? *Конечно, почему нет*, отвечал Джимми — если не считать связи Рамоны с его отцом, Рамона ему нравилась, и ему хотелось ее порадовать.

Она старалась. Смеялась его шуткам, иногда не сразу — она ведь не гуманитарий, напоминал он себе, — а порой, когда отца не было дома, готовила в микроволновке ужин для них двоих, в основном лазанью и салат «Цезарь». Иногда они вместе смотрели DVD, она садилась рядом с ним на диване, сначала сделав попкорн и полив его заменителем масла, запускала в миску жирные пальцы, облизывала их во время страшных эпизодов, а Джимми старался не смотреть на ее грудь. Она спрашивала, не хочет ли он спросить ее о чем-нибудь, ну, ты понимаешь… О ней и его папе и что случилось с семьей. Он говорил, что не хочет.

По ночам он втайне тосковал по Убийце. А также — непризнанным уголком сознания — о настоящей, странной, неправильной, несчастной маме. Куда она уехала, какие опасности ей угрожают? Само собой, она в опасности. Ее будут

искать, а на ее месте он бы не хотел, чтоб его нашли.

Но она сказала, что свяжется с ним, так почему до сих пор не связалась? Позже он получил от нее пару открыток — английские марки, потом аргентинские. Подписаны «Тетя Моника», но он знал, что открытки от мамы. *Надеюсь, у тебя все хорошо,* — больше ничего. Наверное, она знала, что прежде, чем открытки попадут к Джимми, их прочтут сотни ищеек, и была права, потому что вместе с открытками в доме появлялись люди из ККБ, спрашивали, кто такая тетя Моника. Джимми говорил, что понятия не имеет. Он понимал: скорее всего, в тех странах, откуда приходили открытки, мамы нет, она ведь очень умная. Наверное, кого-то просила отправить открытки.

Что, не доверяла ему? Очевидно, нет. Он чувствовал, что разочаровал ее, подвел в чем-то важном. Так и не понял, что от него требуется. Если б ему выдался еще один шанс сделать ее счастливой.

— Я — не мое детство, — говорит Снежный человек вслух. Он ненавидит эти наплывы воспоминаний. Но не может их выключить, не может сменить тему, вырваться. Ему нужна внутренняя дисциплина или магическое слово, снова и снова

его повторять, чтобы отключаться. Как же это называлось? Мантры. В начальной школе было. Религия Недели. *Ладно, дети, теперь сидите тихо как мышки. Джимми, тебя это тоже касается. Сегодня сделаем вид, будто мы в Индии, будем читать мантры. Весело, правда? Теперь давайте выберем слово, каждый свое, у каждого будет собственная мантра.*

— Держись за слова, — говорит он сам себе. Странные слова, старые слова, редкие. *Балдахин. Норна*[10]*. Прозорливость. Волынка. Сладострастный.* Они исчезнут у него из головы и перестанут существовать вообще навсегда. Будто их и не было.

---

[10] Примечания: 10

Норна — богиня судьбы в скандинавской мифологии.

Коростель

Коростель появился за несколько месяцев до исчезновения матери. То и другое случилось в один год. Какая связь? Никакой, не считая того, что мать с Коростелем поладили. Коростель был одним из немногих друзей Джимми, что нравились маме. Его друзей она в основном считала незрелыми, а подруг — пустоголовыми или шлюховатыми. Прямо не говорила, но было заметно.

Но Коростель — Коростель был другим. Она говорила, что он взрослее — вообще-то куда взрослее большинства взрослых. С ним можно разговаривать объективно, обсуждая события и гипотезы и делая логические выводы. Джимми не видел, чтоб они друг с другом вот так беседовали, но, видимо, беседы имели место, иначе она бы так не говорила. Он часто задумывался, когда же и как происходили эти взрослые логичные разговоры.

— Твой друг интеллектуально честен, — говорила мать. — Он себя не обманывает. — А потом смотрела на Джимми — эти грустные глаза, этот взгляд — мол, как же ты меня огорчаешь. Если б он только мог стать таким же — интеллектуально

честным. Еще один минус в тайном табеле, что хранился в потайном кармане маминой души, в табеле, по которому Джимми всегда еле-еле натягивал нужный балл. *Джимми мог бы лучше успевать по интеллектуальной честности, если б только постарался.* И, блин, если бы понял, что вообще значит эта хрень.

— Я не буду ужинать, — снова говорил он. — Возьму что-нибудь перекусить. — Если ей охота огорченно пялиться, пускай пялится на кухонные часы. Он переделал их так, что малиновка говорила *угу*, а сова — *кар*. Пусть ее для разнообразия часы разочаруют.

Насчет честности Коростеля, интеллектуальной или еще какой, у Джимми имелись сомнения. Он все-таки знал про Коростеля чуть больше матери.

Когда мама исчезла, устроив представление с молотком, Коростель почти ничего не сказал. Кажется, его эта история не удивила и не шокировала. Он заметил только, что некоторым людям нужно меняться, а для этого куда-нибудь уехать. Сказал, что иногда человек часть твоей жизни долго-долго, а потом вдруг его больше нет. Что Джимми надо бы почитать стоиков. Совет Джимми раздосадовал: Коростель бывал порой

чересчур назидателен и слегка злоупотреблял этим «надо бы». Но Джимми был благодарен ему за спокойствие и ненавязчивость.

Разумеется, в то время Коростель еще не был Коростелем: его тогда звали Гленн. Почему с двумя «н»?

— Отец любил музыку, — сказал Коростель, когда Джимми собрался спросить, на что потребовалось время. — Назвал меня в честь одного умершего пианиста, какой-то мальчик-гений, он тоже был через два «н»[11].

— А он заставлял тебя музыке учиться?

— Нет, — ответил Коростель. — Он вообще никогда меня особо не заставлял.

— Тогда в чем смысл?

— Чего?

— Имени. С двумя «н».

— Джимми, Джимми, — сказал Коростель. — Далеко не у всего есть смысл.

Снежному человеку трудно называть Коростеля Гленном: Коростелева вторая личность совершенно заслонила первую. Скорее всего, Коростель жил в нем с самого начала, размышляет Снежный человек: никакого Гленна и не было,

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду известный канадский пианист Гленн Гулд (1932–1982).

Гленн — всего лишь маска. Поэтому в воспоминаниях Снежного человека Коростель не бывает Гленном, никаких «Гленн, он же Коростель», или «Гленн-Коростель», или «Гленн, позже известный как Коростель». Просто Коростель, и все.

К тому же так проще, думает Снежный человек. Зачем эти скобки, зачем дефисы, если особой нужды нет.

Коростель появился в школе «Здравайзер» в сентябре или октябре — в один из тех месяцев, что когда-то назывались осенними. Был яркий теплый солнечный день, в остальном ничем не примечательный. Коростеля в эту школу перевели — охотники за головами обработали его родителей, обычное дело в охраняемых поселках. Дети приходили и уходили, парта занята, парта свободна, дружба непредсказуема.

Джимми особо не вникал, пока Дыньки Райли, их классная руководительница и училка по ультратексту, представляла Коростеля классу. Разумеется, на самом деле училку звали иначе — «Дыньками» ее прозвали мальчики в классе, — но ее имени Снежный человек вспомнить не может. Ей не стоило так низко наклоняться над его экраном — ее громадные круглые груди почти касались его плеча, ей не стоило туго заправлять

обтягивающие футболки «НоваКожа» в шорты — это очень отвлекало. Поэтому, когда Дыньки сообщила, что Джимми поведет нового одноклассника на экскурсию по школе, воцарилось молчание — Джимми судорожно расшифровывал, что же это она такое сказала.

— Джимми, я к тебе обращаюсь, — сказала Дыньки.

— Ну конечно, — сказал Джимми, закатив глаза и ухмыльнувшись — впрочем, не пережимая. Дети засмеялись, даже мисс Райли рассеянно против воли улыбнулась. Ему обычно удавалось ее обхитрить этим своим мальчишеским обаянием. Ему нравилось воображать, что, не будь он учеником, а она учительницей, не грози ей статья за развращение малолетних, она бы прогрызала себе дорогу к нему в спальню, чтобы погрузить жадные пальцы в его молодую плоть.

Джимми тогда был такой самовлюбленный, думает Снежный человек, снисходительно и чуть завистливо. Разумеется, еще он был несчастлив. Это само собой. Он столько сил на это тратил.

Джимми не слишком воодушевился, разглядев наконец Коростеля. Тот был на пару дюймов выше Джимми и к тому же субтильнее. Прямые темно-каштановые волосы, смуглая кожа, зеле-

ные глаза, полуулыбка, холодный взгляд. Одежда темная, без логотипов, рисунков и надписей — полный ноунейм. Похоже, он был старше всех в классе, а может, просто держался так. Интересно, каким он спортом занимается, подумал Джимми. Не футболом — мускулов нету. Для баскетбола ростом не вышел. С виду он не был похож ни на командного игрока, ни на идиота, который сам напрашивается на физические травмы. Может, теннис. (Джимми сам играл в теннис.)

В обед Джимми взял с собой Коростеля, они зашли в столовую за едой — Коростель взял два гигантских соевых хот-дога и большой кусок псевдококосового пирога — может, пытался набрать вес, — и таскались вверх и вниз по залам, классам и лабораториям, а Джимми на ходу рассказывал. *Вот спортзал, вот библиотека, здесь смотрят микрофильмы, запись до полудня, там девчачий душ, говорят, в стене просверлена дырка, но я не нашел. Если соберешься курить траву, в сортире не сто`ит, там везде камеры; вон там в вентиляции — микрокамера ККБ, не смотри туда, а то просекут, что ты в курсе.*

Коростель озирался и ничего не говорил. О себе ничего не сообщил. Только и сказал, что химическая лаборатория — отстой.

Да пошел ты, думал Джимми. Хочешь быть уродом — пожалуйста, у нас свободная страна. Миллионы людей до тебя сделали такой же выбор. Джимми раздражали собственные ужимки и болтовня, а Коростель безразлично посматривал на него и криво как бы полуулыбался. Тем не менее что-то в нем было. Холодное безразличие в других восхищало Джимми: будто сила сдерживается, прячется про запас для вещей поважнее, чем люди, с которыми в данный момент общаешься.

Джимми поймал себя на том, что хочет достучаться до Коростеля, добиться реакции; одна из его слабостей — вечно он переживал, что о нем думают другие. Так что после школы он спросил Коростеля, не хочет ли тот смотаться в торговый центр, пошляться, посмотреть, что и как, может, там девчонки будут какие-нибудь. Можно, сказал Коростель. В охраняемом поселке «Здравайзер», как и в любом другом, заняться после школы было нечем. По крайней мере, детям их возраста, особенно компанией. Это вам не плебсвилли. По слухам, в плебсвиллях дети собирались толпами, стадами. Ждали, пока чьи-нибудь родители уедут, и тогда оккупировали дом, слушали музыку, пыхали и бухали, трахали все, что шевелится, включая родительскую кошку, крушили мебель,

кололись, хватали передоз. Шикарно, думал Джимми. Но в охраняемых поселках гайки плотно закручены. Ночные патрули, комендантский час для растущих юных умов, собаки, натасканные на наркоту. Однажды сделали поблажку, впустили настоящую рок-группу — «Грязь Плебсвиллей», — но потом толпа зрителей начала бесчинствовать и крушить, и все прикрыли. Перед Коростелем можно не извиняться — сам вырос в таких же поселках, знает, что почем.

Джимми надеялся, что в торговом центре удастся повидать Вакуллу Прайс; он все еще был в нее как бы влюблен, но после «давай-останемся-друзьями», которое его убило, стал менять девчонок одну за другой и наконец остановился на блондинке Линде-Ли. Линда-Ли была в школьной команде по гребле, у нее были мускулистые бедра и сильно развитые грудные мышцы. Линда-Ли нередко тайком приводила его к себе в комнату. Она ругалась как сапожник, была опытнее Джимми, и всякий раз он чувствовал, будто его засосало в игровой автомат — мигающие лампочки, вибрация и стальные шарики. Линда-Ли ему особо не нравилась, но была нужна, ему необходимо было оставаться у нее в фаворе. Может, удастся оказать протекцию Коростелю, чтобы Линда-Ли

и его поставила на очередь — сделать ему одолжение, построить равенство на благодарности. Интересно, какие девчонки нравятся Коростелю. Пока он никаких сигналов не подавал.

Вакуллы в торговом центре не оказалось, и Линды-Ли тоже. Джимми звякнул Линде, но та отключила мобильник. Поэтому Джимми с Коростелем сыграли пару раз в «Трехмерный Уэйко» в зале игровых автоматов и съели по паре сойбургеров — в этом месяце никакой говядины, гласило меню на грифельной доске, — выпили по благокапучино-гляссе и съели по половинке энергетического батончика, чтобы взбодриться и подбавить стероидов. Потом шатались по крытому пассажу с фонтанами, пластиковыми папоротниками и одной и той же попсовой музыкой. Коростель в основном отмалчивался, и Джимми уже открыл рот, чтобы сказать, мол, пора домой, делать уроки, но тут они увидели нечто примечательное. Дыньки Райли с каким-то мужчиной шли к ночному клубу «только для взрослых». Она переоделась, и вместо школьной одежды на ней было обтягивающее черное платье и красный жакет, а мужчина обнимал ее за талию, запустив под жакет руку.

Джимми пихнул Коростеля в бок.

— Как думаешь, он ей руку положил на задницу? — спросил он.

— Это геометрическая задача, — ответил Коростель. — Реши ее.

— Что? — спросил Джимми. А потом: — Как?

— Работай мозгами, — сказал Коростель. — Шаг первый: подсчитать длину руки мужчины, используя другую руку в качестве стандарта. Посылка: обе руки примерно одной длины. Шаг второй: подсчитываем угол сгиба руки в локте. Шаг третий: подсчитываем изгиб задницы. Возможно, понадобится аппроксимация, поскольку точные данные отсутствуют. Шаг четвертый: подсчитываем размер ладони, используя видимую ладонь в качестве образца.

— Я не технарь, — засмеялся Джимми, но Коростель продолжал:

— Необходимо учесть все возможные положения ладони. Талия — вычеркиваем. Верх правой ягодицы — вычеркиваем. Если воспользоваться дедуктивным методом, скорее всего, низ правой ягодицы или правое бедро. Возможен вариант — ладонь между бедер, — но такое положение ладони препятствует передвижению объекта, однако ни хромоты, ни спотыкания не отмечено. — Он неплохо копировал их учителя по

химии — эта фраза насчет мозгов и монотонная жесткая речь, похожая на лай. Не просто неплохо — очень даже хорошо.

Коростель уже нравился Джимми гораздо больше. Может, у них все же есть нечто общее; хоть чувство юмора у парня имеется. Но над Джимми нависла определенная угроза. Он сам был хорошим имитатором, копировал почти всех учителей. А что, если Коростель делает это лучше? Джимми чувствовал, что способен как возненавидеть Коростеля, так и преисполниться к нему симпатией.

Но в последующие дни Коростель воздерживался от публичных выступлений.

Даже тогда что-то в Коростеле было, думает Снежный человек. Не вполне популярен, однако людям льстило его внимание. Не только детям — учителям тоже. Он смотрел на них так, словно внимательно слушает, словно их слова заслуживали его внимания целиком, хоть он ничего такого не говорил. Он внушал благоговение — не сокрушительное, но вполне достаточное. Он излучал потенциал — но какой? Никто не знал, и всех это настораживало. И еще эта темная неброская одежда.

«Мозгоплавка»

Вакулла Прайс была напарницей Джимми во время лабораторных работ по нанотехбиохимии, но ее отца нашли охотники за головами из другого охраняемого поселка, на другом конце континента — через весь континент, Вакулла села в скоростной поезд, и больше Джимми ее не видел. После ее отъезда он целую неделю хандрил, и даже пароксизмы страсти Линды-Ли, сопровождаемые взрывами сквернословия, его не утешали.

Место Вакуллы за лабораторным столом занял Коростель — переехал со своей камчатки для новичков. Коростель был очень умным, даже по меркам средней школы «Здравайзер», где и так наблюдался переизбыток эрудитов и чуть ли не гениев. У него обнаружились способности к биохимическим нанотехнологиям, они с Джимми занялись проектом по мономолекулярному сплайсингу и создали требуемую лиловую нематоду — использовав цветовой код примитивной водоросли, — досрочно и без опасных отклонений.

Теперь Джимми с Коростелем вместе обедали

и иногда — не каждый день, они же не педики какие-нибудь, но минимум дважды в неделю, — встречались после школы. Сначала играли в теннис, на корте за Коростелевым домом, но Коростель совмещал методичность с нестандартным подходом и терпеть не мог проигрывать, а Джимми был слишком импульсивен, и ему недоставало тонкости, так что в конце концов они бросили эту затею. Иногда они, притворяясь, что делают уроки (которые и впрямь порой делали), запирались в комнате Коростеля и играли в компьютерные шахматы, в трехмерки или в «Квиктайм Усаму», бросая жребий, кому играть за Неверных. У Коростеля было целых два компьютера, так что он и Джимми могли играть, сидя спиной друг к другу.

— Может, поиграем как-нибудь настоящими фигурами? — спросил однажды Джимми. — Как в старину. Пластиковыми. — Странно же: сидят вдвоем, в одной комнате, спина к спине, и играют на компьютерах.

— А что? — спросил Коростель. — И вообще, это *и есть* настоящие фигуры.

— Нет, не настоящие.

— Ладно, принято. Но пластиковые фигуры тоже не настоящие.

— Почему?

— Настоящие — у тебя в голове.

— Липа! — закричал Джимми. Хорошее слово, он его слямзил с каких-то старых DVD; они с Коростелем его использовали, чтобы приложить друг друга за напыщенность. — Липа!

Коростель засмеялся.

Коростель с головой уходил в любую игру, играл и играл, отрабатывал атаки, пока не обретал уверенность, что может выиграть девять раз из десяти. Однажды они целый месяц играли в «Нашествие Варваров». (Проверьте, сможете ли вы изменить ход истории!) У одного игрока — города и богатства, у другого — орды и, как правило (хотя не всегда), жестокость. Либо варвары вторгались в города, либо наоборот, но начинать следовало с исторической расстановки сил и действовать исходя из нее. Рим против вестготов, Древний Египет против гиксосов, ацтеки против конкистадоров. Последняя ситуация была интересна тем, что ацтеки представляли цивилизацию, а конкистадоры — варваров. Можно было менять игру при условии, что выбираешь реальные народы и племена, и одно время Джимми с Коростелем соперничали, выбирая самые малоизвестные города и страны.

— Печенеги против Византии, — как-то сказал Джимми.

— Кто такие, на хрен, печенеги? Ты их придумал, — ответил Коростель.

Но Джимми нашел печенегов в «Энциклопедии Британника», 1957 года издания, в школьной библиотеке, по какой-то забытой причине — на CD-ROM. Знал главу и стих.

— Матфей Эдесский[12] называл их злобными кровопийцами, — мог авторитетно сообщить Джимми. — Они были совершенно безжалостны и не имели ни одной черты, оправдывающей их существование. — Джимми и Коростель бросили жребий, кому за кого играть. Джимми вытянул печенегов и выиграл. Византийцев перерезали, потому что печенеги так и поступали, объяснил Джимми. Немедленно убивали всех жителей захваченных городов. По крайней мере мужчин — немедленно. А женщин — немного погодя.

Коростель плохо перенес потерю всех своих игроков и какое-то время дулся, а потом переключился на «Кровь и Розы». Коростель говорил, что эта игра глобальнее: поле битвы шире — и во времени, и в пространстве.

---

[12] Примечания: 12

Матфей Эдесский — армянский историограф XII века.

«Кровь и Розы» — торговая игра вроде «Монополии». У Крови вместо фишек были человеческие зверства, злодеяния всемирного масштаба: просто изнасилование или убийство не считаются, нужны миллионы человеческих жизней. Резня, геноцид и все такое. Розы играли достижениями человечества. Искусство, научные прорывы, выдающиеся памятники архитектуры, полезные изобретения. *Искусства нескудеющие высоты*[13] — так это называлось в игре. Имелось боковое меню: если игрок не знал, что такое «Преступление и наказание», или теория относительности, или Тропа слез, или «Мадам Бовари», или Столетняя война, или «Бегство в Египет», можно дважды кликнуть и получить иллюстрированную справку в двух вариантах: Н — для несовершеннолетних и КОН — кощунство, обнаженка и непристойность. Такая уж штука

---

[13] Примечания: 13

Из стихотворения У. Б. Йейтса «Плавание в Византию»:

Старик в своем нелепом прозябанье
Схож с пугалом вороньим у ворот,
Пока душа, прикрыта смертной рванью,
Не вострепещет и не воспоет —
О чем? Нет знанья выше созерцанья
Искусства нескудеющих высот…

Пер. Г. Кружкова.

история, говорил Коростель, — в ней полно и того, и другого, и третьего.

Игрок кидал виртуальный кубик, выпадала карточка Крови или Роз. Если карточка Крови, Розы могли предотвратить злодеяние, отдав одну свою карточку. Тогда злодеяние исчезало из истории — по крайней мере, из истории на экране. Кровь могла забрать карточку Роз, но лишь в обмен на злодеяние, сократив свой боезапас и добавив оружия Розам. Опытный игрок мог атаковать злодеяниями Розы, награбить достижения и забрать их на свою сторону доски. Побеждал игрок, у которого к концу игры было больше достижений. Минус, разумеется, очки за достижения, уничтоженные из-за ошибок игрока, его неосмотрительности и идиотизма.

Предлагались курсы обмена: одна Мона Лиза за Берген-Бельзен, геноцид армянского народа за Девятую симфонию плюс три египетские пирамиды, — но можно было поторговаться. Чтобы торговаться, следовало помнить цифры — число погибших, последние рыночные цены на произведение искусства, или, если оно было украдено, сумму, выплаченную страховой компанией. Страшно крутая игра.

— Гомер, — перечисляет Снежный человек,

продираясь сквозь мокрый лес. — «Божественная комедия». Греческая скульптура. Акведуки. «Потерянный рай». Музыка Моцарта. Шекспир, полное собрание сочинений. Сестры Бронте. Толстой. Жемчужная мечеть. Шартрский собор. Бах. Рембрандт. Верди. Джойс. Пенициллин. Китс. Тернер. Пересадка сердца. Вакцина против полиомиелита. Берлиоз. Бодлер. Барток. Йейтс. Вулф.

Должно быть что-то еще. Еще что-то было.

Разграбление Трои, подсказывает услужливый голос в голове. Разрушение Карфагена. Викинги. Крестовые походы. Чингисхан. Гунн Аттила. Истребление катаров. Охота на ведьм. Уничтожение ацтеков. То же с майя. То же с инками. Инквизиция. Влад Цепеш. Истребление гугенотов. Кромвель в Ирландии. Французская революция. Наполеоновские войны. Ирландский голод. Рабство на американском юге. Король Леопольд в Конго. Русская революция. Сталин. Гитлер. Хиросима. Мао. Пол Пот. Иди Амин. Шри-Ланка. Восточный Тимор. Саддам Хусейн.

— Хватит, — говорит Снежный человек.

Извини, милый, я только хотела помочь.

В этом основная проблема «Крови и Роз»: запомнить все, что касается Крови, гораздо проще. Другая проблема — чаще выигрывала Кровь,

но победа означала, что в итоге получаешь выжженную пустыню. В этом смысл игры, говорил Коростель, когда Джимми жаловался. Джимми сказал, что если это смысл, то он какой-то бессмысленный. Он не хотел рассказывать, что в последнее время ему снились кошмары: почему-то самый страшный был тот, где Парфенон украшали отрубленные головы.

По молчаливому согласию они забросили «Кровь и Розы» — Коростель не возражал, поскольку у него уже было новое увлечение, «Вымирафон». Эту интерактивную игру для помешанных на биологии нёрдов он нашел в Сети. *«ВЫМИРАФОН», под наблюдением Беззумного Аддама. Адам давал имена живым тварям, Беззумный Аддам перечисляет имена тварей мертвых. Хотите сыграть?* Такая надпись появлялась, когда ты подключался к серверу. Кликаешь «Да», вводишь свое кодовое имя и выбираешь один из двух чатов — Царство Животных или Царство Растений. Затем в онлайн выходил другой игрок под кодовым именем — Комодо, Носорог, Ламантин, Морской Конек — и предлагал соревнование. *Начинается с, количество ног, что это? Это* — биоформа, которая отбросила коньки за последние пятьдесят лет — никаких

тираннозавров, никаких птиц Рух, никаких дронтов, не угадал временной период — снимаются очки. Затем надо было указать Тип, Класс, Подкласс, Семейство, Род, Вид, ареал обитания, где и когда животное видели в последний раз и отчего оно откинуло копыта (загрязнение окружающей среды, уничтожение ареала обитания, легковерные придурки, поверившие, что, если съесть его рог, лучше будет вставать). Чем дольше игроку удавалось продержаться, тем больше очков, а за скорость полагались крупные бонусы. Полезно было распечатать представленный Беззумным Аддамом список вымерших видов, но там были только латинские названия, и к тому же список занимал пару сотен страниц мелким кеглем, и в нем попадались вымершие злаки, жуки и лягушки, о которых никто никогда не слышал. Видимо, никто, кроме Гроссмейстеров «Вымирафона», у которых мозги — как поисковые системы.

Было сразу видно, что играешь с Гроссмейстером: на экране около его имени появлялся значок, изображающий латимерию. *Латимерия. Доисторическая глубоководная рыба, считалась вымершей до тех пор, пока в середине двадцатого века не были найдены живые образцы. Нынешний статус неизвестен.* «Вымирафон» был беспре-

дельно информативен. Все равно что застрять в школьном автобусе рядом с каким-нибудь занудой, так считал Джимми. «Вымирафон» пичкал тебя информацией и никак не мог заткнуться.

— Что ты нашел в этой игре? — спросил он однажды, обращаясь к сгорбленной спине Коростеля.

— Просто у меня хорошо получается, — ответил Коростель. Джимми подозревал, что Коростель хочет стать Гроссмейстером — не потому, что это важно, а просто потому, что в игре были Гроссмейстеры.

Коростель выбрал ники себе и Джимми. Джимми стал Тупиком, в честь вымершей птицы, которая водилась на атлантических побережьях, и, подозревал Джимми, потому, что Коростелю нравилось называть его этим словом. Себя Коростель назвал Коростелем в честь Красношеих Коростелей, австралийских птиц, которые, как сказал Коростель, и всегда были немногочисленны. Поначалу они звали друг друга Коростель и Тупик — шуточка для посвященных. Потом Коростель понял, что Джимми не особо интересуется игрой, они перестали играть в «Вымирафон», и прозвище Тупик исчезло. А Коростель осталось.

Помимо игр, они лазили по Сети — заходили на излюбленные сайты, проверяли, что там но-

вого. Наблюдали операции на открытом сердце в реальном времени или смотрели «Голые Новости» — там было смешно, потому что дикторы изо всех сил делали вид, будто ничего особенного не происходит, и старательно не смотрели на фаберже друг друга.

Иногда Джимми с Коростелем забредали на сайты животного снаффа, «Давленые Лягушки Фелиции» и все в таком роде, хотя такие сайты быстро надоедали: все эти раздавленные лягушки и кошки, голыми руками разодранные на части, походили друга на друга как две капли воды. Иногда зависали на грязноебелье. com — злободневное шоу, где обсуждались мировые политические лидеры. Коростель сказал, что с новыми цифротехнологиями невозможно стало понять, существуют ли еще по правде все эти генералы и прочие деятели, а если да, то правда ли они говорят именно это. В любом случае их смещали и заменяли другими с такой скоростью, что это не имело никакого значения.

Еще Джимми с Коростелем заходили на обезглав. com — сайт, где транслировались казни из Азии, вживую. Врагов народа убивали мечами в каком-то Китае, что ли, а тысячи зрителей аплодировали. Еще был сайт Алибахбах. com — там

отрезали руки предполагаемым ворам, а прелюбодеев и женщин, которые красили губы, орущая толпа закидывала камнями в пыльных местечках, которые предположительно находились на фундаменталистском Ближнем Востоке. Качество было неважным: по слухам, съемка была запрещена, и снимал какой-нибудь отчаявшийся бедняк с потайной мини-камерой, рисковал жизнью ради грязных западных денег. Видно было в основном спины и головы зрителей, так что создавалось ощущение, будто находишься в большой куче тряпья, а если оператора вычисляли, мельтешили руки и одежда, а потом картинка исчезала. Может, говорил Коростель, эти кровавые тризны проходят на съемочной площадке в Калифорнии, а массовку сгоняют с улиц.

Получше были американские сайты, на которых действие снабжалось комментариями вроде футбольного: «А вот и он! Да! Это наш Джо Рикардо по прозвищу Набор Тисков, он попал в топ по результатам вашего голосования, дорогие зрители!» Затем сводка преступлений с кошмарными фотографиями жертв. Эти сайты пестрели рекламой чего попало, вроде снотворных и аккумуляторов, а фоном — желтые логотипы. Американцы, по крайней мере, делают это стиль-

но, говорил Коростель.

Лучше всего были КороткоеЗамыкание. com, Мозгоплавка. com и КамерыСмертниковЖивьем. com: там транслировали казни на электрическом стуле и смертельные инъекции. С тех пор как легализовали трансляцию смертных казней, осужденные начали выпендриваться перед камерой. В основном это были мужчины, изредка женщины, но казни женщин Джимми смотреть не любил — мрачные сопливые мероприятия, люди стоят за стеклом с зажженными свечами и фотографиями детей или вслух читают собственные стихи. С мужиками было веселее. Они корчили рожи, показывали средний палец охранникам, хохмили, а иногда вырывались и начинали бегать по комнате, размахивая ремнями и ругаясь на чем свет стоит.

Коростель говорил, что эти инциденты — фикция. Что людям за это платят — им самим или их семьям. Спонсоры требовали динамики, иначе людям станет скучно, и они перестанут смотреть. Зрители хотели наблюдать смертную казнь, это да, но со временем казни приедаются, неплохо бы добавить последний шанс или элемент неожиданности. Два к одному, что все подстроено.

Джимми сказал, что эта теория повергает его в

благоговейный трепет. «Благоговейный» — еще одно старое слово, выуженное со старых DVD, как и «липа».

— Ты как считаешь, их по-настоящему казнят? — спросил он. — Больно похоже на постановки.

— Никогда не скажешь.

— Чего не скажешь?

— Что такое *по-настоящему*.

— Липа!

Еще был сайт, где помогали самоубийцам — назывался Споконочи. com, — с разделом «это была твоя жизнь»: семейные альбомы, интервью с родственниками, друзья мужественно стоят рядом, когда под органную музыку свершается самоубийство. Доктор с печальными глазами констатировал смерть, затем включалась пленка: самоубийцы объясняли, почему решили расстаться с жизнью. Когда появилось шоу, число самоубийств с посторонней помощью резко выросло. Ходили слухи, что выстроилась огромная очередь тех, кто хочет заплатить бешеные бабки за возможность появиться в передаче и прикончить себя под фанфары, и участников выбирали в лотерее.

Коростель смотрел и ухмылялся. Почему-то его

это очень веселило. А Джимми нет. Он представить себе не мог, как можно такое с собой сделать; Коростель говорил, что это талант — понимать, когда с тебя хватит. Но что же означали сомнения Джимми — что он трус? Или просто органная музыка была так себе?

Эти запланированные смерти его нервировали: напоминали про попугая Алекса, который говорил: «А теперь я улетаю». Слишком тонка была грань между самоубийствами, Алексом и матерью с ее запиской. Все они четко извещали о намерениях, а затем исчезали.

Еще они смотрели программу «Дома с Анной К.». Анна К., самозваная художница с большими сиськами, занималась инсталляциями, а по всему дому установила камеры, каждую секунду своей жизни транслируя на многомиллионную аудиторию. «С вами Анна К., я непрерывно думаю о своих радостях и горестях», — гласила надпись на титульной странице. Потом можно было посмотреть, как она выщипывает брови, воском депилирует линию бикини, стирает нижнее белье. Иногда она сидела на толчке, спустив старомодные клешеные джинсы до лодыжек, и вслух читала отрывки из старых пьес, исполняя все роли одновременно. Так Джимми впервые

познакомился с Шекспиром — Анна читала «Макбета»:

> *Всё завтра, да всё завтра, да всё завтра…*
>
> *Плетутся мелкими шажками дни*
>
> *До слов последних в книге нашей жизни.*
>
> *А все «вчера» глупцам путь освещали*
>
> *В смерть тленную. Погасни же, огарок!*[14] —

декламировала Анна К. Разумеется, она кошмарно переигрывала, но Снежный человек все равно был ей благодарен — она в каком-то смысле открыла для него дверь. Без нее он мог бы никогда всего этого не услышать. Все эти слова. К примеру, *увядший. Пунцовый.*

— Это что за дерьмище? — спросил Коростель. — Меняем канал!

— Нет, подожди минутку, — сказал Джимми, завороженный — чем? Чем-то, что хотел услышать. И Коростель ждал, потому что временами потакал Джимми.

Иногда они смотрели «Шоу тошнотных уродов»: конкурсы — поедание живых зверей и птиц

---

[14] Примечания: 14
Пер. А. Радловой.

на время по секундомеру, а призами служили всяческие редкие пищевые продукты. Удивительно, чего только не сделают люди за пару бараньих отбивных или ломоть настоящего бри.

А еще они смотрели порнографию. Ее в Сети было навалом.

Интересно, когда тело впервые отправляется на поиски собственных приключений, думает Снежный человек; бросив старых попутчиков, разум и душу, для которых когда-то было лишь утлой посудиной, или марионеткой, что разыгрывала их пьесы, или плохой компанией, что сбивала их с пути истинного. Наверное, тело устало от постоянного ворчания и нытья души, от интеллектуальной паутины, что непрерывно плетет закомплексованный разум. Душа и разум отвлекали тело, едва оно вонзало зубы во что-нибудь вкусное или пальцами нащупывало что-нибудь приятное. Телу, видимо, надоело, оно где-то их бросило, скинуло, как балласт, в затхлом святилище или душном лектории, а само нашло кратчайший путь в стрип-бары; и культуру оно тоже выбросило за ненадобностью: музыку, живопись, поэзию и драматургию. С точки зрения тела все это сублимация, не более того. Почему не перейти сразу к делу?

Но у тела свои культурные формы. Свое искусство. Казни — его трагедии, порнография — его любовные романы.

Чтобы получить доступ к еще более отвратительным и запретным сайтам — куда не войдешь до восемнадцати лет и без специального пароля, — Коростель использовал личный код своего дяди Пита с помощью сложного метода, который назывался «лабиринт с кувшинками». Коростель прокладывал в Сети хитрый путь, хакнув коммерческие сайты, не слишком сильно защищенные, а затем прыгал с одного листа кувшинки на другой, по ходу заметая следы. Так что дядя Пит, получив счет, не разберется, кто все потратил.

Еще Коростель обнаружил заначку дяди Пита — качественную ванкуверскую шмаль, которую тот хранил в банках из-под апельсинового сока в холодильнике: Коростель брал примерно четверть банки и досыпал дешевой беспонтовой травкой, стриженым веником, которым торговали по дешевке практически в школьном буфете. Дядя Пит не догадается, сказал Коростель, потому что никогда это не курит, разве что когда соберется заняться любовью с Коростелевой матерью, но, судя по количеству банок в холодильнике и скорости их исчезновения, это происходит не

слишком часто. Коростель сказал, что по-настоящему дядя Пит кайфует, командуя в офисе, хлеща кнутом невольников. Раньше дядя Пит был ученым, а в «Здравайзере» стал топ-менеджером, большой шишкой, ворочает финансами.

Что смотреть и когда выключать, решал Коростель. Логично — это же его компьютеры. Порой он спрашивал: «Ну что, ты закончил?» — и потом менял запись. Все, что они смотрели, реакции у Коростеля не вызывало — он разве что забавлялся. А Джимми потом тащился домой. Он чувствовал себя очень легким, будто из воздуха — разреженного воздуха, от которого кружится голова, на вершине какого-нибудь замусоренного Эвереста. Дома же родительские единицы — если были дома и сидели на первом этаже — ничего не замечали.

— Проголодался? — спрашивала Рамона. Его невразумительное бормотание она принимала за «да».

«Аппетитные голопопки»

Лучше всего было зависать у Коростеля после школы, ближе к вечеру. Никто не мешал. Мать Коростеля дома почти не появлялась или вечно куда-то спешила — она работала диагностом в больничном комплексе. Настойчивая темноволосая женщина, плоскогрудая и с квадратной челюстью. В тех редких случаях, когда Джимми сталкивался у Коростеля с его матерью, она обычно молчала. Рылась в кухонных шкафах, чем бы перекусить «вам, мальчики» (так она их называла). Иногда она посреди приготовлений замирала — выкладывая залежалые крекеры на тарелку, кромсая рыжую с белыми прожилками вязкую сырную пасту — и стояла неподвижно, точно в комнате возник невидимка. Джимми казалось, что она не помнит, как его зовут; более того, что она не помнит, как зовут Коростеля. Иногда она спрашивала сына, чисто ли у него в комнате, хотя сама туда никогда не заходила.

— Она верит, что взрослые должны уважать личную жизнь детей, — с каменным лицом сказал Коростель.

— Могу поспорить, все дело в твоих заплесне-

велых носках, — ответил Джимми. — Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этих маленьких носочков![15] — Он недавно открыл для себя всю прелесть цитирования.

— Для этого у нас есть освежитель воздуха, — ответил Коростель.

Что касается дяди Пита, он редко появлялся дома раньше семи. «Здравайзер» рос как на дрожжах, и у дяди Пита все прибавлялось работы. Он не был Коростелю настоящим дядей, он был вторым мужем Коростелевой матери. Он обрел этот статус, когда Коростелю было двенадцать, а в этом возрасте слово «дядя» не вызывает ничего, кроме отвращения. Но Коростель принял статус-кво — или сделал вид. Он улыбался, говорил «Конечно, дядя Пит» и «Точно, дядя Пит», когда тот находился рядом, но Джимми знал, что Коростель дядю не любит.

Однажды днем — когда? Наверное, в марте, потому что на улице уже стояла неимоверная жара, они смотрели порнуху в комнате у Коростеля. Они уже чувствовали, что занимаются этим скорее из любви к старым добрым временам,

---

[15] Примечания: 15

Парафраз цитаты из «Макбета»: «Никакие ароматы Аравии не отобьют этого запаха у этой маленькой ручки» (*пер. Б. Пастернака*).

из ностальгии по детству — что уже выросли из этого. Словно зрелые мужчины, что шляются по ночным клубам для подростков в плебсвиллях. Тем не менее они раскурили косяк, по новому лабиринту залезли к дяде Питу в карман и начали серфить. Залезли на сайт «Сладкие шлюшки» (затейливые кондитерские изделия во все тех же отверстиях организма), затем на «Суперглотателей», затем на русский сайт с бывшими акробатами, балеринами и прочими гуттаперчевыми артистами.

— Ну и кто сказал, что мужик не может у себя отсосать? — прокомментировал Коростель. Действо на проволоке с шестью горящими факелами было неплохое, но все это они уже видели.

Потом они зашли на «Аппетитные голопопки», сайт порнографических путешествий. Девизом сайта было «Не могу делать, так хоть посмотреть». Там говорилось, что в видеороликах настоящие секс-туристы делают вещи, за которые их бы посадили на родине. Лиц не видно, имена неизвестны, но какие возможности для шантажа, думает теперь Снежный человек. Происходило это в странах, где человеческая жизнь стоит дешево, детей слишком много и купить можно что угодно.

Вот так они впервые увидели Орикс. Ей было лет восемь — на вид, во всяком случае. Они так и не выяснили, сколько же ей тогда было. Ее не звали Орикс — ее вообще никак не звали. Очередная маленькая девочка на порносайте.

Эти девочки всегда казались Джимми ненастоящими, цифровыми клонами, но почему-то Орикс с самого начала была трехмерной. Худенькая, изящная, голая, как и все остальные, с розовой лентой в волосах и цветочной гирляндой.

Орикс глянула через плечо, прямо в глаза тому, кто смотрит, — прямо в глаза Джимми, в его тайное нутро. *Я вижу тебя*, — говорил этот взгляд. — *Я вижу, как ты смотришь. Я знаю тебя. Я знаю, что тебе нужно.*

Коростель отмотал назад, нажал паузу, скачал. Он порой так делал, и у него уже набрался небольшой архив стоп-кадров. Иногда он распечатывал их и отдавал Джимми. Это было опасно — могло навести на их след того, кому удастся проследить их путь через лабиринты, — но Коростель все равно так делал. И сохранил этот момент, момент, когда Орикс на них посмотрела.

Этот взгляд обжигал Джимми — разъедал его, точно кислота. Девочка его презирала. В его косяк словно забили газонной травы — будь там что

посильнее, он, может, и справился бы с чувством вины. Но он впервые почувствовал: то, чем они занимаются, — неправильно. Раньше это всегда было развлечением или не поддавалось контролю, но теперь он ощутил собственную вину. И притом его подцепили словно крючком за нежное место: предложи ему телепортироваться туда, где находится Орикс, он согласился бы, не раздумывая. Сам бы умолял. Все это было невыносимо сложно.

— Сохраним? — спросил Коростель. — Хочешь?

— Ага, — еле выдавил Джимми. Он надеялся, что голос звучит нормально.

Коростель распечатал фотографию, где Орикс смотрит, а Снежный человек сохранил, берег ее как самое дорогое сокровище. Много лет спустя он показал ее Орикс.

— Вряд ли это я, — только и сказала она сначала.

— Конечно, ты. Посмотри на эти глаза! — ответил Джимми.

— У многих девочек есть глаза, — сказала она. — Многие девочки такое делали. Очень многие. — Потом, заметив, что он разочарован, прибавила: — Может, и я. Может быть. Если это я, ты станешь счастливее, Джимми?

— Нет, — сказал Джимми. Соврал?

— Почему ты ее сохранил?

— О чем ты думала? — спросил Снежный человек, не ответив.

Другая на ее месте порвала бы фотографию, разрыдалась, обозвала его преступником, сообщила бы, что он ни черта не знает про ее жизнь, — одним словом, закатила бы сцену. А она разгладила бумагу, ласково провела пальцами по нежному и насмешливому детскому лицу, которое когда-то — несомненно — было ее лицом.

— Думаешь, я думала? — спросила она. — Джимми, ты вечно думаешь, что все только и делают, что думают. Может, я ничего не думала.

— Но я знаю, что думала, — ответил он.

— Хочешь, чтоб я тебя обманула? Сочинила что-нибудь?

— Нет. Просто расскажи.

— Зачем?

Джимми задумался. Он помнил, как смотрел на нее. Как он посмел такое с ней совершить? Но ведь он ей ничего не сделал, разве так?

— Потому что мне это нужно. — Так себе причина, но ничего умнее он не придумал.

Она вздохнула.

— Я думала, — сказала она, чертя ногтем круги

по его коже, — что, если мне выпадет шанс, стоять на коленях буду не я.

— На коленях будет кто-то другой? — спросил Джимми. — Кто? Какой кто-то?

— Все-то ты хочешь знать, — сказала Орикс.

5

Повар

Снежный человек в драной простыне сидит сгорбившись на опушке, где трава, вика и морской виноград переходят в песок. Стало прохладнее, и отчаяние немного отступило. И хочется есть. У голода есть свой плюс: если ты голоден, значит, еще жив.

Над головой шелестит листьями бриз; скрежещут и зудят насекомые; красное заходящее солнце освещает башни в воде, уцелевшие стекла вспыхивают, будто кто-то зажег гирлянду лампочек. Кое-где сохранились сады на крышах — теперь там разрослись кусты. К ним по небу летят сотни птиц — домой, к насестам. Ибисы? Цапли? Черные — бакланы, это Снежный человек знает точно. Они устраиваются в темной листве, каркают и ссорятся. Теперь он знает, где искать гуано, если понадобится.

На опушку, к югу, выбегает кролик, скачет, прислушивается, останавливается пощипать траву гигантскими зубами. Он светится в сумерках, зеленоватое сияние, иридоциты какой-то глубоководной медузы, давний эксперимент. Кролик в полумраке мягок, почти прозрачен,

словно рахат-лукум, — будто мех можно слизать, как сахар. Зеленые кролики существовали, еще когда Снежный человек был мальчиком, хотя тогда были не такие огромные, еще не выбрались из клеток, не скрещивались с дикими и не причиняли неприятностей.

Кролик Снежного человека не боится, хотя вызывает массу плотоядных желаний: хочется ударить животное камнем, голыми руками разорвать на части и запихать в рот вместе с шерстью. Но кролики — дети Орикс, и к тому же ее священные животные; а огорчать женщин не стоит.

Сам виноват. Наверное, он был вдупель пьян, когда сочинял законы. Надо было сделать кроликов съедобными, по крайней мере для себя, но теперь уже поздно. Он почти слышит, как Орикс над ним смеется, снисходительно и немножко злорадно.

Дети Орикс, Дети Коростеля. Надо было что-то придумать. Излагай проще, не распыляйся, не запинайся: вот так, должно быть, советовали адвокаты преступникам на скамье подсудимых. *Коростель сделал кости Детей Коростеля из кораллов, что лежали на пляже, потом сделал плоть их из манго. А Дети Орикс вылупились из яйца, огромного яйца, которое снесла сама Орикс.*

Вообще-то она снесла два яйца, в одном были птицы, звери и рыбы, а в другом — слова. Но яйцо, в котором были слова, проклюнулось первым, а Дети Коростеля тогда уже были созданы, они съели все слова, потому что хотели есть, и когда проклюнулось второе яйцо, слов уже не осталось. Поэтому звери не умеют говорить.

Главное — внутренняя логика. Снежный человек давно это понял, еще когда ему сложнее давалось вранье. Теперь, даже если его ловят на мелких противоречиях, он может убедительно соврать, потому что эти люди ему верят. Нынче из всех живущих на свете лишь он один видел Коростеля в лицо, и в этом его преимущество. Над его головой реет незримая хоругвь Коростельства, Коростеления, Коростельшества, освящая любой его поступок.

Всходит первая звезда.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя, сделай, чтоб сбылись мои желания, — произносит он. Опять какая-то учительница из начальной школы. Толстозадая Салли. *А теперь зажмурьтесь. Крепче! Крепко-крепко! Видите падающую звезду? А теперь загадаем желание, попросим того, чего хотим больше всего на свете. Только тссс! Никому не говорите, что загадали, а то не сбудется.*

Снежный человек крепко зажмуривается, закрывает глаза кулаками, кривит лицо. Ну вот — падающая звезда; голубая.

— Звездочка ясная, первая зоренька, пусть все исполнится скоренько, скоренько, — заканчивает он.

Держи карман шире.

— О, Снежный человек, а почему ты ни с кем разговариваешь? — говорит чей-то голос. Снежный человек открывает глаза. Трое Детей Коростеля, из тех, что постарше, стоят поодаль и с интересом за ним наблюдают. Видимо, подкрались в сумерках.

— Я говорю с Коростелем, — отвечает он.

— Но ты говоришь с Коростелем через свою блестящую штуку! Она что, сломалась?

Снежный человек поднимает левую руку, показывает им часы.

— Это чтобы *слушать* Коростеля. А *говорить* с ним надо по-другому.

— А почему ты говоришь с ним о звездах? Что ты говоришь Коростелю, о Снежный человек?

Действительно, что это я говорю Коростелю, думает Снежный человек. *Когда имеете дело с аборигенами*, заводится запись у него в голове — на этот раз более современная, конец двадцатого

века, голосом уверенной в себе женщины, — *следует попытаться уважать их традиции и ограничивать свои объяснения простыми концепциями, которые могут быть поняты в контексте туземной системы верований.* Какая-нибудь самоотверженная работница из гуманитарной службы, в костюме-сафари с миллионом карманов и сетчатыми подмышками. Снисходительная, самодовольная сучка, думает, у нее есть ответы на все вопросы. В студенческие годы он знал барышень такого типа. Окажись она здесь, ей пришлось бы пересмотреть смысл слова «аборигены».

— Я сказал ему, — отвечает Снежный человек, — что вы задаете слишком много вопросов. — Он подносит часы к уху. — А он говорит, если не перестанете, он с вами разделается, как повар с картошкой.

— Пожалуйста, о Снежный человек, скажи, а что такое повар с картошкой?

Еще одна ошибка, думает Снежный человек. Нужно избегать невразумительных метафор.

— Повар с картошкой, — говорит он, — это такая очень, очень плохая штука. Такая плохая, что я даже описать не могу. А теперь вам пора спать. Уходите.

— Что такое повар с картошкой? — спрашивает Снежный человек сам себя, когда они убегают. *Картошка — это клубень растения. Его растили на полях. Что такое поля? Это мы пропустим, слишком сложно. Картошку едят — только сперва ее чистят, потом жарят… — Пожалуйста, скажи, зачем ее надо жарить? Почему нельзя просто съесть растение? — Это мы тоже пропустим. Слушайте внимательно. Повар срезает с картошки кожуру, режет картошку на куски и кладет на сковородку, это такая круглая железная коробка, она нагревается на плите… — Что такое плита? — Не важно. Пока картошка лежит на сковородке, повар достает масло… Масло — это желтый жир, он делается из выделений молочных желез… ладно, масло тоже пропустим. Итак, повар жарит картошку на сковородке, а потом подбрасывает, и картошка слетает со сковородки и падает на пол…*

— Ладно, — говорит Снежный человек. — Попробуем еще раз. *Картошка — бесполезное изобретение Темных Времен. Картошка была орудием пытки, и все, кого пытали картошкой, в вербальной форме изрыгали свои грехи и преступные деяния из прошлых жизней. Картошка была предметом культа, ее пожирали фетишисты,*

которые верили, что она увеличит их кинетическую и сексуальную силу. Повар же необъясним доступными рациональными средствами.

Повар — это я.

И мне крышка.

Рыба

Небо темнеет, из ультрамарина в индиго. Благослови Господь тех, кто давал названия масляным краскам и дорогому женскому белью, думает Снежный человек. Розовый лепесток, кармазин, маренго, умбра, спелая слива, индиго, ультрамарин; все эти слова и фразы — фантазии. Утешительно помнить, что когда-то *Homo sapiens sapiens* так изобретательно обращался с языком — и не только с языком. Виртуозен, куда ни плюнь.

Обезьяньи мозги, считал Коростель. Обезьяньи лапы, любопытство мартышки, все сломать, вывернуть наизнанку, понюхать, пощупать, измерить, улучшить, сломать, выбросить — все это из-за обезьяньих мозгов — усовершенствованная модель, разумеется, но обезьяньи мозги есть обезьяньи мозги. Коростель был невысокого мнения о человеческой изобретательности, несмотря на то что в избытке обладал ею сам.

Со стороны деревни, точнее — того, что могло бы называться деревней, будь в ней дома, слышен гул голосов. Точно по расписанию — мужчины несут факелы, за мужчинами следуют женщины.

Всякий раз, видя этих женщин, Снежный человек поражается. Кожа у них всех известных цветов, от чернее черного до белее белого, все разного роста, но каждая безупречно сложена. Зубы крепкие, кожа гладкая. Никакого жира на талии, никаких «велосипедных покрышек», никакой целлюлитной апельсиновой корки на бедрах. Ни волосков на ногах, ни зарослей между. Как отретушированные фотографии моделей или реклама дорогого фитнеса.

Может, потому они и не вызывают в Снежном человеке даже проблеска похоти. Его всегда трогали отпечатки человеческого несовершенства, мелкие изъяны: кривая улыбка, бородавка возле пупка, родинка, синяк. Эти места он выискивал, их целовал. Хотел утешить, целуя рану, дабы ее излечить? В сексе всегда есть капля меланхолии. Когда неразборчивая юность миновала, он полюбил печальных женщин, нежных и ранимых, покалеченных жизнью, женщин, которым он был нужен. Ему нравилось утешать их, ласкать их, подбадривать. Делать их чуть счастливее, пускай ненадолго. И себя заодно, разумеется — такова награда. Благодарная женщина на многое способна.

А эти новые женщины не грустят, у них не

бывает кривых улыбок: они безмятежны, точно ожившие статуи. Они его замораживают.

Женщины несут его рыбу, еженедельную рыбу, поджаренную, как он учил, завернутую в листья. Он чует эту рыбу, он истекает слюной. Они выносят рыбу, кладут ее на землю перед ним. Прибрежная рыба, мелкая и безвкусная — ее никто не ел, поэтому ее не ловили и не выловили окончательно; или же придонный мутант, прыщавый от токсинов, но Снежному человеку плевать, он что угодно съест.

— Вот твоя рыба, о Снежный человек, — говорит один мужчина, тот, которого зовут Авраам. Как Линкольна: Коростель развлекался, называя своих Детей в честь видных исторических деятелей. Тогда казалось, что это все достаточно невинно.

— Это рыба, которая избрана для тебя сегодня, — говорит женщина, держащая сверток; Императрица Жозефина, или Мадам Кюри, или Соджорнер Трут[16], она стоит в тени, и Снежный человек не видит, кто именно. — Это рыба, которую дает тебе Орикс.

Какое счастье, думает Снежный человек. Улов

---

[16] Примечания: 16

Соджорнер Трут (наст. имя Изабелла Бомфри, 1797–1883) — видная американская общественная деятельница XIX века, проповедница, аболиционистка.

Дня.

Каждую неделю по лунному календарю — новолуние, первая четверть, полнолуние, третья четверть — женщины заходят в озерца на пляже и зовут невезучую рыбу по имени — просто *рыба*, ничего конкретнее. Затем они показывают на эту рыбу, а мужчины забивают ее камнями и палками. Таким образом, неприятное занятие — охота — делится поровну между всеми, как и чувство вины за пролитую рыбью кровь.

Случись все, как хотел Коростель, таких убийств больше бы не было — никакого людского хищничества, — но он не учел Снежного человека и его зверские аппетиты. Снежный человек не может питаться клевером. Эти люди рыбу не едят, но раз в неделю ловят ее и приносят ему, ибо он утверждает, что так приказал Коростель. Они приняли жестокость Снежного человека, они с самого начала знали, что он — существо иного порядка, так что не удивились.

Идиот, думает он. Надо было заставить их ловить рыбу трижды в день. Он разворачивает теплую рыбину, пытаясь сдерживать дрожь в руках. Лучше б ему не забываться. Но он всегда забывается.

Люди пятятся и отводят глаза, пока он запихива-

ет эту квинтэссенцию рыбности в рот, высасывает глаза и щеки, рыча от удовольствия. Наверное, похоже на львиный рык в зоопарке, — когда еще были зоопарки и еще были львы, — растерзанная добыча, хруст костей, пожирание, заглатывание — и, как и посетители канувших в небытие зоопарков, Дети Коростеля все равно подглядывают. Эта демонстрация порочности интересна даже им, хоть они, казалось бы, целиком очищены хлорофиллом.

Окончив трапезу, Снежный человек облизывает пальцы, вытирает их о простыню и заворачивает кости в листья — кости вернутся в море. Он сказал Детям Коростеля, что так хочет Орикс — чтобы из костей своего чада сделать новое. Они это приняли без вопросов, как и все, что он говорит про Орикс. На самом деле то была одна из лучших его выдумок: незачем оставлять объедки на земле, приманивать скунотов, волкопсов, свиноидов и других падальщиков.

Люди придвигаются, и мужчины, и женщины, толпятся вокруг, их зеленые глаза светятся в полутьме, как светился кролик: тот же самый медузин ген. Все вместе они пахнут, точно ящик цитрусовых, — эту деталь придумал Коростель, надеялся, что запах отпугнет москитов. Может,

он был прав, потому что все здешние москиты, на много миль вокруг, похоже, кусают исключительно Снежного человека. Он подавляет желание прихлопнуть москита — свежая кровь только раздразнит остальных. Он пересаживается левее, чтобы оказаться в дыму факелов.

— Снежный человек, пожалуйста, расскажи нам про деяния Коростеля.

За каждую убитую рыбу они требуют историю. Ладно, я им должен, думает Снежный человек. Не подведи меня, Бог Херни.

— Какую часть истории вы бы хотели услышать сегодня? — спрашивает он.

— Вначале, — говорит чей-то голос. Они любят повторы, заучивают наизусть.

— Вначале был хаос, — говорит он.

— Покажи нам хаос, пожалуйста, Снежный человек!

— Покажи нам картинку хаоса!

Сначала они не могли понять, что такое картинки — цветы на выброшенных морем бутылочках из-под лосьонов, фрукты на банках из-под сока. *Это настоящее? Нет, это не настоящее. А что это такое — ненастоящее? Ненастоящее может поведать нам про настоящее.* И так далее. Но теперь они, кажется, постигли это понятие.

— Да! Да! Картинку хаоса, — требуют они.

Снежный человек знал, что его об этом попросят — все истории начинаются с хаоса, — и успел подготовиться. Из-за бетонного тайника он приносит одну из своих находок — оранжевое пластмассовое ведерко, оно выцвело, стало розовым, но целехонькое. Он старается не думать, что случилось с ребенком, который когда-то с этим ведерком играл.

— Принесите воды. — Он протягивает им ведерко. В круге факелов суета, тянутся руки, в темноте шлепают шаги.

— Когда был хаос, все было перемешано, — говорит он. — Было слишком много людей, и люди смешались с грязью. — Ему возвращают ведерко, в котором плещется вода, Снежный человек ставит его в круг света. Кидает туда пригоршню земли, размешивает палкой. — Вот, — говорит он. — Это хаос. Его нельзя пить…

— Нет! — кричат они хором.

— Его нельзя есть…

— Нет, его нельзя есть. — Смех.

— В нем нельзя плавать, на нем нельзя стоять…

— Нет! Нет! — Этот пассаж им очень нравится.

— Люди, которые жили в хаосе, и сами были

полны хаоса, и хаос заставлял их делать плохие вещи. Они все время убивали других людей. Они пожирали всех детей Орикс, не слушали Орикс, не слушали Коростеля. Они каждый день ели их Детей. Они все время убивали их, убивали и ели, ели и убивали. Они ели их, даже когда не были голодны.

Ахи, распахнутые глаза — очень драматический момент. Такое зло! Он продолжает:

— А Орикс хотела только одного — она хотела, чтобы люди жили счастливо, жили в мире, чтобы они перестали есть ее детей. Но из-за хаоса люди не могли быть счастливы. И тогда Орикс сказала Коростелю: «Давай избавимся от хаоса». Тогда Коростель взял хаос и вылил его. — Снежный человек показывает, как это было, выливает воду на землю, переворачивает ведерко. — Вот. Пустое. Так Коростель совершил Великую Перемену и создал Великую Пустоту. Он вычистил грязь, он освободил место…

— Для своих детей! Для Детей Коростеля!

— Правильно. И для…

— И для детей Орикс!

— Правильно, — говорит Снежный человек. Неужто не будет конца его бесстыдным изобретениям? Ему снова хочется плакать.

— Коростель создал Великую Пустоту… — говорят мужчины.

— Для нас! Для нас! — говорят женщины. Все вместе уже похоже на литургию. — О, хороший, добрый Коростель!

Их преклонение перед Коростелем бесит Снежного человека, хотя он сам это преклонение насадил. Коростель, которого они славят, — выдумка Снежного человека, и притом не лишенная ехидства: Коростель был против идеи Бога или пантеона, и ему, разумеется, было бы противно смотреть, как постепенно обожествляют его.

Будь он здесь. Но его нет, и слушать этот неуместный подхалимаж приходится Снежному человеку. Почему они не прославляют его? Хороший, добрый Снежный человек, который больше заслуживает славословий, — куда больше — ибо кто их вывел оттуда и привел сюда, кто за ними всю дорогу присматривал? Ну вроде как присматривал. Никакой не Коростель. Почему Снежный человек не может пересмотреть мифологию? *Благодарите меня, а не его! Потешьте мое эго!*

Но пока обиду нужно проглотить.

— Да, — говорит он. — Хороший, добрый Коростель. — Он кривит рот, надеясь изобразить благостную милостивую улыбку.

Сначала Снежный человек импровизировал, но теперь им потребна догма: любое отступление от канона грозит неприятностями. Может, он не лишится жизни — эти люди не склонны к жестокости и кровожадному возмездию, — но лишится аудитории. Они отвернутся от него, они уйдут. Он стал пророком Коростеля, нравится ему это или нет; он стал пророком Орикс. Пророк — или никто. «Никто» ему не подходит, он не вынесет мысли, что он никто. Ему нужно, чтобы его слушали, чтобы его услышали. Чтобы его понимали — хоть иллюзорно.

— О, Снежный человек, расскажи нам, как родился Коростель, — говорит какая-то женщина. Что-то новенькое. Он не готов, однако это стоило предусмотреть — этих женщин сильно интересуют дети. Осторожно, говорит он себе. Если создать им мать Коростеля, и сцену рождения, и Коростеля-младенца, они потребуют деталей. Захотят узнать, когда у Коростеля прорезался первый зуб, когда он сказал первое слово, когда съел первый корень, и прочие банальности.

— Коростель не рождался, — говорит Снежный человек. — Он спустился с неба, как гром. А теперь, пожалуйста, уходите. Я устал. — Позже он додумает эту легенду. Возможно, снабдит

Коростеля рогами, огненными крыльями и еще хвостом в придачу.

Бутылка

Дети Коростеля уходят, забрав с собой факелы, а Снежный человек забирается на дерево и пытается заснуть. Вокруг сплошной шум: плеск волн, жужжание и стрекотание насекомых, щебет птиц, хриплое кваканье амфибий, шелест листьев. Слух его подводит: ему чудится джазовая труба и ритм ударных, будто ночному клубу вставили кляп. Откуда-то издалека, с побережья, доносится гулкий рев: а это еще что? Он не представляет себе животное, способное издавать такие звуки. Может, крокодил сбежал с кубинской фермы, где из него хотели сделать сумочку — работники перемерли, а крокодилы разбежались, и теперь он пробирается вдоль берега на север. Плохая новость для купающихся детишек. Снежный человек прислушивается, но звук не повторяется.

Вдалеке, в деревне, мирно бормочут человеческие голоса. Если их можно назвать человеческими. Пока они не начинают петь. За свою сгинувшую жизнь Снежный человек не слыхал ничего, подобного этому пению: оно выше человеческих возможностей, а может, ниже.

Будто кристаллы поют; нет, тоже не то. Будто разворачиваются вайи — листья папоротников — древние, каменноугольные, однако новорожденные, благоухающие, зеленеющие. Это пение выматывает, навязывает слишком много ненужных эмоций. Он чувствует себя лишним, будто его не пригласили на праздник и ни за что не пригласят. Стоит шагнуть в свет костра, и к нему обратится кольцо внезапно опустевших лиц. Воцарится тишина, как в театральных трагедиях давно минувшего, когда на сцене появляется герой, за которым чумным шлейфом тянутся плохие новости. Наверное, на подсознательном уровне Снежный человек — напоминание этим людям, и не очень приятное напоминание: он — то, чем они могли быть когда-то. *Я ваше прошлое,* будто провозглашает он. *Я ваш предок, пришедший из земель мертвых. Я заблудился, я не могу вернуться, я брошен здесь, мне одиноко. Пустите меня к себе!*

О, Снежный человек, чем мы можем помочь тебе? Кроткие улыбки, вежливое удивление, изумленное дружелюбие.

Не обращайте внимания, скажет он тогда. Они не могут ему помочь — никак, ничем.

Дует холодный ветер; простыня волглая; его

трясет. Вот если б здесь был термостат. Может, он придумает, как развести маленький костер, прямо тут, на дереве.

— Спать! — приказывает он себе. Толку ноль. Снежный человек долго мечется, ворочается и чешется, потом спускается с дерева, чтобы взять из тайника бутылку виски. Света звезд достаточно, чтобы примерно видеть, где что. Снежный человек уже не раз совершал прогулки по этому маршруту: первые полтора месяца, убедившись, что можно расслабиться и спать по ночам, он каждую ночь напивался вдрызг. Не самое зрелое и мудрое решение, это правда, но, с другой стороны, зачем ему теперь мудрость и зрелость?

Каждый вечер он гудел — гудел в одиночку. Точнее, каждую ночь, когда было спиртное — Снежный человек находил очередную алкогольную заначку поблизости, в заброшенных домах плебсвилля. Сначала он прочесал все окрестные бары, потом рестораны, потом дома и трейлеры. Он пил микстуру от кашля, лосьон для бритья, медицинский спирт; за деревом собралась целая батарея пустых бутылок. Иногда попадалась трава, и ее он тоже употреблял; нередко она оказывалась отсыревшей или беспонтовой, но ему удавалось покайфовать и от нее. Не нашлось

ни кокаина, ни крэка, ни героина — видимо, все это было вколото в вены и вынюхано раньше, в последнем пароксизме carpe diem[17]; что угодно, только бы уйти от реальности — вполне понятное желание при сложившихся обстоятельствах. Повсюду валялись пустые контейнеры от «НегиПлюс», незаменимые, когда нужна оргия в режиме нон-стоп. К счастью, эта публика не успела вылакать все спиртное, хотя во время поисков он не раз видел, что кто-то здесь уже побывал, оставив только битое стекло. Наверное, невообразимая вакханалия продолжалась, пока последний из веселящихся не откинул копыта.

Внизу темно, как у негра под мышкой. Снежному человеку пригодился бы заводной фонарик. Надо смотреть в оба. Он, спотыкаясь, ощупью бредет в нужном направлении, изучая землю — не появятся ли злобные белые земляные крабы, которые выползают из нор по ночам — эти твари кусаются так, что мало не покажется, — и, сделав крюк через кусты, он наконец обнаруживает бетонный тайник, треснувшись об него ногой. Ругаться нельзя, мало ли кто бродит рядом, в темноте. Он открывает тайник, наугад роется

[17] Примечания: 17
Лови момент (*лат.*).

там и достает свою треть бутылки шотландского виски.

Он берег это виски, боролся с искушением закатить пирушку, хранил бухло как талисман — пока он помнит, что оно есть, время тянется не так мучительно долго. Наверное, больше виски он не найдет. Он точно изучил все возможные места в радиусе одного дня ходьбы от дерева. Но Снежного человека одолевает безрассудство. Зачем копить, хранить на черный день? Зачем ждать? Что стоит его жизнь и кого она волнует? Он уже сыграл свою роль в эволюции, как и предполагал сука Коростель. Он спас детей.

— Коростель, сука! — не выдержав, орет он.

Зажав бутылку в одной руке, нащупывая дорогу другой, он возвращается к дереву. Чтобы залезть наверх, понадобятся обе руки, и он завязывает бутылку в простыню. Наверху он садится на своей платформе, глотает скотч и воет на звезды — Уууу! Уууу! — пока снизу не начинает подвывать хор.

Кажется, это глаза блестят? Он слышит частое дыхание.

— Здравствуйте, мои пушистые друзья, — окликает он. — Кто желает быть лучшим другом человека? — В ответ раздается жалобное повиз-

гивание. Это худшее, что есть в волкопсах: они все еще похожи на собак, ведут себя как собаки, ставят уши торчком, скачут и играют, словно щенки, виляют хвостами. Подманивают, а потом набрасываются. Немного потребовалось, чтобы свести на нет пятьдесят тысяч лет дружбы человека с псовыми. Что касается обыкновенных собак, у них не было ни единого шанса: волкопсы убили и съели всех, в ком проявлялись рудименты одомашнивания. Снежный человек видел, как волкопес подошел к тявкающему пекинесу, дружелюбно обнюхал ему зад, потом перегрыз горло, встряхнул, точно швабру, и убежал с обмякшим тельцем в зубах.

Поначалу вокруг бродили удрученные домашние животные, отощавшие, хромые, с тусклой свалявшейся шерстью, озадаченным взглядом умоляя, чтоб их взял к себе человек, любой человек. Дети Коростеля их не устраивали, собакам подозрителен был их запах — какие-то фрукты на ножках, особенно на закате, когда включался репеллент с запахом цитрусового масла, — да и сами Дети Коростеля не интересовались собаками, так что те сконцентрировались на Снежном человеке. Пару раз он почти сдался — сложно сопротивляться их заискиванию, их жалостливому

скулежу, но он не мог позволить себе их кормить; в любом случае проку от них никакого.

— Каждый за себя, — сказал он им. — Простите, ребята. — В первые дни он отгонял их камнями, чувствуя себя последним дерьмом, а в последнее время они уже не возвращались.

Вот дурак. Он дал им пропасть задаром. Надо было их съесть. Или взять одну и натаскать на кроликов. Или сделать сторожевой собакой. Что-нибудь такое.

Волкопсы не умеют лазить по деревьям, и на том спасибо. Если они расплодятся и станут чересчур настойчивы, ему придется прыгать по лианам, как Тарзану. Это смешно, и он смеется.

— Вам нужно только мое тело! — кричит он им. Потом осушает бутылку и кидает ее вниз. Визг, суета: ракетную дипломатию они по-прежнему уважают. Но сколько это будет продолжаться? Волкопсы умные, скоро поймут, что он беззащитен, и начнут охоту. И тогда он никуда пойти не сможет — во всяком случае, не сможет ходить туда, где нет деревьев. Им останется только выманить его на открытую местность, окружить и убить. С помощью острых палок и камней особо ничего не добьешься. Нужно, обязательно нужно найти еще один пистолет-распылитель.

Волкопсы уходят, Снежный человек ложится на спину на своей платформе и сквозь шелестящую листву смотрит на звезды. Они вроде близко, но ведь на самом деле далеко, так далеко. Их свет устарел на миллионы, миллиарды лет. Послания без отправителя.

Время идет. Ему хочется что-нибудь спеть, но в голову ничего не приходит. Старая музыка возникает внутри, затихает — слышна только перкуссия. Может, он бы вырезал себе флейту из какой-нибудь ветки, стебля или еще чего, только бы найти нож.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя, — говорит он. А дальше? Вылетело из головы.

Луны нет, сегодня лунная темень, но она все равно где-то там, и сейчас, наверное, всходит над горизонтом, большой невидимый каменный шар, гигантский ком гравитации, мертвый, но могущественный, притягивает море. Соки земные сосет. *Человеческое тело на девяносто восемь процентов состоит из воды*, вещает книга у него в голове. На этот раз голос мужской, таким голосом начитывали энциклопедии; незнакомый — во всяком случае, Снежный человек не припоминает знакомства с хозяином этого голоса. *Оставшиеся два процента — это минералы;*

наиболее важным из них является железо в крови и кальций, который входит в состав зубов и костей скелета.

— Да кому какая, на хрен, разница? — спрашивает Снежный человек. Его совершенно не волнует железо в его крови и кальций в костях, он устал быть собой, он хочет стать кем-нибудь другим. Перетрясти все клетки, добыть новые хромосомы, обменять свою голову на чужую, в которой воспоминания лучше — например, как его тела касаются пальчики, скажем, пальчики с овальными ногтями, крашеными — спелая слива, или кармазин, или розовый лепесток. Сделай, чтоб сбылись мои желания. Пальцы, рот. Тупая тяжелая боль просыпается у основания позвоночника.

— Орикс, — говорит он. — Я знаю, что ты здесь. — Он повторяет ее имя. И это даже не ее настоящее имя, того он никогда не знал; это только слово. Мантра.

Иногда ему удается вызвать ее дух. Сначала она бледна и призрачна, но если вновь и вновь повторять ее имя, может, она скользнет в его тело и будет с ним в его плоти, и его рука, которой он ублажает сам себя, будет ее рукой. Но она всегда была неуловима, ее не поймать. Сегодня так и не

материализовалась, и он снова один, в темноте, жалкий, хнычущий, дрочащий уродец.

6

Орикс

Снежный человек внезапно просыпается. Кто-то его коснулся? Но рядом никого, ничего.

Полный мрак, звезд не видно. Должно быть, из-за облаков.

Он ворочается, кутается в простыню. Он дрожит — это все ночной ветер. Скорее всего, он еще пьян, порой так сразу и не скажешь. Он смотрит в темноту, размышляет, когда же наступит утро, надеется, что ему удастся вновь заснуть.

Где-то ухает сова. Яростная вибрация, близко и далеко одновременно, как самая низкая нота перуанской флейты. Может, сова охотится? На кого?

Он чувствует, как Орикс плывет к нему по воздуху, будто на крыльях из мягких перьев. Вот она приземляется, устраивается; она очень близко, вытянулась на боку, кожа к коже. Орикс чудесным образом умещается на платформе, хотя платформа невелика. Будь у него свечка или фонарик, он увидел бы Орикс, ее изящный силуэт, бледное свечение во тьме. Протянуть руку и коснуться ее — но тогда она исчезнет.

— Я ведь не секса от тебя хотел, — говорит он.

Орикс молчит; не верит ему, он чувствует. Она грустит: он забирает у нее знание, силу. — Ну то есть не только секса. — Мрачная улыбка; так-то лучше. — Ты же знаешь, я люблю тебя. Только тебя. — Она не первая, кому он это говорит. Зря он так тратил эти слова в прошлой жизни, зря использовал их как инструмент, клин, ключ, что открывает женщин. Когда он наконец почувствовал то, о чем говорил, слова исфальшивились, и ему было стыдно их произносить. — Да нет, честное слово, — говорит он Орикс.

Нет ответа. Она и в лучшие времена не была чересчур разговорчивой.

— Скажи мне одну вещь, — говорил он — давно, когда еще был Джимми.

— Спроси, — отвечала она.

И он спрашивал, а она отвечала: «Я не знаю. Я забыла», или «Я не хочу тебе про это рассказывать», или «Джимми, ты плохой, это не твое дело». Однажды она сказала:

— У тебя в голове полно картинок, Джимми. Откуда они берутся? Почему ты думаешь, что на всех картинках — я?

Ему казалось, что он понял ее замкнутость, ее уклончивость.

— Ладно, — сказал он, гладя ее волосы. — Это

была не твоя вина.

— Что «это», Джимми?

Сколько времени он склеивал ее из обрывков, что собирал и бережно хранил? Была версия Коростеля, была версия Джимми, куда романтичнее, и была ее собственная версия, совсем иная, чем те две, и ни капли не романтичная. Снежный человек прокручивает в голове эти три истории. Наверное, были и другие: версия ее матери, версия человека, который купил Орикс, версия человека, который купил ее у того человека, версия третьего покупателя — самого мерзкого, того, из Сан-Франциско, вруна и святоши; но этих историй Джимми никогда не слышал.

Орикс была такая хрупкая. Филигранная, думал он, представляя себе кости внутри ее маленького тела. У нее было треугольное лицо — большие глаза, узкий подбородок — лицо осы, богомола, сиамской кошки. Кожа — бледнейшего оттенка слоновой кости, гладкая и прозрачная, будто старый дорогой фарфор. Глядя на нее, сразу видишь — у этой прекрасной, хрупкой, некогда бедной женщины была трудная жизнь, но полы в этой жизни она не мыла.

— Ты когда-нибудь мыла полы? — однажды спросил Джимми.

— Полы? — Она задумалась. — У нас не было полов. А когда я попала туда, где были полы, мыла их не я. — Только одно про те времена, когда полов не было, сказала она, — земляные полы каждый день подметались. Это очень важно, потому что люди спали на земле и сидели там, когда ели. Никто не хотел валяться в объедках. Никто не хотел, чтобы у него завелись блохи.

Когда Джимми было семь, а может, восемь или девять лет, родилась Орикс. Где именно? Сложно сказать. Далеко, в другой стране.

Но там была деревня, сказала Орикс. Вокруг деревья, рядом поля — может, рисовые чеки. Крыши хижин были из растительного материала — может, тростник или пальмовые листья, а у самых богатых — жестяные. В Индонезии, в Мьянме? Нет, сказала Орикс, хотя точно не знала. Не Индия. Вьетнам? — гадал Джимми. Кампучия? Орикс изучала ногти на руках. Это не важно.

Она не помнила языка, на котором разговаривала в детстве. Она была слишком мала, чтобы сохранить его, тот давний язык: все слова улетучились из головы. Но он был не тот, что в городе, куда ее вначале привезли, там был другой язык или другой диалект, потому что она училась говорить по-другому. Это она помнит: неуклюжесть

слов на языке, ощущение, что она внезапно утратила дар речи.

Деревня — это такое место, где все очень бедные и куча детей, сказала Орикс. Она была совсем маленькая, когда ее продали. У матери было много детей, в том числе два старших сына, которые скоро смогли бы работать в поле, и это очень хорошо, потому что отец болел. Все кашлял и кашлял, и кашель сопровождает все ранние воспоминания Орикс.

Что-то с легкими, догадался Джимми. Разумеется, наверняка они все курили как одержимые, когда появлялась возможность купить сигареты: курение притупляло ужас жизни. (Он поздравил себя с этой догадкой.) Жители деревни сказали, что отец болеет из-за плохой воды, плохой судьбы, злых духов. Было в недугах что-то постыдное, никто не хотел измараться в чужой болезни. Поэтому отца Орикс жалели, но притом осуждали и избегали. Жена ухаживала за ним в молчаливом негодовании.

И все же колокола звонили. Читались молитвы. Сжигались на костре маленькие идолы. Но напрасно — отец умер. Все в деревне знали, что дальше будет: если в семье нет мужчины, который трудится в поле, сырье для жизни следует

брать из других источников.

Орикс была одной из младших, о ней часто забывали, но вдруг все изменилось. С ней носились, ее больше кормили, ей сшили красивый синий жакет, другие женщины помогали, хотели, чтобы Орикс была красивая и здоровая. Уродливые или покалеченные дети, или не очень умные, или те, кто неважно говорил, — такие стоили меньше, их вообще могли не купить. Возможно, деревенским женщинам тоже придется продавать детей, и если сейчас помочь, в будущем можно рассчитывать на помощь.

В деревне эти сделки никогда не назывались «продажей». В разговорах о них подразумевалось обучение. Детей учили зарабатывать на жизнь в большом мире — такова была приукрашенная версия. Кроме того, если дети останутся в деревне, что их ждет? Особенно девочек, говорила Орикс. Разве что выйдут замуж, нарожают новых детей, которых тоже продадут. Продадут или в реку бросят, и они поплывут к морю, потому что еды не хватало.

Однажды в деревню пришел человек. Тот же самый, что и всегда. Обычно он приезжал на машине, которая подпрыгивала на грунтовке, но в тот раз шли дожди и дорогу размыло. В каждой

деревне был такой человек, который время от времени пускался в опасное путешествие из города, — нерегулярно, однако о его приходе всегда становилось известно заранее.

— Какой город? — спросил Джимми.

Но Орикс только улыбнулась. Она сказала, что, вспоминая это, всегда становится голодной. Джимми, дорогой, может, позвонишь и закажешь пиццу? Грибы, артишоки, анчоусы, без пепперони.

— А ты пиццу будешь? — спрашивала она.

— Нет, — отвечал Джимми. — Почему ты не отвечаешь?

— А почему ты спрашиваешь? Мне все равно. Я об этом не думаю. Это давно было.

— Тот человек, — сказала Орикс, изучая пиццу, будто пазл, и вытаскивая грибы, которые любила съедать первыми, — приводил с собой еще двоих, слуг, они тащили винтовки, чтобы защищаться от бандитов. На нем была дорогая одежда, и, если не считать пыли и грязи — по пути в деревню все покрывались пылью и грязью, — он был чистый и ухоженный. Носил часы, блестящие позолоченные часы, на которые он часто смотрел, поддергивая рукав; в глазах жителей деревни эти часы вселяли уверенность, были своего рода

знаком качества. Может, они даже были из настоящего золота. Кое-кто говорил, что так и есть.

Этого человека не считали преступником, совсем нет, — его считали достойным бизнесменом, который не жульничает (или почти не жульничает) и платит наличными. К нему относились с уважением и ему всячески выказывали гостеприимство: никому не хотелось с ним ссориться. А вдруг он больше не приедет? Вдруг семье понадобится продать ребенка, а он не купит, потому что его обидели в прошлый раз? Он был их деревенским банком, страховой компанией, добрым богатым дядюшкой, единственным амулетом от плохой судьбы. И нуждались в нем все чаще: погода стала странная и непредсказуемая — слишком много дождей или слишком мало, слишком ветрено, слишком жарко — и от этого страдали посевы.

Тот человек много улыбался и называл деревенских мужчин по именам. Произносил небольшую речь, всегда одну и ту же. Он хочет, чтобы все были счастливы, говорил он. Он хочет, чтобы все стороны были довольны. Не хочет никаких обид. Он ведь всегда пытается войти в их положение, забирает глупых и некрасивых детей, которые для него обуза, только чтобы помочь деревне.

Если у них есть претензии, если им не нравится, как он ведет дела, пускай они скажут. Но претензий не было, хотя люди ворчали у него за спиной — мол, он всегда покупает по самой низкой цене. Однако за это и уважали: значит, он свое дело знает, и дети попадут в надежные руки.

Всякий раз, приезжая в деревню, человек с золотыми часами забирал с собой нескольких детей, чтобы они продавали туристам цветы на городских улицах. Очень простая работа, с детьми будут хорошо обращаться, уверял он матерей, он не бандит низкого пошиба и не жулик, не сутенер. Детей будут кормить, им дадут безопасный ночлег, их будут хорошо охранять, им будут платить, и эти деньги они смогут отсылать домой, если захотят. Их выручка — процент от заработанного минус плата за жилье и еду. (В деревню никогда не присылали никаких денег. И все знали, что этого не случится.) За обучение детей он заплатит их отцам или вдовствующим матерям хорошие деньги. Во всяком случае, он так говорил. Деньги и впрямь были хорошие, особенно если учесть, к чему привыкли местные. Матери на эти деньги смогут обеспечить оставшимся детям жизнь получше. Так они говорили друг другу.

Впервые услышав эту историю, Джимми пришел в бешенство. То были его бешеные дни. Дни, когда он вел себя как дурак, если дело касалось Орикс.

— Ты не понимаешь, — сказала Орикс. Она все ела пиццу в постели, запивала ее колой и заедала картошкой фри. Она уже доела грибы и приступила к артишокам. Тесто она никогда не ела. Говорила, что чувствует себя очень богатой, если может позволить себе выбросить еду. — Так многие поступали. Такой был обычай.

— Идиотский обычай, — сказал Джимми. Он сидел в кресле у кровати и смотрел, как она розовым кошачьим язычком облизывает пальцы.

— Джимми, ты плохой, не ругайся. Хочешь пепперони? Ты говорил, чтобы не клали, а они все равно положили. Наверное, не расслышали.

— Идиотский — это не ругательство. Это красочное описание.

— Все равно, по-моему, не надо так говорить. — Теперь она ела анчоусы — она всегда оставляла их на потом.

— Я б его убил.

— Кого? Хочешь колу? Я одна все не выпью.

— Того человека, про которого ты рассказывала.

— А ты бы, Джимми, предпочел, чтобы мы все от голода умерли? — Орикс рассмеялась своим тихим журчащим смехом. Этого смеха Джимми боялся больше всего — этот смех скрывал веселое презрение. От него по коже бегали мурашки: холодный ветер на озере под луной.

Разумеется, его ярость выплескивалась на Коростеля. Джимми ломал мебель: то были дни ломки мебели. Вот что сказал Коростель:

— Джимми, смотри на вещи реалистичнее. Неограниченно растущая популяция не может существовать, потребляя минимальное количество пищи. *Homo sapiens* явно не способен отрезать себе снабжение. Человек — один из немногих видов, который при сокращении ресурсов не ограничивает размножение. Другими словами, и дело именно в этом — чем меньше мы едим, тем больше ебемся.

— И как ты это объяснишь? — спросил Джимми.

— Воображение, — ответил Коростель. — Люди воображают собственную смерть, чувствуют ее приближение, и одна мысль о ее неизбежности становится афродизиаком. Собаки или кролики ведут себя иначе. Или птицы, к примеру, — в неурожайные годы откладывают меньше яиц

или вообще не спариваются. Всю энергию тратят на то, чтоб остаться в живых и дождаться более благоприятных времен. А человек надеется оставить свою душу в ком-то другом, в новой версии себя, и жить вечно.

— Значит, мы обречены, потому что надеемся?

— Можно называть это надеждой. А можно отчаянием.

— Но без надежды мы тоже обречены, — сказал Джимми.

— Только как отдельные особи, — бодро заметил Коростель.

— Вот ведь жопа.

— Джимми, когда ты повзрослеешь?

Это Джимми уже слышал, и не только от Коростеля.

Человек с наручными часами оставался в деревне на ночь вместе со слугами и винтовками, ел, а затем пил с деревенскими мужчинами. Он целыми пачками раздавал сигареты, золотые и серебряные пачки, еще в целлофановой обертке. Утром он осматривал детей и задавал вопросы — не болеют ли, послушны ли? Еще проверял их зубы. У детей должны быть хорошие зубы, говорил он, потому что им придется много улыбаться. Затем он выбирал, отдавал деньги и прощался,

а деревенские вежливо кивали и кланялись. Обычно он забирал трех или четырех детей; если больше, он бы не справился. И это означало, что он выберет лучших. То же самое он делал и в остальных деревнях на своей территории. Все знали, что у него хороший вкус и здравые суждения.

Наверное, очень плохо, если тебя не выбрали, говорила Орикс. Отбракованным детям жилось хуже, они теряли свою ценность, их меньше кормили. Но ее выбрали первой.

Иногда матери плакали, и дети тоже плакали, но матери говорили детям, что те поступают хорошо, помогают своим семьям, пускай идут с этим мужчиной и делают все, что он говорит. Матери говорили, что дети немного поработают в городе, все станет чуть лучше, и дети смогут вернуться. (Дети никогда не возвращались.)

Все всё понимали и прощали, если и не смирялись. Но когда мужчина уходил, матери, продавшие детей, были опустошены и печальны. Словно то, что они сделали сами (никто не заставлял их, никто не угрожал), случилось против их воли. И словно их обманули, словно цена была слишком низкая. Почему они не потребовали больше? И все-таки, убеждали себя матери, у них

не было выбора.

Мать Орикс одновременно продала двух детей — не только потому, что нуждалась. Она решила, что они двое друг друга поддержат. Вторым ребенком был мальчик, на год старше Орикс. Мальчиков покупали реже, чем девочек, но платили за них столько же.

(Орикс восприняла эту двойную продажу как свидетельство материнской любви. У Орикс не было картинок этой любви. Не было историй. Она скорее верила в нее, чем помнила.)

Человек сказал, что делает матери Орикс большое одолжение, покупая ее сына, потому что с мальчиками больше проблем, они не слушаются и чаще убегают, а кто заплатит ему за неприятности? К тому же этот мальчик непослушный, с первого взгляда понятно, а еще у него почернел один передний зуб, отчего он смахивает на преступника. Но он знает, как ей нужны деньги, и потому проявит щедрость и избавит ее от бремени — этого мальчишки.

Птичье пение

Орикс сказала, что не помнит, как они добирались в город, но некоторые вещи помнит. Будто картинки на стене, на белой штукатурке. Будто заглядываешь в чужие окна. Похоже на сон.

Человек с часами сказал, что его зовут Дядя Эн и все они должны называть его именно так, иначе у них будут большие неприятности.

— Эн как имя, или Н как инициал? — спросил Джимми.

— Не знаю, — ответила Орикс.

— Ты видела, как оно пишется?

— В нашей деревне читать никто не умел, — сказала Орикс. — Джимми, открой рот. Я тебе отдаю последний кусочек.

Снежный человек вспоминает и почти ощущает вкус. Пицца, потом пальцы Орикс во рту.

А потом банка с колой покатилась по полу. А потом была радость, радость, хваткой удава сдавившая тело.

О ворованные тайные пикники. О восторг. О ясная память, о чистая боль. О бесконечная ночь.

Этот человек, продолжала Орикс в ту ночь (или

в другую), — этот человек сказал, что с сегодняшнего дня будет им дядей. Теперь, когда деревня скрылась из виду, он улыбался гораздо меньше. Надо идти очень быстро, сказал он, леса вокруг кишат дикими зверями с красными глазами и большими острыми зубами, и если дети убегут в лес или будут идти медленно, звери придут и разорвут их на части. Орикс очень испугалась и хотела взять брата за руку, но у нее не было такой возможности.

— Это были тигры? — спросил Джимми.

Орикс покачала головой. Не тигры.

— А кто? — спросил Джимми. Он думал, таким образом получит подсказку, привязку к месту. Проверит ареалы обитания — может, получится.

— Эти звери никак не назывались, — сказала Орикс, — но я знала, какие они.

Сначала они шли гуськом вдоль разбитой дороги, по высокой обочине, остерегаясь змей. Человек с винтовкой впереди, потом дядя Эн, потом брат Орикс, потом еще двое проданных детей — обе девочки, обе старше Орикс, — а потом она. Замыкал процессию второй человек с винтовкой. Они остановились пообедать — ели холодный рис, который им дали с собой в деревне, — а потом зашагали дальше. У реки мужчина с винтовкой

взял Орикс на руки и перенес через реку. Она такая тяжелая, сказал он, придется в воду бросить, а там ее рыбы съедят. Но это была шутка. От него пахло потом, дымом и какими-то духами или бриллиантином в волосах. Вода ему доходила до колен.

Потом садилось солнце, светило Орикс в глаза — видимо, они шли на запад, решил Джимми, — и она очень устала.

Солнце спускалось все ниже, запели и закричали птицы, невидимые, скрытые меж ветвей и лиан: хриплое карканье, свист и четыре чистые ноты подряд, будто колокольчик. Эти птицы всегда пели на закате и на восходе, когда солнце вот-вот появится над горизонтом; сейчас их песни утешили Орикс. Знакомые песни, часть привычного мира. Она представила, что одна птица — та, у которой голос как колокольчик, — это дух ее матери, который послан в теле птицы присматривать за Орикс, и дух говорил ей: *Ты вернешься*.

В деревне, сказала Орикс, некоторые люди умели отсылать свой дух еще до смерти. Все об этом знали. Любой мог научиться, старухи учили, и ты мог летать повсюду, видеть, что произойдет в будущем, передавать послания и являться людям

во сне.

Птица пела и пела, а потом смолкла. Солнце резко село, стало темно. В ту ночь они спали в сарае. Наверное, там держали скот — так в сарае пахло. Писать пришлось в кустах, всем вместе, шеренгой, а один человек с винтовкой их стерег. Взрослые развели костер, сидели вокруг, болтали и смеялись, сарай наполнялся дымом, но Орикс было все равно, потому что она уснула. Джимми спросил, где они спали — на земле, в гамаках или на раскладушках, но Орикс ответила, что это не имеет значения. Брат был рядом с ней. Раньше он не обращал на нее внимания, но теперь ему хотелось быть поближе.

На следующее утро они снова шли и наконец пришли туда, где дядя Эн оставил машину — ее охраняли несколько человек. Маленькая деревня: меньше и грязнее той, где родилась Орикс. Женщины и дети смотрели на них из-за дверей, но не улыбались. Одна женщина сделала рукой знак, чтобы отогнать злых духов.

Дядя Эн проверил, не пропало ли что из машины, заплатил тем, кто ее охранял, и велел детям залезать. Орикс раньше никогда не была внутри машины, и ей не понравился запах. Не солнцекар, а на бензине, совсем не новая. Один охранник

вел машину, дядя Эн сидел рядом с ним, а второй охранник и четверо детей втиснулись сзади. Дядя Эн был не в духе и приказал детям вопросов ему не задавать. Дорога была ухабистая, в машине жарко. Орикс затошнило, она подумала, что сейчас ее вырвет, но потом задремала.

Наверное, они ехали очень долго: машина остановилась, когда опять стемнело. Дядя Эн и человек, который вел машину, зашли в приземистый дом — наверное, гостиница, — второй охранник улегся на переднем сиденье и вскоре захрапел. Дети спали сзади — как могли. Задние двери были заперты, и дети не могли выбраться, не потревожив человека на переднем сиденье, а они боялись его разбудить, потому что он мог подумать, будто они хотят убежать. Ночью кто-то описался. Орикс чувствовала запах, но это была не она. Утром их отвели за дом к выгребной яме. Большая свинья наблюдала за детьми, пока те сидели на корточках.

Еще несколько часов езды по ухабам, а потом они затормозили перед заставой на дороге. Дядя Эн сказал двум солдатам, что дети — его племянницы и племянник: их мать умерла, и он забрал детей с собой, они будут жить у него дома, с его семьей. Он снова улыбался.

— Много у вас племянников, как я погляжу, — ухмыльнулся солдат.

— Да уж, такова моя горькая судьба, — ответил дядя Эн.

— И их матери вдруг все взяли и умерли.

— Как ни прискорбно.

— Даже не знаю, стоит ли этому верить, — сказал второй солдат, тоже ухмыляясь.

— Вот, смотрите, — сказал дядя Эн. Он вытащил Орикс из машины. — Как меня зовут? — спросил он, нависнув над ней улыбающимся лицом.

— Дядя Эн, — ответила она. Солдаты засмеялись, дядя Эн тоже. Потрепал Орикс по плечу и сказал ей, чтобы залезла в машину, пожал руки солдатам, сначала сунув руку в карман, и солдаты распахнули ворота. Когда машина тронулась, дядя Эн дал Орикс карамельку в форме лимона. Орикс немного ее пососала, а потом вынула изо рта и оставила на потом. Карманов у нее не было, поэтому она зажала конфету в липкой руке. Ночью грустная Орикс лизала собственную ладошку.

Дети по ночам плакали — потихоньку. Про себя. Они боялись: их неизвестно куда везут, их увозят из знакомой жизни. А еще, сказала Орикс, они лишились любви — если допустить, что любовь

у них была. Зато у них появилась цена: они стали чужим доходом. Наверное, они это чувствовали — чувствовали, что чего-то стоят.

Разумеется (сказала Орикс), цена — не замена любви. Любовь нужна каждому ребенку, каждому человеку нужна. Сама Орикс предпочла бы материнскую любовь — любовь, в которую по-прежнему верила, любовь, что птицей следовала за ней по джунглям, дабы Орикс не было страшно и одиноко. Но любовь — штука ненадежная, она появляется и исчезает, так что хорошо иметь цену: люди, которые хотят на тебе заработать, по крайней мере, будут тебя кормить и не станут бить слишком сильно. К тому же полно людей, у которых нет ни любви, ни цены, а одно из двух — лучше, чем ничего.

Розы

Город оказался хаосом: полно людей, машин, вони, рева и малопонятного языка. Дети были потрясены: будто их окунули в котел с кипятком — будто город причинял им физическую боль. Но у дяди Эна уже был опыт в таких делах: он обращался с детьми точно с кошками, дал им время привыкнуть. Он отвел их в комнатенку в трехэтажном доме, под самой крышей, с решетками на окне — можно смотреть, но невозможно выбраться, — а затем постепенно стал выводить на улицу, поначалу недалеко и всего на час. В комнате жили пять других детей, было тесно, однако нашлось место для матрасов — по одному на ребенка, и ночью весь пол был застелен матрасами, на которых они спали. Потрепанные и грязные матрасы пахли мочой, но первое, чему научились новенькие, — аккуратно сворачивать матрасы по утрам.

От других, более опытных детей они многое узнали. Во-первых, дядя Эн всегда за ними следит, даже если кажется, будто их оставили в городе совсем одних. Дядя Эн всегда знает, где они: подносит к уху свои блестящие часы, и они

ему рассказывают, потому что в них живет тоненький голосок, который знает всё. Это хорошо: значит, кроме дяди Эна, их никто не обидит. С другой стороны, дядя Эн узнает, если ты плохо работаешь или пытаешься сбежать или оставить себе туристские деньги. Тогда тебя накажут. Помощники дяди Эна тебя побьют, и у тебя будут синяки. А еще они прижигают сигаретами. Некоторые дети говорили, что их уже наказывали, и очень гордились: у них были шрамы. Если будешь делать это слишком часто — лентяйничать, воровать, убегать, тогда тебя продадут кому-нибудь, кто, как утверждалось, будет гораздо хуже дяди Эна. Или убьют тебя и выкинут в мусорную кучу, и всем будет наплевать, потому что никто не узнает, где ты.

Орикс говорила, что дядя Эн свое дело знал: насчет наказаний дети охотнее поверят другим детям, а не взрослым. Взрослые угрожали наказать и не наказывали, а дети говорили о том, что могло бы случиться. Или о том, чего боялись. Или о том, что уже случилось с ними или с другими знакомыми детьми.

Через неделю после того, как Орикс с братом появились в комнате с матрасами, трех детей постарше куда-то увезли. Они поехали в другую

страну, объяснил дядя Эн. Называется Сан-Франциско. Их увезли, потому что они плохо себя вели? Нет, сказал дядя Эн, это награда за то, что они вели себя хорошо. Если будете вести себя как следует, тоже когда-нибудь туда поедете. Орикс никуда не хотела ехать, только домой, но «дом» в ее голове уже расплывался. Она по-прежнему слышала, как дух матери твердит: *Ты вернешься*, но голос становился все тише и невнятнее. Он больше не походил на звон колокольчика — скорее на шепот. Вопрос, а не утверждение; вопрос без ответа.

Орикс, ее брата и еще двух новеньких девочек взяли в город, чтобы они посмотрели, как другие дети продают цветы. Розы — красные, белые и розовые: их покупали рано утром на цветочном рынке. Со стеблей срезались шипы, чтобы никто не укололся. Дети ошивались у входа в самые дорогие отели — еще неплохо было возле банков, где меняют иностранные деньги, и дорогих магазинов — и поглядывали, не идет ли полиция. Если полицейский подходит или пристально смотрит на тебя, нужно быстро сматываться. Продавать цветы туристам без особого разрешения не позволялось, а разрешения стоили слишком дорого. Но волноваться не о чем, сказал дядя Эн:

полицейские всё знают, просто делают вид, что не в курсе.

Если видишь иностранца — особенно когда с ним иностранная женщина, — подходишь, протягиваешь розы и улыбаешься. Нельзя пялиться на их странные прически и водянистые глаза, нельзя смеяться. Если иностранец берет цветы и спрашивает, сколько они стоят, улыбаешься еще шире и протягиваешь руку. Если они с тобой разговаривают и задают вопросы, притворись, что не понимаешь. Это легко. Туристы всегда платили больше — иногда гораздо больше, — чем стоили эти розы.

Деньги кладешь в мешочек, пришитый под одеждой, — от карманников и уличных мальчишек, невезучих, у них ведь нет доброго дяди Эна, который о них заботится. Если кто-нибудь — особенно мужчина — возьмет тебя за руку и попробует куда-нибудь увести, выдерни руку. Если будет держать слишком крепко — сядь на землю. Это сигнал для помощников дяди Эна или для него самого. Нельзя садиться в машины и заходить в отели. Если мужчина тебя об этом попросит, как можно быстрее расскажи все дяде Эну.

Дядя Эн дал Орикс новое имя. Все дети получали

новые имена. Им сказали забыть старые имена, и дети вскоре забыли. Теперь Орикс звали СюСю. Она хорошо продавала розы. Такая маленькая и хрупкая, такая трогательная. Ей дали платье, которое было ей велико, и в нем она походила на куклу-ангелочка. Другие дети любили Орикс, потому что она была самая маленькая. Они по очереди спали рядом с ней; ее передавали из рук в руки.

Она была неотразима. Иностранцы вообще не могли перед ней устоять. У нее была идеальная улыбка — не нахальная, не агрессивная, а робкая, смущенная улыбка ребенка, который ни на что не рассчитывает. В этой улыбке не было ни злобы, ни обиды, ни зависти — лишь обещание искренней благодарности. «Какая милая», — бормотали иностранные дамы; их кавалеры покупали и дарили им розы, тоже становясь милыми, а Орикс клала деньги в мешочек под платьем на груди и чувствовала себя в безопасности, потому что продала сколько нужно.

С ее братом все было иначе. Ему не везло. Он не хотел продавать цветы, как девчонка, и не любил улыбаться, а когда улыбался, получалось только хуже, потому что у него почернел один зуб. Поэтому Орикс брала розы, которые остава-

лись у брата, и пыталась их продавать. Сначала дядя Эн не возражал — деньги есть деньги, — но потом сказал, что Орикс не должны слишком часто видеть в одних и тех же местах, а то она надоест людям.

Ее брату придется найти другое занятие. Его продадут. Дети постарше качали головами: его продадут сутенеру, говорили они, сутенеру, который предлагает мальчиков волосатым белым туристам, или бородатым смуглым туристам, или жирным желтым туристам, всяким мужчинам, которые любят мальчиков. Они в деталях описывали, что эти мужчины будут с ним делать; смеялись. А может, он будет работать курьером, мотаться по улицам, на побегушках у жуликов, а это очень тяжелая работа и очень опасная, потому что другие мошенники, конкуренты этих, вполне могут тебя убить.

Орикс видела, как застывает и мрачнеет лицо брата, поэтому не удивилась, когда он сбежал. Может, его поймали и наказали — она не знала. И не спрашивала, потому что вопросы — теперь она понимала — до добра не доведут.

Однажды к Орикс подошел мужчина, взял ее за руку и сказал, что она должна пойти с ним в отель. Она застенчиво ему улыбнулась, и посмотрела в

сторону, и ничего не сказала, только выдернула руку и пожаловалась дяде Эну. А дядя Эн сделал удивительную вещь. Если тот мужчина снова подойдет, сказал он, иди с ним в отель. Он захочет отвести ее в номер, сказал дядя Эн, и пускай она идет. Делай все, о чем этот человек попросит, но бояться не надо, дядя Эн за ней присмотрит и ее заберет. Ничего плохого с ней не случится.

Назавтра человек появился и спросил, не хочет ли она получить денег, гораздо больше, чем за эти ее розы. Длинный волосатый белый человек с сильным акцентом, но слова Орикс разобрала. И в этот раз пошла с ним. Он взял ее за руку, и они поднялись на лифте — это было самое страшное, крохотная комната, двери закрыты, а когда открываются, ты уже в другом месте, а дядя Эн ничего ей про это не говорил. Она чувствовала, как сильно колотится сердце.

— Не бойся, — сказал мужчина, решив, что Орикс боится его. Наоборот: это он ее боялся, у него тряслись руки. Он отпер дверь, они зашли в номер, потом он запер дверь. Лилово-золотая комната, а в центре — великанская кровать, кровать для великанов. Мужчина попросил Орикс снять платье.

Орикс была послушная девочка и сделала, как

просили. Она примерно понимала, что он еще от нее захочет — другие дети уже все знали о таких вещах и спокойно их обсуждали, смеялись. За то, что нужно этому человеку, люди платят кучу денег, и в городе были специальные места, куда такие люди могли пойти, но некоторые туда не хотели, там было все слишком на виду, и они стыдились и по дурости желали все устроить сами, и этот был из таких. Орикс знала, что сейчас мужчина снимет с себя всю одежду или только часть; он так и поступил.

Какое у него было лицо? Орикс забыла.

— У него было такое лицо, как будто совсем никакого не было, — сказала она. — Мягкое, как клецка. И большой нос, как морковка. Длинный белый членонос. — Она засмеялась, прижав ладони ко рту. — Не как у тебя, Джимми, — прибавила она на случай, если Джимми смутился. — У тебя прекрасный нос. Очень красивый, поверь мне.

— Я тебе не сделаю больно, — сказал мужчина. У него был такой жуткий акцент, что Орикс чуть не захихикала, но она знала, что хихикать не полагается. Она застенчиво улыбнулась. Орикс видела, что человек сердится. Сердится и очень спешит.

А потом в комнату неожиданно ворвался дядя

Эн — как? Наверное, у него был ключ, может, ему дал ключи кто-то из отеля. Дядя Эн схватил Орикс, обнял, назвал своим маленьким сокровищем и заорал на мужчину, который очень испугался и начал лихорадочно одеваться. Он запутался в штанах и заскакал на одной ноге, что-то пытаясь объяснить, и Орикс стало его жалко. Потом человек отдал дяде Эну деньги, много денег, все, что были в бумажнике, и дядя Эн унес Орикс из комнаты на руках, словно дорогую вазу, по-прежнему бормоча и хмурясь. Но на улице засмеялся, пошутил про то, как мужчина прыгал, запутавшись в штанах, и похвалил Орикс, а потом спросил, не хочет ли она снова поиграть в эту игру.

Такая у нее появилась игра. Ей было немного жаль этих мужчин; дядя Эн говорил, что они это заслужили, им еще повезло, что он не звонит в полицию, но Орикс все равно переживала, что участвует в этом. В то же время ей нравилось. Она чувствовала себя очень сильной оттого, что казалась этим мужчинам беспомощной, а на самом деле было не так. Это они были беспомощные, это им вскоре предстояло мямлить слова извинения с ужасным акцентом и прыгать по роскошному номеру на одной ноге, сверкая голым задом, волосатым или гладким, разных

форм и размеров; мужчины будут прыгать, а дядя Эн — ругаться. Иногда они плакали. А что касается денег, мужчины выворачивали карманы, опустошали бумажники, отдавали дяде Эну все и благодарили, что он согласился взять. Они не хотели сидеть в тюрьме, особенно в этом городе, где тюрьмы совершенно не похожи на отели, а суда ждешь целую вечность. Они хотели побыстрее сесть в такси, нырнуть в самолет, улететь в небо и никогда не возвращаться.

— Маленькая СюСю, — говорил дядя Эн, выходя из отеля и опуская Орикс на землю. — Ты у меня просто умница! Хотел бы я на тебе жениться. Пойдешь за меня замуж?

Тогда Орикс не могла получить ничего более похожего на любовь и была счастлива тем, что есть. Но что надо ответить: да или нет? Орикс знала, что это не настоящее предложение, просто шутка: ей было всего пять лет, ну, может, шесть или семь, она не могла выйти замуж. К тому же другие дети говорили, что у дяди Эна есть взрослая жена, в другом месте, и другие дети тоже есть. Его настоящие дети. Они ходили в школу.

— Можно я послушаю твои часы? — спросила Орикс, застенчиво улыбаясь. *Вместо того чтобы*, имела в виду она. *Вместо того чтобы выходить*

за тебя замуж, вместо того чтобы отвечать на твой вопрос, вместо того чтобы становиться твоим настоящим ребенком. Тогда он засмеялся громче и приложил часы к ее уху, но никакого тоненького голоска она не расслышала.

Джаз Деткилэнда

Однажды к ним пришел другой человек, которого они раньше не видели, — высокий и тощий, выше дяди Эна, рябой, в одежде не по размеру, — и сказал, что все они пойдут с ним. Дядя Эн продал свой цветочный бизнес, сказал этот человек; цветы, продавцов цветов и все остальное. Дяди Эна нет, он переехал в другой город. Теперь высокий человек будет главным.

Примерно год спустя Орикс сказали — одна из девочек, что сначала жила в комнате с матрасами, а потом опять возникла в новой жизни Орикс, в киножизни, — эта девочка сказала, что человек им наврал, и все было совсем не так. На самом деле дядю Эна нашли с перерезанным горлом — он плавал в городском канале.

Эта девочка видела его. Нет, не так — она сама его не видела, но знала кого-то, кто видел. Дядя Эн, совершенно точно. Живот раздулся, как подушка, лицо опухло, но это все равно был дядя Эн. Голый — наверное, кто-то забрал одежду. Может, другой какой человек, не тот, кто убил, а может, именно он, трупу одежда ни к чему, да еще такая хорошая. Часов на дяде Эне тоже не было.

— И денег не было, — сказала та девочка и засмеялась. — Нет карманов, нет и денег.

— В городе были каналы? — спросил Джимми. Может, так он вычислит, что это был за город. В те дни ему хотелось узнать как можно больше — про Орикс, про те места, где она жила. Хотелось найти каждого, кто причинил ей боль, каждого, кто заставил ее плакать, и покалечить их всех. Он истязал себя мучительным знанием: любой добела раскаленный факт загонял себе под ногти. Чем больнее ему, тем больше — Джимми не сомневался — он ее любил.

— Да, там были каналы, — ответила Орикс. — Фермеры и садовники по ним в город приплывали. Привязывали свои лодки и торговали прямо с причалов. Очень красиво, если смотреть издали. Столько цветов. — Она поглядела на Джимми. Она почти всегда знала, о чем он думает. — Но каналы есть во многих городах, — сказала она. — И реки. Реки — очень полезная вещь, туда можно скидывать мусор, трупы, новорожденных детей и говно. — Орикс не нравилось, когда он ругался, но она время от времени использовала *плохие слова*, как сама их называла, потому что его это шокировало. И если она принималась ругаться, выяснялось, что у нее богатый запас бранных

слов. — Не переживай так, Джимми, — прибавила она уже мягче. — Это было очень давно. — Чаще всего она будто хотела защитить его от собственного образа — от прошлой себя. Чтобы он видел в ней только лучшее. Ей нравилось сиять.

Дядя Эн закончил жизнь в канале. Ему не повезло. Не заплатил нужным людям или, может, мало заплатил. Или они пытались купить его бизнес, и его не устроила цена. Или, может, дядю Эна сдали его же помощники. Все, что угодно, могло произойти. А может, несчастный случай, незапланированное убийство, может, всего лишь ограбление. Дядя Эн был неосторожен, вышел из дома без охраны. Хотя неосмотрительным дядю Эна не назовешь.

— Я плакала, когда узнала, что с ним случилось, — сказала Орикс. — Бедный дядя Эн.

— Почему ты его защищаешь? — спросил Джимми. — Он же таракан, червяк мерзкий!

— Я ему нравилась.

— Ему деньги нравились!

— Разумеется, Джимми, — сказала Орикс. — Всем нравятся деньги. Но он мог со мной сделать что-нибудь похуже, а не сделал. Я плакала, когда узнала, что он погиб. Плакала, плакала, никак не могла перестать.

— Что похуже? Что может быть хуже?
— Джимми, ты слишком переживаешь.

Детей вывели из комнаты с серыми матрасами, и Орикс больше никогда ее не видела. С большинством детей, которые там жили, Орикс тоже не встречалась. Их разделили, одни пошли в одну сторону, другие — в другую. Орикс продали человеку, который снимал кино. С киношником поехала она одна. Он сказал ей, что она очень красивая девочка, и спросил, сколько ей лет, но она не знала, что ответить. Он спросил, хочет ли она сниматься в кино. Она никогда не видела кино и не знала, хочет ли в нем сниматься, но человек спрашивал так, словно подарок обещал, и она ответила «да». Она уже разбиралась, когда от нее ожидается «да».

Человек повез ее куда-то на машине, где сидели другие девочки, три или четыре, Орикс их раньше не видела. Они переночевали в доме, в большом доме. Дом для богатых, обнесенный высокой стеной, с битым стеклом и колючей проволокой поверху. Они вошли в дом через ворота. А внутри густо пахло богатством.

— Как это — пахло богатством? — спросил Джимми, но Орикс не смогла объяснить. Просто учишься отличать «богатство». В доме пахло,

как в лучших отелях из тех, где Орикс довелось побывать: разной вкусной едой, деревянной мебелью, лаком и мылом, все вперемешку. Где-то рядом, наверное, росли цветы, цвели кусты или деревья, потому что цветами тоже пахло. На полу лежали ковры, но дети по ним не ходили, ковры были в большой комнате, а дети прошли мимо и заглянули в дверь. Синий, розовый, красный — очень красиво.

Их привели в комнату возле кухни. Может, кладовка — или раньше была кладовка: пахло рисом и мешками из-под риса, а самого риса не было. Детей накормили — лучше, чем обычно, сказала Орикс, дали курицу, — и сказали не шуметь. А потом заперли. В доме были собаки, они лаяли во дворе.

Назавтра нескольких детей увезли на грузовике, в кузове. Там уже сидели две девочки, маленькие, как Орикс. Одну только что привезли из деревни, она скучала по семье и много плакала, беззвучно, пряча лицо. Их подняли в кузов грузовика и заперли, в кузове было темно и жарко, хотелось пить, а писать приходилось прямо в грузовике, потому что он не останавливался. Правда, где-то наверху было окошко, и воздух в кузов все же попадал.

Наверное, прошло всего несколько часов, но детям показалось, что гораздо больше, потому что было жарко и темно. Когда они доехали, их передали другому человеку, а грузовик уехал.

— А на грузовике были надписи? — Джимми взял след.

— Да. Красная надпись.

— И что там было написано?

— Откуда мне знать, — укоризненно ответила Орикс.

Джимми почувствовал себя идиотом.

— А картинка была?

— Да, картинка была, — ответила Орикс через некоторое время.

— Какая?

Орикс задумалась.

— Попугай. Красный попугай.

— Летящий или сидящий?

— Джимми, ты такой странный!

Джимми вцепился в этого попугая, как в спасательный круг. Всегда о нем помнил. Иногда попугай являлся ему во сне — загадочный, полный таинственных значений, символ вне контекста. Наверное, бренд, логотип. Джимми искал в Сети Попугая, компанию «Попугай», корпорацию «Попугай», Красного Попугая. Нашел

Алекса, попугая с пробковым орехом, который говорил: «А теперь я улетаю», но от Алекса никакого толку — он другого цвета. Джимми хотел, чтобы красный попугай стал звеном между тем, что рассказывала Орикс, и так называемым реальным миром. Хотел пройтись по улице, вылезти в Сеть и — эврика: вот он, красный попугай, код, пароль, и многое наконец прояснится.

Здание, где снимали кино, находилось в другом городе или в другой части того же города, потому что город был очень большой, сказала Орикс. Комната, где жили девочки, была в том же здании. Они почти не выходили на улицу, разве что на плоскую крышу, когда кино снималось там. Некоторые из тех, кто приходил в это здание, хотели во время съемок находиться на крыше. Они хотели, чтоб их видели, и в то же время хотели спрятаться, а крышу окружала стена.

— Может, они хотели, чтоб их увидел Бог, — сказала Орикс. — Как думаешь, Джимми? Может, они перед Богом выпендривались? Мне так кажется.

У каждого имелись идеи, что должно быть в фильме. Такой или сякой фон — стулья или деревья, иногда нужны были веревки и крики, иногда туфли на каблуке. Порой они говорили: «Делайте, как я сказал. Я плачу…» — или что-нибудь в этом

духе, потому что в фильмах у всего была цена. У каждого кивка, цветка, предмета, жеста. Если люди придумывали что-то новенькое, начиналось обсуждение, сколько это будет стоить.

— Вот так я узнала главное в жизни, — сказала Орикс.

— И что же ты узнала? — спросил Джимми. Ему не стоило есть пиццу и тем более курить траву: его слегка мутило.

— Что у всего есть цена.

— Не у всего. Так не бывает. Не купишь время. Не купишь… — Он хотел сказать «любовь», но умолк. Чересчур слащаво.

— Да, купить не можешь, но цена все равно есть, — сказала Орикс. — Она у всего есть.

— У меня нету, — Джимми пытался шутить. — У меня нет цены.

Ошибся, как всегда.

Сниматься в кино, сказала Орикс, значит делать, что говорят. Если хотят, чтобы ты улыбалась, надо улыбаться. Если хотят, чтобы ты плакала, надо плакать. Что бы ни требовали, все выполнялось беспрекословно: девочки боялись не выполнять. Они делали, что говорят, со всеми мужчинами, которые приходили, а иногда эти мужчины делали что-нибудь с ними. Это называ-

лось снимать кино.

— Что-нибудь? Какое что-нибудь? — спросил Снежный человек.

— Ты знаешь, — ответила Орикс. — Ты видел. У тебя фотография есть.

— Я только это и видел, — ответил Снежный человек. — Только один, где ты снималась.

— Скорее всего, ты и другие видел. Просто не помнишь. Я могла выглядеть иначе, в другой одежде, в других париках, делать совсем другое.

— Что другое? Что они тебя заставляли делать?

— Эти фильмы, они все одинаковые, — сказала Орикс. Она вымыла руки и теперь красила ногти, изящные овальные ногти, такие безупречные. Персиковый лак подходил к ее цветастому саронгу. Она умудрялась совсем не испачкаться, ни единого пятнышка. Потом она принималась красить ногти на ногах.

Детям было не так скучно сниматься в кино, как заниматься тем, чем они все остальное время занимались, — то есть практически ничем. Они смотрели мультики на старом DVD-плеере в соседней комнате — какие-то звери гонялись за мышками и птичками и никак не могли их поймать, — или причесывали и заплетали друг другу волосы, или ели и спали. Иногда приходили

другие люди, чтобы снимать другие фильмы. Взрослые женщины, у которых уже выросла грудь, и взрослые мужчины — актеры. Детям разрешали смотреть, как снимают эти фильмы, при условии, что они не будут мешать. Хотя иногда актеры возражали, потому что девочки хихикали над их членами — такими большими, а потом вдруг совсем маленькими, — и тогда детей отправляли в комнату.

Дети очень часто мылись — это было важно. Обливались из ведра. Надо выглядеть чистенькими и миленькими. В дурные дни, когда делать было нечего, девочки уставали и маялись, ссорились и дрались. Иногда им давали покурить травы, чтоб угомонились, или чего-нибудь выпить — может, пива, — но никаких тяжелых наркотиков, от них люди сморщиваются, и никаких сигарет. Главный мужчина — тот, который большой, не оператор — сказал, что им нельзя курить, а то зубы почернеют. Но они все равно иногда курили, потому что человек с камерой делился с ними сигаретами.

Человек с камерой был белым, звали его Джек. Его дети видели чаще всего. Волосы у него походили на обтрепанную веревку, а еще он сильно пахнул, потому что ел много мяса. Он столько

мяса ел! Он не любил рыбу. И рис не любил, зато любил лапшу. И чтобы в ней было мяса побольше.

Джек говорил, что там, откуда он родом, делают совсем другое кино, хорошее, дорогое кино, лучшее в мире. Твердил, что хочет вернуться домой. Говорил, что не умер только по чистой случайности, — странно, что эта страна его еще не доконала своей отвратительной едой. Говорил, что однажды чуть не помер от какой-то жуткой заразы, от воды подхватил, и спасся лишь потому, что упился в зюзю — алкоголь убивает бактерии. Потом ему пришлось объяснять, что такое бактерии. Девочки смеялись над бактериями, не верили в них, но верили в болезнь: они такое видели. Это все злые духи, всякий знает. Злые духи и плохая судьба. Джек просто не читал правильные молитвы.

Джек говорил, он бы все время болел от этой гнилой еды и воды, да только желудок у него крепкий. В этом бизнесе, говорил он, человеку нужен очень крепкий желудок. Говорил, что камера у него старая как мир, свет отвратительный, нечего удивляться, что фильмы — дешевое говно. Говорил, что хочет миллион долларов, только он все профукает. Деньги у него не задерживают-

ся, скатываются с него, как вода с намасленной шлюхи.

— Когда станете большими, девочки, не будьте как я, — говорил он. А девочки смеялись, они знали: что бы с ними ни случилось, они никогда не станут такими, как Джек, огромный смешной дядька с веревочными волосами и членом, как сморщенная морковка.

Орикс сказала, у нее был не один шанс разглядеть эту морковку вблизи, потому что, когда фильмов не снимали, Джек хотел делать с ней то же, что в фильмах. А потом всегда грустил и извинялся. Загадочно.

— И ты делала это бесплатно? — спросил Джимми. — Ты же говорила, у всего есть цена. — Он чувствовал, что спор про деньги проиграл, и желал отыграться.

Орикс помолчала, взяла кисточку для лака. Посмотрела на свою руку.

— Я с ним менялась, — наконец сказала она.

— Менялась? — удивился Джимми. — Что этот жалкий неудачник мог тебе предложить?

— Почему ты думаешь, что он плохой? — спросила Орикс. — Он никогда не делал ничего такого, чего не делал ты. Он, кстати, многое из этого не делал.

— Но я же не против твоей воли это делаю, — сказал Джимми. — И к тому же ты теперь взрослая.

Орикс рассмеялась:

— А что такое моя воля? — Наверное, поняла, что он обиделся, и перестала смеяться. — Он научил меня читать, — тихо сказала она. — Говорить по-английски и читать английские слова. Сначала говорить, потом читать, у меня сначала не очень хорошо выходило, я до сих пор плохо говорю по-английски, но ведь надо с чего-то начинать, ты как думаешь, Джимми?

— Ты отлично говоришь, — сказал Джимми.

— Не надо меня обманывать. Вот так. Это много времени заняло, но он был очень терпеливый. У него была книжка, не знаю, откуда он ее взял, — детская книжка. Про девочку с длинными косичками и в чулках — это сложное было слово, «чулки», — и она везде бегала и делала что хотела. И мы про нее читали. Хорошая была сделка, потому что, Джимми, понимаешь, если б я не согласилась, я бы не могла с тобой сейчас разговаривать, разве нет?

— На что согласилась? — спросил Джимми. Он уже закипал. Окажись тут сейчас этот Джек, говна кусок, Джимми шею бы ему свернул — как

носок выжал. — Что ты ему делала? Отсасывала?

— Коростель прав, — холодно ответила Орикс. — У тебя совсем не изящное мышление.

«Изящное мышление» — просто матсленг, снисходительный жаргон гениев от математики, но Джимми все равно обиделся. Нет. Он обиделся, потому что Орикс с Коростелем обсуждали его у него за спиной.

— Извини, — сказал он. Надо было головой думать, прежде чем ей грубить.

— Может, сейчас я бы и не стала так делать, но ведь я была ребенок, — сказала Орикс уже мягче. — Почему ты злишься?

— Я на такое не куплюсь, — сказал Джимми. Почему она так спокойна? Где ее ярость, как глубоко она сама ее запрятала и как вытащить ее на поверхность?

— На что ты не купишься?

— На эту твою идиотскую историю. Все так сладенько, все так мило, чушь какая.

— Если ты на это не купишься, Джимми, — сказала Орикс, глядя на него с нежностью, — то на что тебя купить?

У Джека было свое название для дома, где снималось кино. Он называл его «Деткилэнд». Девочки не знали, что это значит — английское

слово, английская идея, — а Джек не мог объяснить.

— Ладно, детки, подъем, — говорил он. — Вот конфетки! — Иногда он приносил им конфеты, чтобы побаловать. — Хотите конфетку, конфетки? — говорил он. Это была шутка, но они ее тоже не понимали.

В хорошем настроении или под кайфом он давал им посмотреть фильмы с их участием. Они знали, когда он нюхал или кололся — он тогда был счастливее. Во время работы он любил включать поп-музыку, что-нибудь ритмичное. Называл это битом. Элвис Пресли или что-нибудь в этом роде. Джек говорил, ему нравится старая музыка, тогда, говорил он, у песен еще были слова.

— Возможно, я сентиментален, — говорил он, а девочки не понимали и терялись. Еще ему нравились Фрэнк Синатра и Дорис Дэй. Орикс выучила все слова песни «Love me or leave me»[18] еще до того, как поняла, что они значат. — Спой нам джаз Деткилэнда, — говорил Джек, и Орикс пела. Джеку очень нравилось.

— Как его звали? — спросил Джимми. Вот ведь хряк этот Джек. Джек — хряк. Хряк Джек. Легче,

---

[18] Примечания: 18
«Люби меня или брось меня» (*англ.*).

если обзываться, думал Джимми. Он бы шею этому Джеку свернул.

— Его звали Джек. Я же говорю. Он рассказал нам про себя английский стишок. Джек пошел гулять на речку, у него большая свечка.

— Я имею в виду другое имя.

— У него не было другого имени.

То, что они делали, Джек называл *работой*. А их называл *работящими девочками*. Говорил: работайте с огоньком. Говорил: *старайтесь, надо работать лучше.* Говорил: *подбавьте джазу в игру.* Говорил: *играйте по серьезу, иначе больно будет.* Говорил: *наддайте жару, лилипуточки, вы же умеете.* Говорил: *один раз молоды бываем.*

— Это все, — сказала Орикс.

— Что значит — это все?

— Все, что было тогда, — ответила она. — Больше ничего не было.

— А как же… они когда-нибудь…

— Они когда-нибудь что?

— Нет, они не могли. Ты была слишком маленькая. Не могло быть такого.

— Пожалуйста, Джимми, объясни, о чем ты спрашиваешь. — Такая невозмутимая. Ему захотелось ее встряхнуть.

— Они тебя насиловали? — Он это еле выдавил.

Какого ответа он ждал, что хотел услышать?

— Почему ты хочешь говорить об ужасных вещах? — спросила она. Голос чистый, словно из музыкальной шкатулки. Она помахала рукой, чтобы высушить ногти. — Нужно думать о прекрасных вещах, изо всех сил. В мире столько прекрасного, если оглядеться. А ты смотришь себе под ноги, Джимми, там ничего нет, кроме грязи. Это для тебя самого вредно.

Она никогда не скажет. Почему это сводит его с ума?

— Это ведь не настоящий секс, правда? — спросил он. — В фильмах — это ведь вокруг него только игра? Правда же?

— Джимми, ты же сам знаешь. Любой секс — настоящий.

7

«Стройняшка»

Снежный человек открывает глаза, прикрывает, снова открывает и больше не жмурится. Кошмарная была ночь. Не поймешь, что хуже: прошлое, куда не вернешься, или настоящее, которое уничтожит, если вглядеться слишком пристально. А ведь есть еще будущее. Голова кругом.

Солнце уже над горизонтом, встает медленно, будто его рычагом поднимают; вокруг него неподвижно висят тонкие, словно размазанные по небу облака, розовые и сиреневые сверху, золотистые внизу. Волны волнуются — вверх-вниз, вверх-вниз. От одной мысли об этом мутит. Снежному человеку зверски хочется пить, у него болит голова, между ушами — ватная пустота. Через несколько минут его осеняет: у него похмелье.

— Сам виноват, — говорит он. Ночью он дурил: нажрался, орал, болтал, позволил себе тщетные роптания. Прежде у него бы не было похмелья от такой чуточки алкоголя, но он давно не тренировался и явно теряет форму.

По крайней мере, он не навернулся с дерева.

— Завтра будет новый день, — сообщает он ро-

зовым и сиреневым облакам. Да, но если завтра — новый день, тогда сегодня что? Точно такой же день, как всегда, только все тело — как один язык, обложенный с похмелья.

Длинная вереница птиц отделяется от опустевших башен — чайки, бакланы, белые цапли — и летит вдоль берега охотиться. В миле к югу отсюда — бывшая свалка, сейчас там постепенно образуется соляное болото, вокруг торчат полузатопленные дома. Туда и летят птицы — в рыбный город. Снежный человек наблюдает обиженно и завистливо: у них, блин, все замечательно, ничего их в этом долбаном мире не волнует. Жрут, орут, срут, спариваются — вот и все. В прошлой жизни он бы, наверное, ими любовался, изучал в бинокль, восхищался бы их грациозностью. Нет, вряд ли — не его стиль. Какая-то учительница в школе — Салли Как-бишь-ее, которая за природой шпионила, — гоняла их на так называемые полевые занятия. Поле для гольфа и пруды с лилиями служили им охотничьими угодьями. *Смотрите! Видите вон тех милых уточек? Это дикие утки!* Снежному человеку птицы уже тогда казались скучными, но он хотя бы не желал им зла. А сейчас ему бы пригодилась большая рогатка.

Он слезает с дерева, осторожнее, чем обычно:

голова еще кружится. Он проверяет свою бейсболку, вытряхивает бабочку — явно прилетела на соль, — и, как всегда, мочится на кузнечиков. У меня появился распорядок, думает он. Распорядок — это хорошо. Кажется, его голова превращается в склад старых магнитов на холодильник, с нравоучительными надписями.

Он открывает тайник, вытаскивает темные очки без одного стекла, пьет воду из пивной бутылки. Ах, будь у него настоящее пиво, или скотч, или аспирин.

— Клин клином, — говорит он пивной бутылке. Нельзя заглатывать столько воды за раз, а то стошнит. Он выливает остатки воды себе на голову, достает вторую бутылку и садится, прислонившись спиной к дереву, ждет, пока успокоится желудок. Вот было бы у него почитать чего-нибудь. Почитать, посмотреть, послушать, изучить, составить. В голове болтаются лоскуты языка: мефитический, метроном, мастит, метатарзальный, моление.

— Когда-то я был эрудитом, — говорит он вслух. *Эрудит*. Безнадежное слово. Все, что он когда-то знал, — что это, зачем, куда оно девалось?

Вскоре он понимает, что проголодался. Что там съедобного в тайнике? Кажется, манго было? Нет,

манго было вчера. От него остался только липкий пакет, кишащий муравьями. Еще есть энергетический батончик, но батончик жевать неохота, и Снежный человек открывает банку вегетарианских сосисок «Стройняшка» ржавым консервным ножом. М-да, не помешал бы новый. Сосиски диетические, бледные и неприятно мягкие — детские какашки, думает он, — однако умудряется проглотить. Если не смотреть, «Стройняшки» вполне терпимы.

Это белок, но их недостаточно. Мало калорий. Он выпивает теплую, безвкусную водичку из-под сосисок, в ней — убеждает он себя — наверняка полно витаминов. Или хоть минералов. Или еще чего. Он раньше знал. Что у него с головой? Перед глазами картинка: шея переходит в голову, как сток в ванной. Вниз по трубе стекают остатки слов, серая жидкость, в которой он узнает свои разжиженные мозги.

Пришло время взглянуть в лицо суровой действительности. Грубо говоря, он потихоньку дохнет с голода. Можно рассчитывать на одну рыбу в неделю, а эти люди все понимают очень буквально: то нормального размера рыбу принесут, то крошечную, сплошь из костей и плавников. Он знает: если не сохранять баланс

белков с крахмалом и прочей дрянью — углеводами, или это и есть крахмал? — организм начнет растворять собственный жир, а потом мышцы. Сердце — это тоже мышца. Еще картинка: его сердце съеживается, пока не становится размером с грецкий орех.

Раньше он мог достать фрукты, не только консервированные, еще в заброшенном дендрарии, в часе ходьбы к северу. Снежный человек знал, как дендрарий найти, тогда была карта, но ее давно нет, в грозу унесло. Снежный человек ходил в секцию «Фрукты мира». В Тропиках росли бананы и еще какие-то странные штуки, зеленые, круглые и пупырчатые, которые он решил не есть, потому что они вполне могли оказаться ядовитыми. Еще виноград на решетке в зоне Умеренного климата. Одно окно разбито, но кондиционер еще работал — он питался от солнечных батарей. Абрикосовая шпалера вдоль стены; абрикосов немного, они уже гнили и побурели там, где их ели осы. Он сожрал эти абрикосы, и лимоны тоже сожрал. Очень кислые лимоны, но он заставил себя пить сок: он знал, что такое цинга, из старых фильмов про моряков. Десны кровоточат, зубы вываливаются пригоршнями. Такого с ним пока не случилось.

В секции «Фрукты мира» ничего не осталось. А новые фрукты мира когда появятся и созреют? Он понятия не имел. Наверняка где-то есть дикие ягоды. Надо спросить детей, когда будут здесь шататься: они наверняка про ягоды знают. Он слышит детский смех и голоса на пляже, но сегодня утром дети вряд ли до него дойдут. Может, им стало с ним скучно, может, они утомились задавать вопросы, на которые он не отвечает или отвечает так, что им все равно непонятно. Может, им приелся, как старая игрушка — поиграли и бросили. Плешивый плюшевый медведь. Может, он лишился обаяния, точно вульгарная лысеющая позапрошлогодняя поп-звезда. Ему бы радоваться, что его наконец оставят в покое, но мысль об одиночестве его удручает.

Будь у него лодка, поплыл бы к башням, залез наверх, разграбил гнезда, украл яйца, если найдется лестница. Нет, неудачная мысль: башни могут обвалиться в любую минуту; за эти месяцы он не единожды видел, как они рушатся. Можно пойти в тот район, где бунгало и трейлеры, поохотиться на крыс, поджарить их на углях. Это мысль. Или добраться до ближайшего Модуля — там больше шансов найти что-нибудь, ведь там и жили богаче. Или, допустим, в охраняемый

поселок для пенсионеров за оградой с воротами. Но карты нет, и Снежный человек не может рисковать — если заблудится, станет бродить в потемках без убежища, без надежного дерева. За ним быстренько придут волкопсы.

Можно сделать ловушку, поймать свиноида, забить его до смерти, втайне разделать тушу. Разумеется, придется скрыть следы преступления: скорее всего, при виде свежей крови и кишок Дети Коростеля решат, что он зашел слишком далеко. Но мясо свиноида будет ему чрезвычайно полезно. Свиноиды жирные, а жир — это углеводы. Или нет? Он ворошит воспоминания в поисках какого-нибудь урока или давно утерянной таблицы с подсказкой: когда-то он знал, но проку ноль, папки пусты.

— Урвать кусок, — говорит он. Он почти чует запах, запах бекона, что шипит на сковороде, туда же парочку яиц, и подать на стол с чашечкой кофе и тостом… *Сливки нужно?* — шепчет женский голос. Развратная безымянная официантка из порнофарса с метелочками для пыли и белыми фартуками. Снежный человек истекает слюной.

Жир — это не углеводы. Жир — это жир. Он бьет себя по лбу, пожимает плечами, разводит руками.

— Ну что, умник, — говорит он. — Еще вопросы будут?

Не пропустите обильный источник пищи — быть может, прямо у вас под ногами, говорит другой голос докучливым тоном инструктора-всезнайки — ну точно, это голос из инструкции по выживанию, которую Снежный человек нашел у кого-то в туалете среди прочего чтива. Прыгая с моста, сожмите ягодицы, чтобы вода не попала в анус. Если будете тонуть в зыбучих песках, хватайтесь за лыжную палку. Отличный совет! Тот же парень, который говорил, что можно поймать аллигатора с помощью заостренного шеста. А на перекус рекомендовал червей и личинок. Если хотите, их можно поджарить.

Снежный человек живо представляет себе, как переворачивает бревна, но это не сейчас. Надо попробовать другой вариант: по своим следам вернуться в охраняемый поселок «Омоложизнь». Долгий поход, самый долгий из всех, но оно того стоит, главное — добраться. Там много чего осталось, Снежный человек уверен: не только консервы, еще и выпивка. Поняв, что творится, жители ОП наверняка снялись с места и ушли. Вряд ли они задержались надолго и успели опустошить супермаркеты.

Только нужен пистолет-распылитель — застрелить свиноида, отогнать волкопсов… Идея! В голове словно загорается лампочка — Снежный человек точно знает, где этот пистолет найти. В Коростелевом куполе-пузыре был целый арсенал и вряд ли куда-то делся. Они называли это место «Пародиз». Снежный человек был, так сказать, одним из ангелов, что охраняют райские врата, поэтому прекрасно знает, где там и что, и в два счета заграбастает все необходимое. Быстрая вылазка, туда и обратно, налететь, схватить и убежать. И тогда он будет готов ко всему.

Но ты не хочешь туда возвращаться, не так ли? — мягко шепчет голос.

— Не особо.

Потому что..?

— Потому что потому.

Да ладно, говори уже.

— Я забыл.

Врешь. Ничего ты не забыл.

— Я больной человек, — умоляет он. — Я умираю от цинги! Отстань от меня!

Надо сосредоточиться. Расставить приоритеты. Свести картину к голой сути. Суть такова: *Не будешь есть — сдохнешь.* Куда уж голее.

Охраняемый поселок «Омоложизнь» далеко,

просто так за день не доберешься: это будет экспедиция. Придется там переночевать. Ему это не нравится — где он будет спать? — но если не лезть на рожон, все будет в порядке.

В желудке банка сосисок «Стройняшка», в голове — цель, и Снежный человек чувствует себя почти человеком. У него есть задача; он даже предвкушает, как за нее возьмется. Раскопает кучу замечательных вещей. Жареный арахис, вишня в коньяке, драгоценная банка искусственного колбасного фарша (если повезет). Реки выпивки. Жители охраняемых поселков ни в чем себе не отказывали: везде давно наступил дефицит всего, но в охраняемых поселках был доступен полный набор товаров и услуг.

Снежный человек встает, потягивается, чешет спину вокруг старых укусов (на ощупь — будто ногти, выросшие не на своем месте), по тропинке возвращается к своему дереву и подбирает пустую бутылку из-под скотча, которой запустил ночью в волкопсов. Печально нюхает, затем кладет бутылку и банку из-под сосисок в большую кучу пустой тары, где уже веселится стая мух. Иногда по ночам он слышит, как скуноты роются в его личной мусорной куче, выискивая бесплатный обед в ошметках катастрофы, чем и сам

Снежный человек занимался не раз и намерен заняться вновь.

Он берется за приготовления. Заново перевязывает простыню, расправляет ее на плечах, пропускает между ногами, завязывает спереди на манер пояса и прячет в складку шоколадный батончик. Находит палку, длинную и сравнительно прямую. С собой он возьмет только одну бутылку воды — скорее всего, по дороге вода найдется. Если нет, он перехватит стоки послеобеденной грозы.

Придется сказать Детям Коростеля, что он уходит. Снежный человек не хочет, чтоб они обнаружили его отсутствие и принялись искать. Они заблудятся, им может грозить опасность. Несмотря на все их досадные качества: наивный оптимизм, дружелюбие, невозмутимость и ограниченный словарный запас, — он все-таки несет за этих людей ответственность. Нарочно или нет, но их оставили ему на попечение, а они просто не соображают. К примеру, не соображают, что его попечение неадекватно.

Он идет по тропинке к деревне, в руках палка, в голове история, которую он им расскажет. Они эту тропинку называют Рыбной Тропой Снежного Человека, потому что по ней каждую неделю при-

ходят к нему с рыбой. Тропа идет по краю берега и практически вся в тени, но свет слишком ярок, и Снежный человек надвигает на глаза бейсболку, пряча лицо от лучей. Возле деревни он свистит — он всегда так поступает, чтоб они знали: он идет. Он не хочет пугать их, злоупотреблять их гостеприимством, без приглашения пересекать их границы — не хочет выскакивать на них из зарослей, точно эксгибиционист, который демонстрирует свои достоинства толпе школьников.

Его свист — колокольчик прокаженного: кто не любит калек, может уйти. Нет, он не заразен: такого они никогда не подхватят. У них к нему иммунитет.

Мурлыканье

Мужчины совершают утренний ритуал: встали в круг, в шести футах друг от друга, длинной дугой, уходящей в лес. Они все стоят спиной к центру круга, как овцебыки на картинке, и мочатся вдоль невидимой линии, которая обозначает границу территории. Мужчины серьезны, они осознают всю важность задачи. Они напоминают Снежному человеку его отца, когда тот уходил на работу: меж бровей складка, в руке портфель — воплощенная устремленность-к-великой-цели.

Мужчины делают это дважды в день, как их учили: важно сохранять интенсивность запаха и регулярно обновлять линию. Коростель взял в качестве образца псовых, куньих и парочку других семейств и видов. Разметка территории запахами — распространенный поведенческий стереотип у млекопитающих, говорил он, да и не только у них. Определенные рептилии, ящерицы…

— К черту ящериц, — сказал Джимми.

Если верить Коростелю — а Снежный человек опровержений этой теории пока не видел, — химический состав мочи у Детей мужского пола эффективно отгоняет волкопсов и скунотов, и в

меньшей степени — рыськов и свиноидов. Рыськи и волкопсы реагируют на запах себе подобных и, видимо, воображают гигантского рыська или волкопса, от которого мудро держаться подальше. Скуноты и свиноиды воображают крупных хищников. По крайней мере, такова теория.

Коростель наделил специальной мочой только мужчин — они должны делать нечто важное, что компенсирует им невозможность рожать, сказал он, а стало быть, они не будут чувствовать себя бесполезными. Резьба по дереву, охота, финансы, войны и игра в гольф им будут недоступны, пошутил он.

На практике оказалось, что у этой методы имеются некоторые изъяны — эта самая граница теперь воняет, как плохо вычищенный зоопарк, — но круг достаточно велик, и внутри запах слабый. В любом случае Снежный человек уже привык.

Он вежливо ждет, пока мужчины закончат. Они его не приглашают — уже знают, что пользы от его мочи никакой. К тому же они имеют обыкновение во время ритуала молчать: им нужно сконцентрироваться, чтобы моча приземлилась точно куда надо. Каждому выделен трехфутовый участок границы, своя ответственность. Неза-

бываемое зрелище: как и Дочери Коростеля, эти мужчины — гладкая кожа, развитая мускулатура — похожи на статуи, и все вместе будто изображают барочный фонтан. Не хватает русалок, дельфинов и херувимчиков. В голове у Снежного человека возникает картинка: обнаженные автомеханики стоят кружком, у каждого — гаечный ключ. Целая рота Мистеров Всё-Починим. Разворот гейского журнала. Наблюдая эту синхронную процедуру, Снежный человек почти ожидает, что сейчас они затянут пошлые куплеты, как в убогом ночном клубе.

Мужчины стряхивают, разрывают круг, смотрят на Снежного человека одинаковыми зелеными глазами, улыбаются. Они всегда так любезны, черт бы их подрал.

— Добро пожаловать, о Снежный человек, — говорит Авраам Линкольн. — Ты зайдешь к нам? — Кажется, он у них становится лидером. *Берегись лидеров*, говорил Коростель. *Сначала просто ведущие и ведомые, потом тираны и рабы, а потом начинается кровопролитие. Так оно всегда происходит*.

Снежный человек переступает мокрую линию на земле и шагает вместе с мужчинами. У него родилась великолепная идея: а что, если взять с

собой земли с границы — как защитное средство? Может, она отпугнет волкопсов. Но, с другой стороны, мужчины заметят брешь в укреплениях и поймут, что это сделал он. Могут неправильно истолковать: чего доброго, подумают, будто он пытается ослабить их оборону и подвергнуть опасности детей.

Придется сочинять новую директиву от Коростеля, изложить им позже. *Коростель сказал мне, что вы должны собрать приношение из вашего запаха.* Попросить их помочиться в жестяную банку. Разлить мочу вокруг дерева. Нарисовать ведьмино кольцо. Собственную линию на песке.

Они приходят на поляну в центре деревни. Три женщины и один мужчина склонились над маленьким мальчиком — тот, кажется, поранился. Эти люди не защищены от ран — дети падают, разбивают головы об деревья, женщины обжигаются, разводя костры, случаются порезы и царапины, — но до сего дня увечья были незначительны и запросто лечились мурлыканьем.

Коростель трудился над мурлыканьем долгие годы. Узнав, что кошачьи урчат на частоте ультразвука, применяемого для сращивания кожи и сломанных костей, и, таким образом, обладают механизмом самоизлечения, он на-

изнанку вывернулся, чтобы встроить такую функцию в «Детей». Проблема была в том, чтобы модифицировать гиоидный аппарат, соединить соматические проводящие пути нервной системы и адаптировать систему контроля неокортекса, не повредив речевые способности. Несколько экспериментов закончились не очень удачно, припоминает Снежный человек. Дети из одного пробного поколения обрастали усами и карабкались по занавескам, у пары других были проблемы с речью: один общался только существительными и глаголами, а еще рычал.

Но Коростелю все удалось, думает Снежный человек. Он своего добился. Только посмотрите на этих четверых — склонили головы, мурчат над ребенком, точно моторчики.

— Что с ним случилось? — спрашивает он.

— Его покусали, — говорит Авраам. — Один из Детей Орикс его укусил.

Это что-то новенькое.

— Который?

— Рысек. Без причин.

— Вне круга, в лесу, — прибавляет одна из женщин — Элеонора Рузвельт? Императрица Жозефина? — Снежный человек вечно забывает имена.

— Пришлось кидаться в него камнями, чтоб ушел, — говорит Леонардо да Винчи, единственный мужчина в урчащем квартете.

Значит, рыськи теперь охотятся на детей, думает Снежный человек. Может, проголодались — не меньше его самого. Но ведь есть кролики — значит, это не просто голод. Может, рыськи думают, что Дети Коростеля — маленькие Дети Коростеля — это такие кролики, которых ловить проще.

— Сегодня мы извинимся перед Орикс, — говорит какая-то женщина — Сакагавея?[19] — За камни. И попросим, чтобы она велела своим детям не кусать нас.

Он никогда не видел, как женщины это делают — общаются с Орикс, — хотя они часто об этом говорят. Интересно, в какой форме? Наверное, возносят молитвы или читают заклинания — вряд ли они верят, что Орикс явится к ним во плоти. Может, они впадают в транс. Коростель думал, что избавился от этого, ликвидировал, как он выразился, мозговую «точку Г». *Господь — это пучок нейронов*, утверждал Коростель. Нужна ювелирная точность: если убрать в этой зоне слишком много, можно запросто получить зомби

---

[19] Примечания: 19

Сакагавея (ок. 1787–1812) — индианка из племени шошонов, проводник и переводчица экспедиции Кларка и Льюиса.

или психопата. Но эти люди вроде не психопаты и не зомби.

Что-то в них Коростелю не удалось ликвидировать, что-то он не предусмотрел: они общаются с невидимым, они поклоняются. Вот и молодцы, думает Снежный человек. Ему приятно, когда выясняется, что Коростель ошибся. Идолов, правда, Дети Коростеля пока не создают.

— Ребенок поправится? — спрашивает Снежный человек.

— Да, — спокойно говорит женщина. — Следы зубов уже почти затянулись. Смотри.

Остальные женщины занимаются тем, чем обычно по утрам. Одни следят за центральным костром, другие присели на корточки вокруг, греются. Их внутренние термостаты настроены на тропический климат, поэтому некоторые мерзнут, пока солнце невысоко. Костру скармливают сухие ветки и лианы, но в основном фекалии — из них делают пирожки, похожие на гамбургеры, сушат на солнце. Дети Коростеля — вегетарианцы, едят главным образом траву, листья и корни, и продукт неплохо горит. Насколько Снежный человек знает, поддержание огня — практически единственное женское занятие, которое можно назвать работой. Ну и участие в поимке его еже-

недельной рыбы. И приготовление этой рыбы. Для себя они не готовят.

— Здравствуй, о Снежный человек, — говорит следующая женщина, к которой он приближается. Губы зеленые — она завтракает. Она кормит грудью годовалого мальчика, тот смотрит на Снежного человека, выпускает сосок изо рта и начинает плакать. — Это же Снежный человек! — говорит женщина. — Он тебя не обидит.

Снежный человек никак не привыкнет к тому, как растут эти дети. Годовалому малышу на вид лет пять. В четыре года он будет выглядеть как подросток. На выращивание детей тратится слишком много времени, считал Коростель. На выращивание детей, на бытие ребенком. Другие виды не тратят на такое по шестнадцать лет.

Дети постарше заметили его; подходят ближе, приговаривают: «Снежный человек, Снежный человек!» Значит, он для них по-прежнему притягателен. Теперь все с любопытством смотрят на него, им интересно, зачем он пришел. Он никогда не является просто так. В его первые визиты они думали, что он голоден (судя по его внешности), и предлагали еду — пару пригоршней отборных листьев, корней и травы и несколько цекотрофов, припрятанных специально для него, — и ему

пришлось деликатно объяснять, что их еда ему не подходит.

На его взгляд, цекотрофы омерзительны — полупереваренная растительность, пропущенная через анус; их глотают два-три раза в неделю. Это еще одна вундеркиндская идея Коростеля. Он создал на основе червеобразного отростка необходимый орган, сделав вывод, что на ранних стадиях эволюции, когда пища рода человеческого была грубее, аппендикс, очевидно, выполнял сходную функцию. Но конкретную идею он позаимствовал у лепоридов, зайцекроликов, которые полагаются на цекотрофы, а не на кучу желудков, как жвачные. Может, потому рыськи и начали охотиться на юных Детей Коростеля, думает Снежный человек: учуяли под цитрусовым ароматом кроличий запах цекотрофов.

Джимми спорил с Коростелем по поводу этой функции. Как ни посмотри, говорил он, в конечном итоге получается, что эти люди будут жрать собственное дерьмо. Коростель только улыбался. Животным, чей рацион состоит по большей части из неочищенных растительных материалов, замечал он, такой механизм необходим для расщепления целлюлозы, без него люди погибнут. К тому же, как и у лепоридов, цекотрофы

насыщены витамином B_1 и другими витаминами и минералами. В них, между прочим, раза в четыре-пять больше витаминов, чем в обычных отходах. Цекотрофы — всего лишь часть процесса питания и пищеварения, способ максимально использовать имеющиеся в распоряжении питательные вещества. Любые возражения носят чисто эстетический характер.

В том-то все и дело, сказал Джимми.

Коростель ответил, что это и не дело вовсе.

Снежный человек стоит в кругу, люди слушают.

— Здравствуйте, Дети Коростеля, — говорит он. — Я пришел сказать вам, что отправляюсь в путешествие. — Взрослые, скорее всего, уже поняли — по длинной палке у него в руке и по тому, как он завязал простыню: он и раньше путешествовал — так он называл мародерские набеги на парки трейлеров и заброшенные плебсвилли.

— Ты увидишь Коростеля? — спрашивает какой-то ребенок.

— Да, — говорит Снежный человек. — Я постараюсь с ним повидаться. Если он там, я с ним встречусь.

— Зачем? — спрашивает ребенок постарше.

— Мне надо его кое о чем спросить, — осторож-

но говорит Снежный человек.

— Ты должен рассказать ему про рыська, — говорит Императрица Жозефина. — Того, который кусается.

— Это дело Орикс, — возражает Мадам Кюри, — а не Коростеля. — Остальные женщины кивают.

— Мы тоже хотим увидеть Коростеля, — умоляют дети. — Мы тоже, мы тоже! Мы тоже хотим встретиться с Коростелем! — Это одна из их навязчивых идей — они хотят встретиться с Коростелем. Снежный человек сам виноват: не стоило так вдохновенно врать с самого начала. Теперь Коростель для них — вроде Санта-Клауса.

— Не мешайте Снежному человеку, — мягко говорит Элеонора Рузвельт. — Он отправляется в это путешествие, чтобы нам помочь. Мы должны благодарить его.

— Коростель не для детей, — говорит Снежный человек, пытаясь выглядеть построже.

— Возьми нас с собой! Мы хотим увидеть Коростеля!

— Коростеля может видеть только Снежный человек, — мягко говорит Авраам Линкольн. Кажется, это их убедило.

— Это путешествие будет дольше, чем обычно, — говорит Снежный человек. — Дольше

остальных путешествий. Может, меня не будет два дня. — Он поднимает два пальца. — Или три, — добавляет он. — Так что не волнуйтесь за меня. Но пока меня не будет, оставайтесь здесь и делайте все так, как вас научили Орикс и Коростель.

Хоровое «да», сплошь кивки. Снежный человек не сказал, что опасности могут грозить ему самому. Может, им это в голову не приходит, да и он никогда не поднимал эту тему — чем неуязвимее он кажется, тем лучше.

— Мы пойдем с тобой, — говорит Авраам Линкольн. Несколько мужчин смотрят на него, потом кивают.

— Нет! — Снежный человек растерян. — Вам нельзя встречаться с Коростелем, он не разрешает. — Ему такая компания не нужна, только не это! Он не хочет, чтоб они видели его слабости, его ошибки. А то, что встретится по дороге, может повредить их психике. Они засыплют его вопросами. К тому же целый день с ними — и он свихнется от скуки.

Но ты и так уже свихнулся, — говорит голос у него в голове, — тоненький голосок, голосок печального ребенка. — *Эй, эй, это шутка, только не бей меня!*

Пожалуйста, не сейчас, думает Снежный человек. Не при всех. На людях я не могу ответить.

— Мы пойдем с тобой, чтобы тебя защитить, — говорит Бенджамин Франклин, глядя на длинную палку у Снежного человека в руке. — От рыськов, которые кусаются, от волкопсов.

— Ты не очень сильно пахнешь, — прибавляет Наполеон.

Какая оскорбительная самоуверенность! К тому же слишком эвфемистично: они прекрасно знают, что пахнет он сильно, просто запах неправильный.

— Ничего со мной не случится, — говорит он. — Оставайтесь здесь.

Мужчины сомневаются, но, скорее всего, сделают, как он говорит. Чтобы подкрепить свой авторитет, он подносит к уху часы.

— Коростель говорит, что присмотрит за вами. Он вас защитит. — *Часовой, он всегда на часах*, — говорит тоненький детский голосок. — *Это игра слов, орех пробковый.*

— Коростель присматривает за нами днем, Орикс присматривает за нами ночью, — привычно говорит Авраам Линкольн. Кажется, сам он этому не очень-то верит.

— Коростель всегда присматривает за нами, —

безмятежно говорит Симона де Бовуар. У нее желтовато-коричневая кожа, Симона напоминает Долорес, давно исчезнувшую филиппинскую няню; и Снежный человек порой борется с желанием упасть на колени и обхватить ее за талию.

— Он хорошо заботится о нас, — говорит Мадам Кюри. — Скажи ему, что мы благодарны.

Снежный человек возвращается по своей Рыбной Тропе. Он вот-вот захлюпает: ничто так не будит в нем сантименты, как щедрость этих людей, их желание помочь. И их благодарность Коростелю. Так умилительно и так неуместно.

— Коростель, ты — мудак, ты в курсе? — говорит он. Хочется плакать. Потом он слышит голос — свой голос! — который говорит «ы-ы-ы-ы-ы»; Снежный человек видит это слово, оно висит над ним, как в комиксах. По лицу течет вода.

— Только не это, сколько можно, — говорит он. Что это за чувство? Даже не гнев — досада. Слово старое, но подходит. *Досада* вмещает не только Коростеля — ну действительно, нельзя же винить во всем его одного.

Может, Снежный человек просто завидует. Опять завидует. Он бы тоже хотел быть невидимым и обожаемым. Не быть здесь. Но надежды нет: в этом здесь и сейчас он завяз по уши.

Он идет все медленнее, шаркает, останавливается. *Ы-ы-ы-ы!* Почему он себя не контролирует? А, с другой стороны, какая разница, если никто не видит? И все же эти звуки напоминают преувеличенные рыдания клоуна — горестное шоу ради аплодисментов.

Прекрати хныкать, сынок, — говорит голос его отца. *Соберись. Ты здесь мужчина!*

— Ну конечно! — орет Снежный человек. — Конкретные предложения будут? Уж не с тебя ли мне пример брать!

Но деревья невосприимчивы к иронии. Свободной рукой он вытирает нос и идет дальше.

Синий цвет

В девять утра по солнцу Снежный человек сходит с Рыбной Тропы и углубляется в лес. Едва он удаляется от океана, тут же обрушивается влажность и нападает стая кусачих зеленых мух. Он босиком; ботинки недавно развалились — все равно в них было слишком жарко и очень потели ноги, и к тому же они уже и не нужны, потому что его подошвы теперь стали как резиновая подметка. Тем не менее он идет осторожно: тут может валяться битое стекло или покореженный металл. Или водятся змеи и другие кусачие твари, а у него из оружия — одна палка.

Сначала он идет в тени деревьев, которые когда-то были парком. Неподалеку слышен лающий кашель рыська. Так они предупреждают соперника: может, самец повстречался с другим самцом. Начнется драка, и победитель получит всё, всех самок на этой территории, и убьет всех котят, чтобы расчистить пространство для собственных генов.

Рыськов изобрели для контроля над популяцией зеленых кроликов, когда те расплодились и их оказалось невозможно истребить. Официальная

версия гласила, что рыськи компактнее рысей и не так агрессивны. Они уничтожат бродячих кошек, увеличится популяция почти исчезнувших певчих птиц. Рыськам до птиц дела не будет, рыськи слишком медлительны и неуклюжи. Такова была теория.

Так и вышло, но рыськи вскоре тоже вышли из-под контроля. Пропадали мелкие собаки прямо с задних дворов, дети из колясок, страдали любители бегать по утрам. Не в охраняемых поселках, разумеется, и редко в Модулях, но жители плебсвиллей все чаще жаловались. Надо внимательно смотреть по сторонам, чтобы не пропустить следы, и остерегаться нависших ветвей. Снежному человеку вовсе не хочется, чтобы такой вот милый зверек прыгнул ему на голову.

А еще не стоит забывать про волкопсов. Но волкопсы — ночные охотники: в жару они спят, как и большинство зверей, покрытых шерстью.

Время от времени ему попадаются открытые пространства — остатки площадок для пикников, со столами и мангалами для барбекю; пикники под открытым небом прекратились, когда стало жарко и начались послеобеденные ливни. Сейчас он набрел на одну такую площадку: гниющий стол порос грибами, вьюнки обвили мангал.

Поодаль — должно быть, на поляне, где раньше ставили машины и трейлеры, — слышны пение и смех, одобряющие вопли и крики восторга. Видимо, там спариваются — довольно редкое событие: Коростель все рассчитал и постановил, что для женщины раз в три года — более чем достаточно.

Участники — стандартный квинтет, четыре мужчины и женщина в течке. Ее состояние очевидно по ярко-синему цвету живота и ягодиц: у бабуинов позаимствовали систему пигментации, у осьминога — хромофоры. Как говорил Коростель, *стоит задуматься об адаптации, о любой адаптации, и сразу выяснится, что какое-то животное о ней уже подумало*.

Поскольку мужчин возбуждают только синие ткани и их феромоны, больше нет никакой несчастной любви, безнадежной страсти, никаких препятствий на пути между желанием и половым актом. Ухаживание начинается, едва мужчины улавливают слабый запах феромонов и замечают бледную голубизну. Тогда они дарят женщине цветы — как пингвины, говорил Коростель, дарят избранницам круглые камешки, а самцы чешуйницы — сперматофор. При этом мужчины разражаются трелями, как певчие

птицы. Их пенисы синеют, под цвет женского живота, и все мужчины исполняют что-то вроде танца синих членов: пляшут, поют и ритмично машут пенисами — Коростель одолжил у крабов их манеру подачи сексуальных сигналов. Из груды подаренных цветов женщина выбирает четыре, после чего пыл отвергнутых конкурентов тут же утихает, без обид. Затем, когда синий становится наиболее интенсивным, женщина и ее избранники находят уединенное место и спариваются, пока она не забеременеет и синева не побледнеет. Легко и просто.

Никаких больше «если женщина говорит «нет», это значит «может быть», думает Снежный человек. Ни проституции, ни педофилии, ни препирательств о цене, ни сутенеров, ни секс-рабства. Никаких изнасилований. Эти пятеро совокупляются часами — трое мужчин на страже, поют и подбадривают четвертого, а тот наяривает, и так круг за кругом. Коростель снабдил женщин очень прочными вагинами — дополнительные оболочки и мускулы, — чтобы они выдерживали этот марафон. Не важно, кто отец неизбежного ребенка, поскольку нет больше собственности, которая кем-то наследуется, никакой сыновней верности отцу, ибо войн тоже нет. Секс больше

не таинственный ритуал, что вызывает зависть и отвращение, вершится в темноте, множит убийства и самоубийства. Теперь он больше похож на выступление спортсменов или беззаботную возню на лужайке.

Может, Коростель был прав, думает Снежный человек. В прежних условиях сексуальная конкуренция была жестокой и бессмысленной: на каждую счастливую пару находился один унылый наблюдатель, тот, кого отвергли. Любовь возводила свой купол-пузырь: можешь полюбоваться на тех, кто внутри, но сам туда не попадешь.

Одинокий человек в окне, который напивается до состояния готовальни под скорбное танго, — это еще безвредный вариант. Но такие вещи могли переродиться в насилие. Запредельные эмоции чреваты летальными исходами. *Не доставайся же ты никому*, и так далее. Возможна смерть.

— Как много несчастий, — сказал однажды Коростель за обедом — им было лет по двадцать с хвостом, и Коростель уже работал в Институте

Уотсона-Крика[20], — сколько лишнего отчаяния — из-за ряда биологических несоответствий, несовпадений гормонов и феромонов. Человек, которого ты страстно любишь, не может или не хочет любить тебя. С точки зрения чистой биологии мы просто несостоятельны — дефектно моногамны. Будь мы совсем моногамны, как гиббоны, или выбери мы промискуитет без чувства вины, мы бы из-за секса не страдали. Вот идея получше: процесс цикличный и неизбежный, как у других млекопитающих. Ты просто не захочешь того, кто для тебя недоступен.

— Да, что-то в этом есть, — ответил Джимми. Или Джим — он настаивал, чтобы его называли так, только без толку: все по-прежнему звали его Джимми. — Но подумай о том, чего мы лишимся.

— Например?

— Фазы ухаживания. Ты хочешь превратить нас в толпу роботов, управляемых гормонами. — Джимми решил, что лучше использовать Коростелевы термины, потому и сказал «фазы ухаживания». Он имел в виду вызов, азарт, погоню. — Мы лишимся свободы выбора.

— Ухаживание в моем плане есть, — сказал Ко-

---

[20] Примечания: 20

Джеймс Уотсон (р. 1928) и Фрэнсис Крик (р. 1916) в 1953 году открыли структурную модель ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты).

ростель. — Но оно всегда успешно. К тому же мы и так гормональные роботы, только неисправные.

— Ну хорошо, а искусство? — почти безнадежно спросил Джимми. В конце концов, он учился в Академии Марты Грэм[21], так что иногда в нем просыпалось желание вступиться за искусство.

— А что искусство? — спросил Коростель с этой своей спокойной улыбкой.

— Все эти несовпадения, о которых ты говоришь. Они же вдохновляют — по крайней мере, так считается. Поэзия, например, — скажем, Петрарка, Джон Донн, «Новая жизнь» Данте или…

— Искусство, — сказал Коростель. — Там у вас, я чувствую, до сих пор много чуши городят про искусство. Как там сказал Байрон? Кто будет писать, если можно заняться другим? Что-то в этом духе.

— Я об этом и говорю, — сказал Джимми. Ему не понравилось упоминание Байрона. Какое право имеет Коростель лезть на его и без того жалкую и банальную территорию. Пусть занимается своей наукой и не трогает беднягу Байрона.

— А *о чем* ты говоришь? — спросил Коростель таким тоном, будто лечил Джимми от заикания.

— О том, что если нет этого *другого*…

---

[21] Примечания: 21

Марта Грэм (1894–1991) — американская танцовщица и хореограф.

— Ты разве не предпочел бы трахаться? — спросил Коростель. Себя он не подразумевал: тон отстраненный, не слишком заинтересованный, словно проводит опрос о самых мерзких человеческих привычках, вроде ковыряния в носу.

Чем возмутительнее вел себя Коростель, тем больше нервничал Джимми — он чувствовал, что покраснел, а голос его то и дело срывался на визг. Он этого терпеть не мог.

— Когда цивилизация распадается в пыль и прах, — сказал он, — остается только искусство. Изображения, музыка, слова. Художественные конструкции. Они определяют смысл — смысл бытия. Ты не можешь это отрицать.

— Но это не все, что остается от цивилизаций, — возразил Коростель. — В наши дни археологи не меньше интересуются гнилыми костями, старыми кирпичами и окаменевшим дерьмом. А иногда и больше. Они считают, что смысл бытия определяется и этими вещами.

Джимми хотел было спросить: «Почему ты вечно меня опускаешь?» — но испугался возможных ответов, в том числе: «Потому что это так просто». Вместо этого он сказал:

— А что ты имеешь против?

— Против чего? Окаменелого дерьма?

— Искусства.

— Ничего, — лениво ответил Коростель. — Люди могут развлекаться, как им нравится. Если они хотят публично с собой забавляться, дрочить на чужие каракули, пачкотню и пиление на скрипочке — кто я такой, чтобы им мешать. Так или иначе, это служит биологической цели.

— Например? — Джимми знал: важнее всего держать себя в руках. Эти споры — игра: если Джимми вспылил, Коростель выиграл.

— В брачный сезон самец лягушки производит как можно больше шума, — сказал Коростель. — Самки выбирают самца, у которого голос громче и глубже — подразумевается, что такой голос бывает у самых сильных самцов с хорошими генами. А маленькие самцы — это установленный факт — поняли, что, если залезть в пустую трубу, она сработает как усилитель и самец покажется самкам гораздо крупнее, чем на самом деле.

— И что?

— Вот зачем художнику искусство. Пустая труба. Усилитель. Способ найти самку, которая даст.

— Твоя аналогия не работает в отношении женщин, которые занимаются искусством, — сказал Джимми. — Им оно никак не помогает в поисках партнера. Они не получают биологиче-

ских преимуществ, увеличивая себя, потому что человеческого самца такое увеличение скорее отпугнет. Мужчины — не лягушки, им не нужны самки в десять раз крупнее их самих.

— Женщины в искусстве — с точки зрения биологии — безнадежно запутавшиеся существа, — сказал Коростель. — Я думаю, ты это уже понял. — Удар ниже пояса, намек на нынешний запутанный роман Джимми с поэтессой, брюнеткой, которая называла себя Морганой и отказывалась сообщать ему свое настоящее имя. Сейчас она устроила себе двадцативосьмидневное сексуальное воздержание в честь великой лунной богини Эстры, покровительницы соевых бобов и кроликов. В Академию Марты Грэм такие женщины стекались толпами. Однако зря Джимми рассказал про этот роман Коростелю.

Бедная Моргана, думает Снежный человек. Интересно, что с ней сталось. Никогда она не узнает, как была мне полезна — она и ее болтовня. Детям Коростеля он двинул ее околесицу как космогонию и слегка презирает себя. Но они вроде счастливы.

Снежный человек прислоняется к дереву, слу-

шает. Любовь, как роза синяя[22]. Вари, не кисни, полная фигня[23]. Ну что ж, Коростель своего добился, думает Снежный человек. Честь ему и хвала. Ни тебе ревности, ни мужей, что убивают жен кухонными ножами, ни жен, что травят мужей. Все восхитительно добровольно: никаких драк и склок, точно оргия богов с услужливыми нимфами на древнегреческой вазе.

Тогда почему он так удручен, так потерян? Потому что не понимает такого поведения? Потому что оно ему недоступно? Потому что хочет поучаствовать?

А что будет, если он рискнет? Выскочит из кустов, в грязной драной простыне, вонючий, волосатый, опухший, похотливо ухмыляясь, точно рогатый сатир или одноглазый пират из старого фильма — *Ага-а, попались!* — и попытается присоединиться к страстной синезадой оргии? Легко представить себе их ужас — словно орангутанг вломился на торжественный бал и стал лапать принцессу в розовом платьице. И его собствен-

---

[22] Примечания: 22

Парафраз стихотворения Роберта Бёрнса «Любовь»: «Любовь, как роза красная, цветет в моем саду».

[23] Примечания: 23

Парафраз песни на стихи Джека Норворта «Гори, не гасни, полная луна».

ный ужас легко представить. Какое право он имеет навязывать свое тело и душу, изъязвленные гнойниками, этим невинным существам.

— Коростель! — хнычет Снежный человек. — Какого хрена я делаю на этой земле? Почему я один? Где моя Невеста Франкенштейна?

Нужно разорвать этот мрачный замкнутый круг, сбежать от расхолаживающей сцены. *Дорогой*, шепчет женский голос. *Взбодрись! Ищи положительные стороны! Надо мыслить позитивно!*

Он упрямо идет вперед, что-то бормоча себе под нос. Лес заглушает голос, слова срываются с губ бесцветными беззвучными пузырями, точно изо рта утопленника. За спиной стихают песни и смех. Вскоре их уже не слышно.

8

«Союшка»

Джимми и Коростель окончили среднюю школу «Здравайзер» в начале февраля. День был теплый и влажный. Обычно выпускная церемония проходила в июне — замечательная погода, солнечно и тепло. Но теперь июнь везде, до самого восточного побережья, стал сезоном дождей, и на улице было особо не попраздновать, с такими-то грозами. Даже в начале февраля рискованно: они всего на день опередили ураган.

В средней школе «Здравайзер» любили старомодность. Шатры и тенты, матери в шляпах с цветочками, отцы в панамах, фруктовый пунш (с алкоголем или без), кофе «Благочашка» и пластиковые стаканчики мороженого «Союшка»: соя со вкусом шоколада, соя со вкусом манго и соя со вкусом «зеленый чай и жареные корни одуванчика». Очень празднично.

Коростель был лучшим в классе. На Студенческом Аукционе образовательные охраняемые поселки за него чуть не передрались, и в итоге он был перехвачен по очень высокой цене Институтом Уотсона-Крика. Раз уж туда попал, блестящее будущее тебе гарантировано. Таким был Гарвард,

пока не утонул.

Джимми, напротив, учился так себе: словарный запас у него был на высоте, а вот по техническим дисциплинам полный провал. Даже и эти несчастные оценки по математике были получены с помощью Коростеля, который натаскивал Джимми по выходным, отнимая время на подготовку у себя самого. Правда, ему-то зубрить не требовалось, он был какой-то мутант, мог во сне решать дифференциальные уравнения.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Джимми во время очередного невыносимого занятия. (*Нужно смотреть по-другому. Увидеть красоту. Это как шахматы. Вот — попробуй так. Видишь? Видишь схему? Вот теперь все понятно*. Но Джимми не видел и ничего не понимал.) — Почему ты мне помогаешь?

— Потому что я садист, — сказал Коростель. — Мне нравится смотреть, как ты мучаешься.

— Как бы то ни было, я ценю, — сказал Джимми. Он действительно ценил, по ряду причин. Особенно потому, что, раз он занимался с Коростелем, у отца не было больше предлогов его пилить.

Учись Джимми в школе Модуля или — еще лучше — в одной из тех помоек, что по-прежнему назывались «государственной системой образо-

вания», он блистал бы, как бриллиант в канаве. Но школы охраняемых поселков — заповедники великолепных генов, а он, в отличие от других, ничего не унаследовал от своих родителей, гребаных гениев; его таланты на фоне остальных сильно проигрывали. И никто не ставил ему хороших оценок за то, что он смешной. К тому же он уже был не такой смешной: его больше не привлекала работа на публику.

Ему пришлось долго и унизительно ждать. Мозговитых выпускников расхватали лучшие образовательные поселки, а анкеты середнячков пролистывали, заливали кофе и случайно роняли на пол. Наконец Джимми забрала Академия Марты Грэм, и то после того, как аукционер долго и без особого успеха его расхваливал. Джимми не исключал возможности, что это папа нажал на рычаги — он знал президента академии еще с тех пор, как они давным-давно вместе организовали летние лагеря, и, вероятно, разнюхал про него какие-то гадости. Может, президент совращал маленьких мальчиков или торговал лекарствами на черном рынке. Так подозревал Джимми, помня, как нелюбезно и сильно ему пожали руку.

— Добро пожаловать в Академию Марты Грэм, сынок, — сказал президент с улыбкой, фальши-

вой, как у продавца витаминных добавок.

«И когда я наконец перестану быть сынком?» — подумал Джимми.

Не сейчас. О, отнюдь не скоро.

— Молодчина, Джимми, — сказал потом отец на выпускном гулянии под открытым небом и ткнул Джимми кулаком в плечо. На папином идиотском галстуке с крылатыми свиноидами красовалось липкое пятно соевого шоколада. Только не надо меня обнимать, про себя взмолился Джимми.

— Милый, мы так тобой гордимся, — сказала Рамона, которая вырядилась, будто абажур в дешевом борделе, в платье с глубоким вырезом и розовыми оборками. Джимми видел такое платье в передаче «Аппетитные голопопки», но тогда в нем была восьмилетняя девочка. Сверху грудь Рамоны над поддерживающим лифчиком была усыпана веснушками — загорает не в меру, — но Джимми это теперь особо не волновало. Он уже ознакомился с устройством поддерживающих конструкций для молочных желез у самок млекопитающих, а новообретенная степенность Рамоны казалась ему отвратительной. Несмотря на коллагеновые инъекции, у Рамоны появились морщинки в уголках рта, биологические

часы тикали, как она сама любила говорить. Скоро ей понадобится «ЛюбоТоксик» от «НоваКожи» — «Избавьтесь от морщин навсегда, для сотрудников компании скидка 50 %» — плюс, лет через пять, скажем, Полное Погружение в Фонтан Молодости, который напрочь сдирает весь старый эпидермис. Рамона поцеловала Джимми куда-то мимо носа, оставив след от ярко-вишневой помады; он чувствовал этот след, будто велосипедное смазочное масло на щеке.

Рамоне дозволялось говорить «мы» и целовать его, потому что она официально стала его мачехой. Его родную мать развели с отцом *in absentia*, поскольку она «оставила семью». После этого отец и Рамона сыграли, если так можно выразиться, липовую свадьбу. Маме все эти финтифлюшки до вомбатовой жопы, думал Джимми. Ей все равно. У нее теперь свои приключения, рискованные, не имеющие ничего общего с этими унылыми праздниками. Он несколько месяцев не получал от нее открыток — последняя была с драконом Комодо и малазийской маркой и, разумеется, вызвала очередной визит ККБ.

На свадьбе Джимми упился в хлам. Прислонился к стене и глупо лыбился, пока счастливые новобрачные резали торт. Рамона довела до све-

дения гостей, что все ингредиенты — настоящие. Гости закудахтали над подлинными свежими яйцами. Рамона всерьез готовилась начать планировать ребенка, он оправдает все надежды, которых не оправдал Джимми.

— Кому какая разница, — прошептал он себе под нос. Все равно он не хотел, чтобы у него был отец, не хотел быть отцом, не хотел иметь сыновей или быть сыном. Он хотел быть самим собой, одиноким, неповторимым, безначальным и самодостаточным. С сегодняшнего дня он будет свободен от иллюзий, станет делать, что захочется, обрывать зрелые плоды с древа жизни, надкусывать их, высасывать сок, выкидывать кожуру.

До комнаты его дотащил Коростель. Джимми уже помрачнел и еле передвигался на своих двоих.

— Проспись — сказал Коростель, как водится, доброжелательно. — Я тебе завтра позвоню.

И вот теперь Коростель блистал на выпускном, его просто распирало от собственных достижений. Хотя нет, не распирало, поправляет себя Снежный человек. Хотя бы тут надо отдать ему должное. Коростель никогда не плясал на костях побежденных.

— Поздравляю, — выдавил Джимми. Ему было легче оттого, что на этом сборище только он давно знал Коростеля. Еще на выпускном был дядя Пит, но он не в счет. К тому же он старался держаться от Коростеля подальше. Может, понял наконец, кто пользовался его интернет-счетами. А мать Коростеля умерла за месяц до выпускного.

Это был несчастный случай — так утверждалось. (Никто не хотел произносить слово «диверсия» — это очень плохо сказывается на бизнесе.) Наверное, она порезалась в больнице — хотя, сказал Коростель, скальпелями она не пользовалась, — или поцарапалась, или, может, потеряла бдительность и сняла перчатки, а потом пораненного места коснулся пациент, носитель инфекции. Это не исключено: она грызла ногти, на пальцах были, что называется, чрескожные точки входа. Так или иначе, она заразилась каким-то активным вирусом, который перемолол ее, как газонокосилка. Трансгенетический стафилококк с хитрым геном миксоамеб, сказал один ученый, но когда им удалось определить, что это, и начать предположительно эффективное лечение, мать Коростеля уже лежала в Изоляторе и быстро превращалась в комок слизи. Коростелю не разрешили с ней повидаться — никому не

разрешили, всё делали роботы, как с сырьем для ядерных реакторов, — но он мог посмотреть на нее через стекло.

— Впечатляюще, — сказал Коростель. — Из нее пена выходила.

— Пена?

— Ты когда-нибудь посыпал слизняка солью?

Джимми сказал, что никогда.

— Ладно. Ну, как если зубы чистишь.

Предполагалось, что мать Коростеля скажет ему последние слова в микрофон, но случился какой-то сбой, поэтому он видел, как шевелятся ее губы, но слов разобрать не мог.

— В общем, все как всегда, — сказал Коростель. И прибавил, что мало потерял: от нее все равно уже нельзя было добиться ничего связного.

Джимми не понимал, как Коростель может так спокойно об этом рассказывать — это было ужасно, ужасна сама мысль о том, что Коростель наблюдал, как его мать буквально разлагается. Джимми бы так не смог. Но, возможно, Коростель просто притворялся. Держался как мог, иначе полностью слетел бы с катушек.

«Благочашка»

После выпускного Джимми пригласили на каникулы в «Мусуни», охраняемую зону отдыха «Здравайзера», на западном берегу Гудзонского залива, где вся элита охраняемого поселка спасалась от жары. У дяди Пита имелось там славное местечко — это дядя Пит так говорил, «славное местечко». Вообще-то оно напоминало бордель в мавзолее — кладка из дикого камня, огромные кровати с вибромассажем, в каждой ванной биде — хотя сложно представить, что дядя Пит среди всего этого занимался чем-нибудь интересным. Джимми не сомневался: его пригласили только затем, чтобы дядя Пит не оставался один на один с Коростелем. Дядя Пит в основном торчал на поле для гольфа, а оставшееся время — в джакузи, так что Джимми с Коростелем могли делать все, что заблагорассудится.

Скорее всего, они бы вернулись к компьютерным играм, снаффу, спонсируемому государством, и порнухе, чтобы расслабиться после экзаменов, но тем летом как раз начались кофейные войны, и Джимми с Коростелем следили за развитием событий. Война началась из-за нового

трансгенетического кофе «Благочашка», который разработала дочерняя компания «Здравайзера». Прежде кофейные зерна вызревали в разное время, их собирали вручную, обрабатывали и продавали маленькими порциями, а на кофейном кусте «Благочашки» все зерна вызревали одновременно: кофе можно было выращивать на огромных плантациях и убирать с помощью техники. Все мелкие фермы, которые выращивали кофе, прогорели, и владельцы вместе с работниками были обречены на нищету.

Началось глобальное сопротивление. Вспыхивали восстания, мятежники жгли посевы, разносили кафе «Благочашка», подгоняли к кафе набитые взрывчаткой машины. Самих сотрудников «Благочашки» похищали, в них стреляли снайперы, их забивали до смерти неистовствующие толпы; крестьян, в свою очередь, уничтожала армия — точнее, армии, поскольку в конфликте участвовали несколько стран. Но какую страну ни возьми, солдаты и мертвые крестьяне походили друг на друга как две капли воды. Все какие-то пыльные. Удивительно, сколько пыли поднимается во время таких событий.

— Этих парней нужно мочить, — сказал Коростель.

— Кого? Крестьян? Или тех, которые их убивают?

— Солдат. Дело не в мертвых крестьянах, в этом мире достаточно мертвых крестьян. Но они сжигают туманные леса, чтобы выращивать этот свой кофе.

— Будь у крестьян такая возможность, они бы делали ровно то же самое.

— Конечно, только у них нет такой возможности.

— Ты принимаешь их сторону?

— Здесь нет никаких сторон.

Джимми было нечего ответить. Он хотел было закричать «липа», но потом решил, что это не тот случай. К тому же это слово изжило себя.

— Давай переключим канал, — сказал он.

Но «Благочашка» была повсюду, какой канал ни включи. Акции протеста и демонстрации, слезоточивый газ, стрельба и дубинки: потом снова акции протеста, демонстрации, еще больше слезоточивого газа, стрельбы и дубинок. И так день за днем. Ничего подобного не случалось с начала века. На наших глазах создается история, сказал Коростель.

«Не пейте смерть!» — гласили плакаты. Профсоюз портовых грузчиков в Австралии, где еще

были профсоюзы, отказался разгружать «Благочашку», в Соединенных Штатах появилась Бостонская Кофейная Партия. Они организовали показательную акцию — безумно скучную, потому что в ней не было насилия: лысеющие мужики со старомодными татуировками или белыми пятнами на месте сведенных татуировок, строгие женщины с отвислыми сиськами и куча жирных или, наоборот, тощих представителей маргинальных религиозных группировок, в футболках с улыбающимися ангелочками, парящими в небесах в обществе птичек, или Иисусом, который держит за руку крестьянина, или с надписью «Бог — «зеленый». Они скидывали в воду ящики с зернами «Благочашки» и снимали, но ящики не тонули, и весь экран был забит скачущими логотипами «Благочашки». Из репортажа вышел бы неплохой рекламный ролик.

— Чего-то кофейку захотелось, — сказал Джимми.

— Идиоты, — сказал Коростель. — Забыли камни в ящики положить.

Как правило, они следили за развитием событий по «Голым новостям», в Сети, но порой для разнообразия смотрели обычные новости по плазменному телевизору — экран во всю стену в

обитой кожей телекомнате дяди Пита. Рубашки, костюмы и галстуки казались Джимми нелепыми, особенно по укурке. Забавно представить, как выглядели бы в «Голых Новостях» все эти серьезные морды в чем мать родила, минус дорогие шмотки.

Иногда дядя Пит смотрел телевизор вместе с ними — по вечерам, вернувшись с поля для гольфа. Он наливал себе выпить и комментировал:

— Обычная истерика. Скоро они устанут и успокоятся. Все хотят пить дешевый кофе, с этим ничего не поделать.

— Ага, ничего, — соглашался Коростель. У дяди Пита имелась доля в «Благочашке», и очень большая доля. — Сволочь какая, — говорил Коростель, просматривая на своем компьютере данные о вложениях дяди Пита.

— А подмени их, — сказал Джимми. — Продай «Благочашку», купи что-нибудь такое, чего он терпеть не может. Например, ветроэнергетику. Нет, лучше что-нибудь заведомо безнадежное. Например, фьючерсы на южноамериканский скот.

— Не-а, — ответил Коростель. — Я не могу рисковать, когда пользуюсь лабиринтом. Он заметит. Просечет, что я тяну из него бабки.

Конфликт обострился, когда сумасшедшие маньяки — противники «Благочашки» — взорвали Мемориал Линкольна, убив пять японских школьников, прибывших в Америку в ходе так называемого турне по демократическим странам. «Астанавите лицымерее», — гласила записка, найденная на безопасном расстоянии от места взрыва.

— Вот дебилы, — сказал Джимми. — Они даже писать грамотно не умеют.

— Зато выражаются убедительно, — сказал Коростель.

— Надеюсь, их поджарят на электрическом стуле, — сказал дядя Пит.

Джимми не ответил: по телевизору показывали оцепленную демонстрантами штаб-квартиру «Благочашки» в Мэриленде. В орущей толпе, держа плакат с надписью «Благочашка — дерьмочашка», стояла женщина в зеленой бандане, закрывающей нос и рот, — его пропавшая мать? На мгновение бандана соскользнула, и Джимми разглядел ее — нахмуренные брови, честные голубые глаза, решительно сжатый рот. Его захлестнула любовь к ней, неожиданно и больно, а потом злость. Будто ударили под дых — он, кажется, ахнул. Затем ККБешники пошли в атаку,

на экране появилось облако слезоточивого газа, раздался треск, похожий на выстрелы, и, когда Джимми вновь посмотрел на экран, матери уже не было.

— Останови! — закричал он. — Перемотай назад! — Он хотел проверить. Как она может так рисковать? Если они до нее доберутся, она снова исчезнет, и уже навсегда. Но Коростель только мельком глянул на него и переключил канал.

Надо было промолчать, подумал Джимми. Нельзя привлекать внимание. По спине бежали мурашки. А что, если дядя Пит все понял и позвонил в ККБ? Они выследят ее и убьют.

Но дядя Пит вроде ничего не заметил. Он наливал себе очередную порцию скотча.

— Нечего с ними церемониться, их на распыл надо, — сказал он. — Как только разбили камеры. Кто это вообще снимал? Иногда начинаешь сомневаться, кто тут вообще командует парадом.

— Так в чем дело? — спросил Коростель, когда они остались одни.

— Ни в чем, — ответил Джимми.

— Я все сохранил, — сказал Коростель. — Весь эпизод.

— Думаю, лучше его стереть, — сказал Джимми. Он уже даже бояться перестал и впал в глубокое

уныние. Разумеется, дядя Пит сейчас жмет кнопки на мобильном, скоро приедут люди из ККБ, снова допрос. Его мать то, его мать се. Надо это пережить.

— Все норм, — сказал Коростель. Джимми понял это как «мне можно доверять». Потом Коростель сказал: — Дай угадаю. Тип хордовые, класс позвоночные, отряд млекопитающие, семейство приматы, род Homo, вид sapiens sapiens, подвид — твоя мать.

— Круто, — равнодушно ответил Джимми.

— Фигня. Я ее тоже узнал — по глазам. Либо она сама, либо ее клон.

Если ее узнал Коростель, кто еще мог узнать? Всем в «Здравайзере» наверняка показали фотографии: *вы когда-нибудь видели эту женщину?* История о его неблагонадежной матери следовала за ним по пятам, как бродячая собака, — может, отчасти поэтому он со свистом пролетел на Студенческом Аукционе. Он неблагонадежный, он — угроза безопасности, на нем пятно.

— У меня с отцом та же история, — сказал Коростель. — Тоже смылся.

— Он же вроде умер? — сказал Джимми. Это все, что можно было выжать из Коростеля: папа умер, точка, меняем тему. Коростель это не обсуждал.

— Ну да. Упал с моста на шоссе в плебсвилле. Был час пик, и, пока до него добрались, он уже был фаршем.

— Он сам прыгнул? — спросил Джимми. Кажется, Коростеля эта история не особо напрягала. Джимми и спросил.

— Все так решили, — сказал Коростель. — Он был одним из лучших исследователей в Западном «Здравайзере», похороны были шикарные. И какое чувство такта. Никто не говорил «самоубийство». «Несчастный случай с твоим отцом» — и никак иначе.

— Мои соболезнования, — сказал Джимми.

— И все это время у нас дома пасся дядя Пит. Мать говорила, что он ее *поддерживает*. — *Поддерживает* прозвучало в кавычках. — Что он не только папин начальник и лучший друг, он еще и настоящий друг семьи, хотя раньше я его у нас дома не видел. Он хотел, чтобы у нас все *благополучно разрешилось*, мол, он очень беспокоится. Все пытался говорить со мной по душам — рассказывал, что у моего отца были *проблемы*.

— То есть что твой отец сошел с ума, — сказал Джимми.

Коростель уставил на него слегка раскосые зеленые глаза.

— Ну да. Но отец не сошел с ума. Он перед этим тревожился о чем-то, но у него не было этих самых *проблем*. Он ничего такого не планировал. Никуда прыгать. Я бы понял.

— Думаешь, он упал?

— Упал?

— Ну да, с этого моста. — Джимми хотел спросить, что отец Коростеля вообще забыл на мосту через шоссе в плебсвилле, но момент был неподходящий. — Там было ограждение?

— Он был немного рассеянный, — как-то странно улыбнулся Коростель. — Редко смотрел под ноги. В облаках витал. Верил, что каждый из нас должен внести свой вклад в прогресс человечества.

— Ты с ним дружил?

Коростель задумался.

— Он научил меня играть в шахматы. До того, как все это случилось.

— Ясное дело, что не *после*. — Джимми пытался разрядить обстановку: он начал жалеть Коростеля, и это ему совершенно не нравилось.

«Как я мог пропустить? — думает Снежный человек. — Как я мог не услышать, что он мне говорил? Что же я был за тупица?»

Нет, не тупица. Ему трудно подобрать подходя-

щий эпитет к себе тогдашнему. Нельзя сказать, что он совсем не знал жизни. У него были свои шрамы, свои темные уголки души. Пожалуй, его можно назвать невежественным. Бесформенным, неразвитым.

Но в этом неведении было нечто волевое. Нет, не волевое — структурированное. Он вырос в замкнутых пространствах и сам стал таким. Замкнутым пространством. Он вышвыривал из себя все нежелательное и захлопывал дверь.

Прикладная риторика

После каникул Коростель поехал в Уотсон-Крик, а Джимми — в Академию Марты Грэм. На вокзале они пожали друг другу руки.

— Увидимся, — сказал Джимми.

— Спишемся, — сказал Коростель. Потом заметил, что Джимми расстроен, и прибавил: — Да ладно тебе, все нормально, это же известное место.

— Было известное, — ответил Джимми.

— Не так все плохо.

Но Коростель в кои-то веки ошибся. Марта Грэм разваливалась на части. Академию окружали — Джимми видел из окна скоростного поезда — самые жуткие плебсвилли: пустые склады, сгоревшие дома, заброшенные парковки. Тут и там попадались хижины, сделанные из подручных материалов — кусков жести и фанеры; обитали в них, без сомнения, сквоттеры. Как эти люди умудряются жить? Джимми не понимал. И все же вот они — по ту сторону колючей проволоки. Некоторые показывали средний палец тем, кто ехал в поезде, даже кричали, но пуленепробиваемое стекло не пропускало звук.

Служба безопасности у ворот академии — смешно смотреть. Охранники бродят в полусне, стены, расписанные выцветшим граффити, — такие низкие, что перелезет и одноногий гном. На территории стояли жуткие дома в стиле Бильбао, из литого бетона, на газонах не росло ничего, кроме грязи, спекшейся или жидкой, в зависимости от времени года. Спортивных сооружений никаких, если не считать бассейна, который по виду и запаху напоминал огромную банку с сардинами. Кондиционеры в общежитиях работали через раз — веерные полуотключения; еда в кафетерии бурая, похожая на дерьмо скунота. В комнатах водились членистоногие всевозможных семейств и видов — в основном тараканы. Джимми эта обстановка угнетала, как, очевидно, любого, чья нервная система посложнее, чем у тюльпана. Но вот такую карту подбросила ему жизнь — так сказал отец во время их неуклюжего прощания, и теперь Джимми надо получше ее разыграть.

Спасибо, папочка, подумал Джимми. Я всегда знал, что могу на тебя рассчитывать, если понадобится взаправду мудрый совет.

Академию Марты Грэм назвали в честь какой-то кровожадной богини танца из двадцатого века — в свое время из-за нее, судя по всему, слетело

немало голов. Перед зданием администрации возвышалась статуя, изображающая эту женщину в одной из ролей — бронзовая табличка сообщала, что это Юдифь, она отрезала голову какому-то парню в историческом костюме по имени Олоферн. Студенты считали, что это феминистическое вранье про былые времена. Время от времени студенты разукрашивали грудь статуи или приклеивали стальную мочалку ей на лобок — Джимми сам приклеивал, — но руководство так глубоко погрузилось в кому, что замечало лишь через несколько месяцев. Родители возражали против этой статуи — дурная поведенческая модель, говорили они, слишком агрессивная, слишком кровожадная, и ля-ля-ля, — а студенты стояли за нее горой. Старушка Марта — это наше все, говорили они, это наш талисман — эта гримаса, окровавленная голова и все прочее. Она символизирует жизнь, искусство или еще что. Руки прочь от Марты. Оставьте ее в покое.

Академию Марты Грэм основала в последней трети двадцатого века кучка ныне покойных богатых либералов, сердобольных благотворителей из Старого Нью-Йорка. Это задумывалось как высшее учебное заведение для изучения искусств и гуманитарных наук. Основной упор тогда делал-

ся на исполнительские виды искусства — драму, пение, танцы и так далее. В восьмидесятых годах добавилась кинорежиссура, а потом видеоискусство. И все это по сей день преподавалось — студенты ставили пьесы, Джимми впервые увидел «Макбет» во плоти и решил, что Анна К. на сайте для вуайеристов гораздо убедительнее изображала Леди Макбет, сидя на толчке.

Студенты отделения песни и танца по-прежнему пели и танцевали, хотя и с меньшим энтузиазмом, и набор на эти специальности сильно сократился. Что касается сценических искусств, то представления «вживую» сильно пострадали из-за диверсий начала двадцать первого века. В те годы ни один нормальный человек не захотел бы оказаться в темноте, в замкнутом пространстве, при большом стечении народа, то есть своими ногами прийти на заклание. Во всяком случае, ни один нормальный человек со статусом или положением в обществе. Театральные представления превратились в «Пойте с нами», помидорные бомбардировки и конкурсы «Мокрая футболка». И хотя различные старые формы еще ковыляли по жизни — комедийные телесериалы или рок-видеоклипы, — смотрели их древние старцы, явно мучимые ностальгией.

Так что учиться в Академии Марты Грэм было все равно что изучать латынь или переплетное дело: теоретически по-своему приятно, однако решительно бесполезно, хотя время от времени президент колледжа читал заунывные лекции про жизненную важность искусства, которое занимает почетное место в громадном красном бархатном амфитеатре человеческого сердца.

Что касается режиссуры и видеоискусства, они уже давно никому не были нужны. Любой человек с компьютером мог скомпоновать что угодно с чем угодно или обработать и как угодно отредактировать старые материалы. Можно скачать стандартный сюжет и добавить туда любые лица и тела. Джимми сам сделал обнаженку из «Гордости и предубеждения»[24] и «На маяк», просто ради смеха, а на уроке визкусства в «Здравайзере» — «Мальтийского сокола»[25] с костюмами от Кейт Гринуэй и в стилистике Рембрандта (глубина-и-тень). Хорошо получилось. Темные тона, великолепные светотени.

---

[24] Примечания: 24

«*Гордость и предубеждение*» (1813) — роман английской писательницы Джейн Остин (1775–1817).

[25] Примечания: 25

«*Мальтийский сокол*» (1941) — фильм американского режиссера Джона Хьюстона по одноименному детективному роману Дэшила Хэммета, с Хамфри Богартом в главной роли.

При таком истощении — такой эрозии бывшей территории интеллекта — Академия Марты Грэм мало что могла предложить студентам. Меценаты, положившие начало академии, перемерли, доход с фондов, выделенных любителями искусства, упал, и академии пришлось искать финансирования у более практичных людей; поэтому в учебной программе стали преобладать другие виды предметов. Современные, как их называли. Динамика сетевых игр, к примеру — на этом еще можно было заработать. Или изобразительная презентация, которая значилась в расписании как подраздел изобразительных и пластических искусств. Получив ученую степень по ИзоПу, как звали этот предмет студенты, можешь заниматься рекламой, будь спок.

Или, скажем, проблематика. Проблематика — это для людей с большим словарным запасом, так что Джимми выбрал ее. Студенты называли этот курс «сочиняй — завлекай». Как у всех предметов в Академии Марты Грэм, у проблематики имелось практическое применение. «Мы дадим вам профессии, которые нужны!» — гласил девиз под оригинальным девизом на латыни — Ars

Longa Vita Brevis[26].

Особых иллюзий Джимми не питал. Он примерно знал, чего может ожидать носитель дурацкого диплома по специальности «проблематика». В лучшем случае — малевать декорации, приукрашивать жесткий и холодный мир чисел жизнерадостным двухмерным пустословием. В зависимости от своих успехов на курсах по специальности — прикладной логике, прикладной риторике, медицинской этике и терминологии, прикладной семантике, релятивизме и усовершенствованном введении в заблуждение, сравнительной культурной психологии и так далее, — он сможет выбрать между малеванием декораций для большой Корпорации задорого или для шаткой заштатной фирмы по дешевке. Жизненные перспективы напоминали ему предложение — не пристойное, просто тягучее предложение с кучей лишних придаточных: этой остротой он пользовался направо и налево в барах и пабах на территории Академии в «счастливые часы», когда кадрят девчонок. Нельзя сказать, что Джимми его предвкушал, этот остаток жизни.

---

[26] Примечания: 26
Искусство вечно (*лат.*).

Тем не менее он с головой ушел в жизнь Академии Марты Грэм, нырнул в нее, точно в окоп, и пригнулся до особого распоряжения. Квартиру в общежитии — две крохотные комнаты, посередине ванная, засиженная мокрицами, — он делил с фундаменталисткой-веганкой по имени Бернис; у нее были слипшиеся сосульками волосы, которые она убирала назад, прихватывая их деревянной заколкой в форме тукана, и носила она исключительно футболки с девизами вертоградарей, которые — из-за ее принципиального неприятия химикатов и дезодорантов в том числе — воняли даже сразу после стирки.

Бернис дала ему понять, как относится к его мясоедству, похитив его кожаные сандалии и устроив на газоне их показательное сожжение. Джимми запротестовал, сказал, что сандалии были из кожзаменителя, а Бернис ответила, что они изображали кожаные — а это уже преступление, так что сандалии свою участь заслужили. После того как Джимми привел к себе нескольких девушек — Бернис это не касается, они вели себя довольно тихо, если не считать хихиканья, вызванного употреблением некоторых препаратов, и вполне объяснимых стонов, — она выразила свою точку зрения на секс с согласия сторон,

запалив его трусы.

Джимми пожаловался на нее в Студенческую службу, и после нескольких попыток — Студенческая служба в Академии Марты Грэм была печально известна своим пофигизмом, поскольку набирали туда вышедших в тираж третьеразрядных актеров из забытых телесериалов, которые не могли простить миру, что лишились ничтожной славы, — ему все-таки выделили отдельную комнату. (*Сначала мои сандалии, потом мое белье. А потом она сожжет меня. Эта женщина — пироманка; хорошо, я перефразирую: у нее отсутствует тестирование реальности. Хотите более конкретных свидетельств аутодафе моего белья? Посмотрите в этот конвертик. Если в следующий раз вы увидите меня в урне, в виде пепла и парочки зубов, вся ответственность за это будет лежать на вас. Слушайте, я студент, вы Студенческая служба. У вас это прямо вот тут, на бланке написано, видите? Имейте в виду, я обо всем написал президенту*.)

(Разумеется, всего этого он не говорил. Ему хватило ума. Он улыбался, изображал здравомыслящего человека, старался вымучить у них сочувствие.)

После этого, когда Джимми выбил себе от-

дельную комнату, жизнь слегка наладилась. По крайней мере, он мог беспрепятственно вести светскую жизнь. Он обнаружил, что его меланхолия привлекает определенный тип женщин, полухудожниц, знающих толк в душевных ранах, — в Академии Марты Грэм таких пруд пруди. Щедрые, заботливые идеалистки, думает теперь Снежный человек. Они и сами были ранены жизнью и стремились исцелиться. Сначала Джимми кидался к ним на помощь: у него такое благородное сердце, говорили ему, настоящий рыцарь в сияющих доспехах. Он вытягивал из них истории о боли, прикладывал себя как припарку. Но вскоре процесс давал задний ход, и Джимми превращался из врача в пациента. Женщины начинали понимать, насколько изранен он сам, и хотели помочь ему обрести новое видение жизни, овладеть позитивными аспектами собственной духовности. Он был для них творческим проектом: сырье — Джимми в его нынешнем угрюмом виде, конечный продукт — счастливый Джимми.

Джимми позволял им над собой работать. Их это взбадривало, они чувствовали, что нужны. Трогательно — до каких крайностей они способны дойти. А от этого он будет счастлив? А от этого? Ну ладно, а может быть, от *этого*? Но он

неусыпно следил, как бы не снизить градус своей меланхолии. Иначе они станут рассчитывать на награду или, в крайнем случае, результат, потребуют следующего шага, а потом обещаний. Но с чего бы ему резко глупеть и отказываться от серого дождливого шарма — своих сумерек, туманного ореола, который их когда-то и привлек?

— Я пропащий тип, — говорил он им. — У меня эмоциональная дислексия. — Еще он говорил, что они прекрасны, что они его заводят. И никогда не врал, все так и было, все по-честному. Он говорил, что силы, которые они вкладывают, ухнут в него, как в черную дыру, он — свалка эмоциональных отходов, и им следует наслаждаться здесь и сейчас.

Рано или поздно они начинали жаловаться, что он отказывается воспринимать жизнь всерьез. А ведь поначалу сами же советовали ему взбодриться. Запал иссякал, и начинались слезы, и тогда он говорил, что любит. Старался произнести это безнадежным голосом: его любовь — чаша с ядом, она чревата духовным отравлением, она спустит их с небес на те мрачные глубины, где заточен он сам, он так любит их и потому хочет, чтобы они не пострадали, спаслись, т. е. покинули его гибельную жизнь. Некоторые видели его

насквозь — *Джимми, когда ты повзрослеешь!* — но в целом метод себя оправдывал.

Он неизменно грустил, когда они уходили. Ему не нравилось, когда на него злились, его огорчал гнев любой женщины, но когда они теряли терпение, он понимал, что все кончено. Он ненавидел, когда его бросали, хотя сам это подстраивал. Но вскоре на его пути появлялась другая загадочная ранимая женщина. То были времена простого изобилия.

Но он не врал — не всегда врал. Он и впрямь любил этих женщин — на свой манер. И впрямь хотел сделать так, чтобы им стало легче. Просто у него дефицит внимания.

— Подлец, — говорит Снежный человек вслух. Хорошее слово — *подлец*, из старых добрых времен.

Разумеется, эти женщины знали, что произошло с его матерью. Собаки лают, ветер носит. Снежному человеку стыдно вспоминать, как он использовал эту историю — намек тут, недосказанность там. Женщины утешали его, а он катался в их внимании, как сыр в масле, тонул в нем, втирал его в кожу. Прямо как в косметическом салоне.

К тому времени мать приобрела статус суще-

ства мифического, сверхчеловека с темными крыльями, глазами, горящими, как само Правосудие, и с огненным мечом. Добравшись в своем рассказе до того момента, когда она украла скунота Убийцу, он обычно выдавливал пару слезинок — не из себя, а из слушательницы.

И что ты сделал? (Расширенные глаза, ладонь на его руке, сочувственный взгляд.)

Ну, как сказать. (Пожать плечами, отвернуться, сменить тему.)

Он не всегда притворялся.

Одну Орикс не впечатлил образ его матери, зловещий и крылатый. *Значит, Джимми, твоя мама куда-то уехала? Плохо. Но, может, у нее были важные причины. Ты об этом думал?* Орикс не жалела ни его, ни себя. Она не была бесчувственной — наоборот. Но она отказывалась чувствовать то, что он ей навязывал. Может, потому он и попался — потому что не мог получить от нее то, что остальные отдавали ему добровольно? Может, в этом ее секрет?

Университет Аспергера[27]

Коростель и Джимми переписывались по электронной почте. Джимми ныл и жаловался на академию, надеясь, что получается остроумно, описывая преподавателей и студентов эпитетами необычными и пренебрежительными. Он повествовал о своей диете, состоящей из переработанного ботулизма и сальмонеллы, присылал Коростелю списки многоногих тварей, которых находил у себя в комнате, жаловался на отвратительное качество развлекательных субстанций, продающихся в местном студенческом торговом центре. Из самосохранения он скрывал сложности своей личной жизни, ограничиваясь минимальными, как он полагал, намеками. (*Эти девочки, может, и не умеют считать до десяти, но кому в койке нужна арифметика? Главное, пусть думают, что это — десять. Ха-ха, шутка.*)

Он не мог удержаться от легкой похвальбы:

---

[27] Примечания: 27

Ганс Аспергер (1906–1980) — австрийский психиатр, в 1944 году первым описал названный его именем синдром нарушений развития, характеризующийся серьезными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий. Для носителей синдрома характерны сниженные способности к вербальной коммуникации и ограниченная эмпатия.

судя по всему — по тем сведениям, что у него имелись, — то была единственная сфера, где он Коростеля обошел. В «Здравайзере» Коростель не был, что называется, сексуально активен. Девочки его побаивались. Ну да, ему удалось охмурить парочку ненормальных, которые думали, что он умеет ходить по воде, всюду за ним таскались, слали ему слезливые страстные письма и угрожали вскрыть себе вены, если он им откажет. Может, он даже спал с ними, когда получалось, но не более того. По его словам, любовь, хоть и меняла химию тела, а следовательно, была реальной, все равно представляла собой лишь гормонально обусловленное состояние, близкое к бреду. Ко всему прочему, это унизительно, потому что ты в невыгодном положении, а объект любви обладает слишком большой властью. Что касается секса как такового, в нем не хватало азарта и новизны, и в целом он как метод передачи генов следующему поколению оставляет желать лучшего.

Девчонки, с которыми встречался Джимми, считали Коростеля мрачным и жутким типом, и Джимми, чувствуя себя победителем, вставал на его защиту:

— С ним все в порядке, он просто немного не от мира сего, — обычно говорил он.

Но кто знает, что сейчас творилось в Коростелевой жизни? Фактов он сообщал очень мало. Был ли у него сосед или девушка? Он об этом никогда не упоминал, но это ничего не значило. Как правило, он описывал оборудование Института — просто потрясающее, пещера Аладдина, забитая сокровищем — оборудованием для биологических исследований — и… о чем же еще он писал? *Что* имел сказать Коростель в своих кратких отчетах из Уотсон-Крика? Снежный человек не помнит.

Правда, они играли в шахматы — долгие партии, по два хода в день. Теперь Джимми играл гораздо лучше; теперь Коростель не отвлекал его — не барабанил пальцами по столу и не напевал себе под нос, будто просчитал партию на тридцать ходов вперед и теперь благосклонно ожидает, когда Джимми додумается наконец в очередной раз пожертвовать ладью. А между ходами Джимми мог залезть в Сеть и посмотреть, как играли великие гроссмейстеры, как проходили знаменитые игры прошлого. Коростель вполне мог заниматься тем же.

Где-то через полгода Коростель потихоньку разговорился. Он писал, что учиться приходится гораздо усерднее, чем в «Здравайзере», потому

что конкуренция выше. Студенты называли Уотсон-Крик университетом Аспергера — здесь по коридорам толпами бродят, скачут и рыскают гениальные психи. С генетической точки зрения все они почти аутисты; узкоспециализированное однонаправленное мышление подразумевает определенную степень асоциальности, но, к счастью для студентов, деканат весьма толерантно относится к девиантному общественному поведению.

Больше, чем в «Здравайзере»? — спросил Джимми.

По сравнению с этим местом «Здравайзер» — плебсвилль, — ответил Коростель. — *Просто скопище НТ.*

НТ?

Нейротипических.

Это что?

Отсутствие гена гениальности.

Ну а ты нейротипический? — спросил Джимми на следующей неделе, как следует обдумав ситуацию. Он переживал, является ли нейротипическим, а если так, хорошо это или плохо, по философии Коростеля. В конце концов Джимми пришел к выводу, что он нейротипический и это плохо.

Но Коростель на вопрос не ответил. Он всегда так делал: если ему задавали вопрос, на который не хотелось отвечать, он делал вид, что вопроса не было.

Тебе нужно приехать и посмотреть на этот паноптикум, — написал он Джимми в конце октября, когда они оба учились на втором курсе. — *Это бесценный опыт, честное слово. Я сделаю вид, что ты мой нормальный, скучный двоюродный брат. Приезжай на День благодарения.*

Альтернатива для него, Джимми, — ужин с индейкой и двумя индейками, которые называют себя его родителями, ответил Джимми, а ему как-то неохота, и он с удовольствием примет приглашение. Он сказал себе, что делает Коростелю одолжение, что он Коростелю друг, куда податься одинокому Коростелю на каникулы? Разве что к старому скучному австралопитеку дяде Питу, который Коростелю и не дядя вовсе. А еще Джимми понял, что соскучился по Коростелю. Они не виделись больше года. Интересно, Коростель изменился?

До каникул Джимми нужно было закончить пару курсовых. Разумеется, он мог купить их в Сети — в Академии Марты Грэм всем было наплевать, плагиат цвел махровым цветом, превратившись

в отрасль местного бизнеса, — но у него были свои принципы. Он написал курсовые сам, пусть это эксцентрично; трюк оправдывал себя, когда дело касалось того типа женщин, которые учились и работали в академии. Им нравились мужчины, склонные к оригинальности, готовые рисковать и требовательные к собственному интеллектуальному труду.

По той же самой причине он часами сидел в самых малопосещаемых разделах библиотеки, выискивая книги, хранящие в себе мудрость былых веков. В институтах, у которых было больше денег, все книги давным-давно сожгли за ненадобностью, и данные хранились на CD-ROM, но Академия Марты Грэм, как всегда, отстала от жизни. Нацепив фильтр для носа, чтобы не надышаться плесенью, Джимми пасся среди полок, набитых заплесневелой бумагой, и время от времени вытаскивал себе книгу наобум.

Отчасти его гнало упрямство, даже обида. Система определила его в ряды отверженных, и то, чем он занимался, на уровне принятия решений, на уровне, где обитала настоящая власть, считалось архаичной тратой времени. Ладно, в таком случае он доведет излишнее до логического завершения. Он станет поборником излишнего,

его защитником и хранителем. Кто там сказал, что искусство совершенно бесполезно? Джимми не помнил, но все равно спасибо ему. Чем более устаревшей оказывалась очередная книга, тем решительнее Джимми добавлял ее в свою внутреннюю коллекцию.

Еще он составлял списки старых слов — точных и богатых смыслом, уже не нужных в современности (или в «совренности», как он иногда нарочно писал это слово; преподаватели помечали на полях: «Описка!», чтобы показать, что от их зоркого взгляда ничто не укроется). Джимми запоминал древние словечки и временами небрежно вставлял их в разговоры: предестинация, трунить, жовиальный, смарагд. Он питал странную нежность к этим словам, будто они дети, заблудившиеся в лесу, и его долг — их спасти.

Одна из курсовых — по прикладной риторике — называлась «Книги двадцатого века из серии “Помоги себе сам”: эксплуатация страха и надежды». Эта курсовая снабдила его материалом для комедийных выступлений в студенческих пабах. Он цитировал отрывки из разных книг — «Как выработать уверенность в себе», «Подготовка к самоубийству с помощью друга за двенадцать шагов», «Как завоевывать друзей и оказывать

влияние на людей», «Плоский живот за пять недель», «Как выкладываться на 150 % на работе и дома», «Как устраивать домашние приемы, если у вас нет горничной», «Тяжелая утрата для чайников» — и приятели, столпившись вокруг, надрывали животики.

Да, у него снова завелась компания приятелей, он вновь открыл для себя это удовольствие. О, Джимми, покажи «Пластические операции своими руками»! Покажи «Достучись до своего внутреннего ребенка»! Покажи «Раскрепощение женственности»! Покажи «Выращивание нутрий для дохода и для удовольствия»! Покажи «Руководство по выживанию в мире свиданий и секса»! И Джимми, вечно готовый на все паяц, делал одолжение. Иногда он придумывал книги, которых не существовало в природе, — «Излечение дивертикулеза с помощью молитв и заговоров» стало одним из лучших его творений, — и никто не замечал подлога.

Позже он использовал эту тему для диплома. Он получил высший балл.

От Академии Марты Грэм до Института Уотсона-Крика можно было доехать на скоростном поезде всего с одной пересадкой. Три часа Джимми в основном глазел в окно на плебсвилли.

Гравийные карьеры, ряды обшарпанных домиков, многоквартирные дома с крошечными балконами, на перилах сушится белье; фабрики, из труб валит дым. Огромная куча мусора — рядом, очевидно, мусоросжигательный завод. Торговый центр — похож на те, что были в «Здравайзере», только вместо электрокаров — обыкновенные машины. Залитый неоном ряд магазинов и увеселительных заведений выстроился вдоль дороги, пабы, стрип-бары и кинотеатр, археологическая древность. Джимми заметил несколько трейлерных парков и долго думал, каково в них жить, — от одной мысли кружилась голова, все равно что представлять себе пустыню или море. В плебсвиллях все казалось безграничным, проницаемым, пористым и открытым всем ветрам. В полной власти случая.

Житейская мудрость охраняемых поселков гласила, что в плебсвиллях не происходит ничего интересного, кроме покупок и продаж. Никакой интеллектуальной жизни. Покупка и продажа, а еще разгул преступности; но Джимми все это казалось таинственным и интересным — все, что творилось по ту сторону защитных барьеров. А еще опасным. Он не знал, как и что там полагается делать, как себя вести. Даже не смог бы

там снять девчонку. Его вывернут наизнанку в мгновение ока и будут трясти, пока голова не оторвется. Он станет посмешищем, легкой поживой.

Служба безопасности Уотсон-Крика не шла ни в какое сравнение с жалкой пародией в академии: вероятно, здесь боялись, что какой-нибудь фанатик проникнет в институт и взорвет самые блестящие умы поколения, нанеся тем самым непоправимый ущерб чему-нибудь. Вход в Уотсон-Крик охраняли десятки ККБешников с пистолетами-распылителями и резиновыми дубинками; в униформе Уотсон-Крика, но и дураку ясно, кто эти люди на самом деле. Они просканировали сетчатку глаза Джимми и прогнали его данные через компьютерную систему, а потом двое мрачных здоровяков отвели его в сторону, чтобы допросить. Он тут же понял, в чем дело.

— В последнее время ты не видел свою мать?

— Нет, — честно ответил он.

— Может, от нее были какие-то новости? Телефонный звонок, открытка? — Значит, они по-прежнему читают его почту. Значит, все открытки хранятся у них на компьютерах, плюс данные о его нынешнем местонахождении — потому они и не спросили, откуда он приехал.

Тоже нет, ответил он. Они подключили его к

монитору нейронных импульсов, поэтому видели, что он не врет, но также поняли, что вопрос его взволновал. Ему хотелось сказать: «А даже если б я что-то знал, тебе не сказал бы все равно, обезьяна», — но он уже достаточно повзрослел, он понимал, что смысла никакого, что скорее всего его отправят обратно в Академию Марты Грэм на ближайшем поезде или что похуже.

— Ты не знаешь, чем она занималась в последнее время? С кем общалась?

Джимми не знал, но ему показалось, что у них есть какие-то соображения на этот счет. Правда, демонстрацию по поводу «Благочашки» в Мэриленде они не упомянули — может, они осведомлены хуже, чем ему кажется.

— А сюда ты зачем приехал, сынок? — Им стало скучно. Все самое интересное они уже спросили.

— На каникулы, навестить старого друга, — сказал Джимми. — Мы вместе учились в школе «Здравайзер». Он теперь учится здесь. Он меня пригласил. — Он назвал имя Коростеля и номер разрешения посетителя, который тот ему дал.

— Студент, да? А чем он занимается?

— Трансгенетикой, — ответил Джимми.

Они нашли файл, просмотрели, нахмурились — похоже, досье Коростеля их впечатлило. Потом

куда-то позвонили по мобильному, — кажется, ему не поверили. Мол, почему такой неудачник вдруг решил навестить такую знаменитость? Но наконец его пропустили, и снаружи стоял Коростель — в темном, как всегда, без логотипов. На вид повзрослел, похудел и поумнел. Коростель опирался на барьер и ухмылялся.

— Привет, орех пробковый, — сказал он, и ностальгия стиснула Джимми, будто внезапный голод. Он так обрадовался Коростелю, что чуть не расплакался.

Волкопсы

По сравнению с Академией Уотсон-Крик был верхом роскоши. При входе стояла бронзовая статуя козука/паукоза — символа института. Козук был одним из первых удачных гибридов, его вывели в Монреале в начале века, скрестив козу с пауком — вместе с молоком козук выдавал нити чрезвычайно прочной паутины. Сейчас она использовалась в основном в бронежилетах. ККБ без этой штуки просто не мог бы существовать.

Огромная территория за стеной безопасности была прекрасно спланирована: Коростель сказал, что это работа факультета ЛандДиза. Студенты факультета ботанической трансгенетики (отделение декоративных растений) создали целую кучу тропических гибридов, с иммунитетом к засухам и наводнениям, с яркими листьями и цветами — хромово-желтыми, огненно-красными, светящимися голубыми и неоново-лиловыми. Дорожки, в отличие от раздолбанных цементных тропинок в академии, ровные и широкие, студенты и преподаватели ездили по ним на электрокарах.

По всей территории института возвышались

огромные искусственные скалы — комбо-матрица из переработанных пластиковых бутылок и растительного материала от огромных древовидных кактусов. Там и сям торчали литопсы — живые камни из семейства аизовых. Запатентованный процесс, сказал Коростель; его изобрели здесь, в Уотсон-Крике, и он не переставая приносил изобретателям деньги. Искусственные скалы выглядели совсем как настоящие, но меньше весили. К тому же они впитывали воду в периоды повышенной влажности и высвобождали ее в засуху — то есть действовали как природные регуляторы влажности для газонов. Продукт назывался «Скалогулятор». К ним, однако, не следовало приближаться в периоды проливных дождей — время от времени скалы взрывались.

Коростель говорил, что от большинства багов уже избавились и каждый месяц институт выпускает новые разновидности этих скал. Студенты подумывали о разработке продукта «Модель Моисея» — она будет хранить запасы свежей питьевой воды на случай кризиса. Предлагается слоган: «Просто ударьте по ней посохом».

— Как это устроено? — спросил Джимми, стараясь не выдавать восхищения.

— Вопрос не ко мне, — ответил Коростель. — Я

же не неогеолог.

— А бабочки новые? — спросил Джимми через некоторое время. Он разглядывал огромную бабочку — жуткого розового цвета, а крылья размером с хороший блин. Она и ей подобные облепили какой-то фиолетовый кустарник.

— Ты хочешь спросить, существовали они в природе или были созданы человеком? Другими словами, оригинал или фальшивка?

— М-м, — протянул Джимми. Ему совершенно не хотелось беседовать с Коростелем на тему «Что есть настоящее?».

— Знаешь, как люди красят волосы или вставляют новые зубы. А женщины увеличивают сиськи?

— Ну да, и что?

— Теперь настоящий вид этих людей — именно такой. Каким образом они его обрели — уже не важно.

— Силиконовые сиськи все равно не похожи на настоящие, — сказал Джимми — он считал, что имеет об этом некоторое представление.

— Если ты понял, что это фальшивка, — ответил Коростель, — значит, хирурги схалтурили. Эти бабочки летают, спариваются, откладывают яйца, из которых потом вылупляются гусеницы.

— М-м, — снова сказал Джимми.

Соседа по комнате у Коростеля не было. Зато была квартира, декорированная под дерево, с автоматическими жалюзи и кондиционером, который по правде работал. Большая спальня, душ с подачей пара, гостиная (она же столовая) с выдвижным диваном — будешь квартировать здесь, сказал Коростель, — и рабочий кабинет со встроенной звуковой системой и полным набором всяческих компьютерных примочек. Приходили горничные, они забирали грязное белье и возвращали чистое. (Эта новость расстроила Джимми: в академии ему приходилось самому стирать вещи в громыхающих старых стиральных машинах и потом сушить в безумных сушилках, которые то и дело порывались спалить все, что им скармливали. Стиральные машины и сушилки работали на пластиковых жетонах: пока они принимали монеты, кто-нибудь регулярно приходил и вскрывал их фомкой.)

Была в квартире и кухонька, отделанная в веселеньких тонах.

— Я не очень пользуюсь микроволновкой, — сказал Коростель. — Так, только на перекус. Большинство студентов питается в столовой. У каждого факультета своя столовая.

— Ну и как там еда? — спросил Джимми. Он постепенно начинал чувствовать себя троглодитом. Живет в пещере, одолеваем блохами, грызет старую кость.

— Еда как еда, — безразлично ответил Коростель.

В первый день Коростель показал ему часть чудес Уотсон-Крика. Коростеля интересовало всё — все проекты. Он непрерывно повторял: «За этим будущее». После третьего раза Джимми захотелось его убить.

Сначала они пошли на факультет Ботанического Декора, где пять старшекурсников разрабатывали Умные Обои, меняющие цвет в зависимости от настроения хозяина дома. В эти обои, сказали они Джимми, встроена модифицированная форма водорослей, улавливающих энергию излучения Кирлиана, а под водорослями — слой питательных веществ, но недоработки пока есть. Обои быстро портятся при влажной погоде, потому что сжирают всю еду и от этого сереют; и к тому же не отличают слюнявую похоть от кровожадной ярости и становятся миленького розового оттенка, когда им полагается быть мрачного темно-красного цвета с зеленоватым отливом, такого, чтобы кровь из глаз пошла.

Эта группа работала еще над банными полотенцами с такими же способностями, но пока не справилась с основным принципом морской жизни: намокая, водоросли набухают и растут. Респондентам очень не понравилось, что вчерашние полотенца за ночь надуваются, как прямоугольный зефир, и начинают ползать по полу в ванной.

— За этим будущее, — сказал Коростель.

Потом они отправились на факультет неоагрикультур — студенты называли его агрокутюр. У входа пришлось надеть костюмы биозащиты, вымыть руки и надеть фильтры для носа, потому что им покажут не совсем безопасные биологические виды. Женщина, смех которой напоминал дятла Вуди Вудпеккера из мультика, повела их по коридорам.

— Последняя разработка, — сказал Коростель.

Они стояли перед большим непонятно чем в форме луковицы. Непонятно что было покрыто пупырчатой бело-желтой кожей. Из него торчало двадцать толстых мясистых трубок, на конце которых росли другие луковицы.

— Это еще что за дрянь? — спросил Джимми.

— Это цыплята, — объяснил Коростель. — Части цыплят. На этом растут грудки. Есть такие,

которые специализируются на окорочках, по двенадцать на каждую единицу.

— Но у них же нет голов, — сказал Джимми. Концепцию он понял — сам рос среди sus multiorganifer, — но тут, на его взгляд, ребята зашли слишком далеко. У свиноидов его детства хотя бы головы были.

— Голова вот, в середине, — сказала женщина. — В верхней части есть ротовое отверстие, туда вводятся питательные вещества. Но глаз и клювов у них нет, им не надо.

— Какой ужас, — сказал Джимми. Эта хренови-на — какой-то оживший кошмар. Просто клубень животного белка.

— Представь себе актинию, — сказал Коростель. — Это поможет.

— Но о чем оно думает? — спросил Джимми.

Женщина выдала очередной вудпеккеровский йодль и объяснила, что все функции мозга ликвидированы, за исключением тех, что отвечают за пищеварение и рост.

— Это что-то вроде помеси курицы с глистом, — сказал Коростель.

— Гормоны роста вводить не требуется, — сказала женщина. — Высокий уровень роста заложен в них изначально. Через две недели получаешь

готовые грудки — на три недели быстрее, чем при использовании самых эффективных фермерских методов, с низким светом и высокой плотностью размещения и все такое. И эти уроды, которые заботятся о самочувствии животных, не придерутся, потому что эта штука не чувствует боли.

— Эти ребята озолотятся, — сказал Коростель, когда они вышли из здания. Студенты в Уотсон-Крике получали половину прибыли от продажи своих изобретений. Коростель сказал, что это отличный стимул. — Они собираются это назвать «Пухлокуры».

— Оно уже продается? — убитым голосом спросил Джимми. Подумать жутко, что ему придется есть этих «Пухлокур». Все равно что съесть гигантскую бородавку. Но, как и с силиконовыми имплантатами — качественными, — может, он и не почувствует разницы.

— Они уже выстроили франчайзинговую сеть, — сказал Коростель. — Инвесторы вокруг института бродят табунами. Они с этой штуковиной собьют цены на рынке.

Джимми начало злить то, как Коростель представлял его остальным: «Это Джимми, он нейротипический», — но понимал, что лучше промолчать. И все равно каждый раз казалось,

будто его обзывают каким-нибудь кроманьонцем. Скоро посадят в клетку, станут кормить бананами и тыкать электродами.

Женщины, доступные в университете Уотсон-Крик, не произвели на Джимми особого впечатления. Может, они и не были доступны — все как одна явно думали о других вещах. Редкие попытки Джимми пофлиртовать наталкивались на удивленные взгляды — удивленные и недовольные, будто он этим женщинам нагадил на любимый ковер.

Учитывая их запущенность, пренебрежение личной гигиеной и украшениями, им следовало бы от любого знака внимания падать в обморок. Всеобщая униформа — клетчатые рубашки; прически девушкам не удавались — они выглядели так, будто головы имели неосторожность близко пообщаться с секатором. В целом девушки напоминали ему Бернис, пироманьячку, веганку и верную дщерь вертоградарей. В академии девушки вроде Бернис были скорее исключением: все лица женского пола пытались создать впечатление, что они были, являются или будут танцовщицами, актрисами, певицами, художницами, концептуальными фотографами или еще чем-нибудь не менее изысканным. Они стре-

мились к гибкости форм и старались выглядеть стильно, хотя одним это удавалось лучше, другим хуже. Но здесь внешний вид а-ля Бернис был правилом — разве что религиозных футболок мало. Обычно футболки местного населения были исписаны сложными математическими уравнениями, над которыми хихикали те, кому удавалось их расшифровать.

— Что на этой футболке написано? — спросил Джимми, когда ему это надоело: все показывают большой палец, а он пялится с глупым видом человека, у которого только что слямзили кошелек.

— Эта девушка — физик, — ответил Коростель, словно это все объясняло.

— И что?

— Эта футболка про одиннадцатое измерение.

— И в чем фишка?

— Это сложно, — сказал Коростель.

— Ну, я попробую понять.

— Надо знать про все измерения, и как они помещаются внутри уже известных измерений.

— И?

— Ну, что-то вроде: я могу поднять тебя на седьмое небо, но оно лежит от нас в нескольких наносекундах, а в нашем пространстве нет спосо-

ба эти наносекунды измерить.

— И все это символами и числами?

— В общем, да.

— А.

— Я не говорил, что это *смешно*, — сказал Коростель. — Они физики. Это только им смешно. Ты спросил — я ответил.

— Значит, она вроде как говорит, что они могли бы потрахаться, будь у него такой член, как ей надо, только у него такого члена нет? — спросил Джимми, который мучительно обдумывал услышанное.

— Джимми, ты гений, — ответил Коростель.

— Факультет Биозащиты, — сказал Коростель. — Последний, я обещаю. — Он видел, что Джимми сник. На самом деле все это навевало слишком много воспоминаний. Лаборатории, биологические виды, ученые, которых ничего не волнует, кроме их науки, — так похоже на прошлую жизнь, на детство. А возвращаться в детство Джимми совсем не хотелось. Марта Грэм и то лучше.

Они стояли перед клетками. В каждой сидела собака. Все разных пород и размеров, но все смотрели на Джимми с любовью, умильно виляя хвостами.

— Это что, приют для бездомных собак? — спросил Джимми.

— Не совсем, — ответил Коростель. — За ограждение не заходи и не суй руки.

— Но они вроде дружелюбные, — сказал Джимми. Его снова накрыла давняя тоска по домашней зверушке. — Они продаются?

— Это не собаки, просто похожи на собак. Это волкопсы — специально выведены, чтобы обманывать. Попробуй погладить такого песика, и он отхватит тебе руку. В них много от питбуля.

— Но зачем создавать таких собак? — Джимми попятился. — Кому это надо?

— ККБ, — ответил Коростель. — Работа под заказ. Куча денег. Они хотят выкопать рвы и посадить туда этих зверей.

— Рвы?

— Ну да. Лучше любой сигнализации. Этих зверей не отключишь. И приручить их нельзя, в отличие от обычных собак.

— А если они убегут? Начнут убивать? Начнут размножаться, популяция выйдет из-под контроля — как эти здоровые зеленые кролики?

— Тогда проблем не оберешься, — сказал Коростель. — Но они не убегут. Природа относится к зоопарку, как Бог к церкви.

— И что это значит? — Он особо не прислушивался к словам Коростеля, он думал о «Пухлокурах» и волкопсах. Отчего ему кажется, что человечество перешло какую-то черту, нарушило границы? Слишком много — это сколько? Слишком далеко — это куда?

— Стены и решетки тут не просто так, — сказал Коростель. — Не чтобы не впускать нас, а чтобы не выпускать их. Человечеству необходимы ограды в обоих случаях.

— Кого — их?

— Природу и Бога.

— А я думал, ты не веришь в Бога, — заметил Джимми.

— Я и в Природу не верю, — ответил Коростель. — По крайней мере, в Природу с большой буквы П.

Гипотетически

— Слушай, а девушка у тебя есть? — спросил Джимми на четвертый день. Он приберегал этот вопрос до правильного момента. — Тут есть из чего выбирать. — Это должно было прозвучать иронично. Он не мог представить себя с этой женщиной, которая смеялась, как Вуди Вудпеккер, или с этими девушками, у которых числа по всей груди, но и Коростеля он с ними представить не мог. Коростель слишком утонченная натура.

— Не то чтобы, — коротко ответил Коростель.

— Что значит *не то чтобы*? У тебя есть девушка, но она не человек?

— Образование пар на данном этапе не одобряется, — сказал Коростель, будто читая руководство. — Нам следует полностью сосредоточиться на работе.

— Вредно для здоровья, — сказал Джимми. — Подбери себе кого-нибудь.

— Тебе хорошо говорить, — ответил Коростель. — Ты у нас стрекоза, я муравей. Я не могу позволить себе тратить время на непродуктивные беспорядочные поиски.

Впервые за все время их знакомства Джимми

подумал — возможно ли? — что Коростель ему завидует. Или он просто надутый выпендрежник, уже попал под тлетворное влияние Уотсон-Крика. Джимми захотелось спросить: *«Так как там твоя супер-пупер-миссия супер-пупер-гения? Снизойдешь рассказать?»*

— Я бы не назвал это тратой, — вместо этого сказал он, пытаясь ободрить Коростеля. — Если, конечно, ты своего добился.

— Если совсем приперло, можно обратиться в Студенческую службу, — довольно сухо сказал Коростель. — Они вычитают цену из твоей стипендии, так же как за проживание и кормежку. Работники приходят из плебсвиллей, опытные профессионалы. И, разумеется, их проверяют на наличие заболеваний.

— Студенческая служба? Да ладно тебе! Они *что*, прости, делают?

— В этом есть смысл, — ответил Коростель. — Если рассматривать как систему, получается, что мы избегаем утечки энергии в непродуктивные сферы жизни и не тратим ее на всякую ерунду. Студенты-женщины, разумеется, могут воспользоваться теми же услугами. Любой цвет, любой возраст — ну, почти. Любой тип телосложения. Все, что пожелаешь. Если ты гей или какой-ни-

будь фетишист, они и тебе что-нибудь подберут.

Сначала Джимми решил, что Коростель шутит. Но Коростель не шутил. Джимми хотел спросить, что Коростель пробовал — к примеру, не пробовал ли спать с женщиной, у которой ампутированы все четыре конечности. Но вопрос вдруг показался ему слишком личным. К тому же Коростель мог подумать, что Джимми над ним смеется.

Еда в столовой на факультете Коростеля была просто фантастическая — настоящие креветки вместо «РакоСои», которую им давали в академии, и, судя по всему, настоящая курица; правда, ее Джимми не ел — не мог забыть «Пухлокур». А еще сыр, совсем как настоящий, хотя Коростель сказал, что сыр из овощей, из какого-то нового сорта цукини.

В десертах было много шоколада, настоящего шоколада. А в кофе — много кофе. Никаких жженых зерен и патоки. «Благочашка», но кому какая разница? И настоящее пиво. Пиво точно настоящее.

Все это приятно отличалось от того, что давали в Академии Марты Грэм, хотя приятели Коростеля порой забывали о приличиях и ели руками, вытирая губы рукавами рубашек. Джимми

был не особо брезглив, но это уже граничило со свинством. Да еще они постоянно бубнили, даже если их никто не слушал. Непрерывно говорили о проектах, над которыми работают. Поняв, что Джимми не работает над *пространством*, а учится в институте, который они считали мусорной кучей, — они потеряли к нему всякий интерес. Своих однокашников они называли конспецифичными, а всех остальных людей — неспецифичными. Популярная шутка.

В общем, у Джимми отсохло желание тусоваться вечерами. Ему нравилось сидеть у Коростеля, проигрывать ему в шахматы или в «Трехмерный Уэйко» или расшифровывать надписи на магнитиках для холодильника — те, что без чисел и символов. В Уотсон-Крике развилась целая культура, связанная с этими магнитиками: люди их покупали, меняли, делали сами.

Нет мозгов – нет проблем (и зеленая голограмма в виде мозга).

Силиконзнание.

Я брожу из пространства в пространство.

Хочешь врубиться в мясорубку?

Время – деньги, не лезь в мой карман.

Милый козук/паукоз, расскажи, кем ты создан,

расскажи?[28]

Опыты жизни подобны резвящемуся скуноту.

Я думаю, следовательно, я спамлю.

Природа – не храм, а мастерская.

Иногда они смотрели телевизор или лазили по сайтам в Сети, как в старые добрые времена. «Голые новости», «Алибахбах», «Мозгоплавка» и прочая жвачка для мозгов. Они готовили в микроволновке попкорн, курили траву, которую студенты с факультета ботанической трансгенетики выращивали в парнике, а потом Джимми вырубался у себя на диване. После того, как он привык к своему статусу в этом сборище гениев — нечто вроде кактуса на подоконнике — жизнь стала почти терпимой. Надо только расслабиться и глубоко дышать, как на тренажерах. Через пару дней он отсюда уедет. А пока любопытно послушать Коростеля, когда Коростель один и в настроении разговаривать.

---

[28] Примечания: 28

Парафраз стихотворения Уильма Блейка «Агнец». Цитируется по переводу С. Степанова.

В предпоследний вечер Коростель сказал:

— Давай я расскажу тебе один гипотетический сценарий.

— Я весь внимание, — сказал Джимми. На самом деле он клевал носом — слишком много попкорна и пива, — но сел и натянул внимательную маску, отработанную еще в школе. Гипотетические сценарии — любимое Коростелево развлечение.

— Аксиома: болезнь не продуктивна. Сама по себе она не дает преимуществ, не производит материальных ценностей и, следовательно, не приносит прибыли. Впрочем, она является предлогом для различной деятельности, но в финансовом плане только вызывает перетекание денег от больных к здоровым. Денежный поток идет от пациентов к докторам, от клиентов к торговцам панацеей. Можно сказать, денежный осмос.

— Принято, — согласился Джимми.

— Теперь давай предположим, что ты — организация под названием «Здравайзер». Предположим, ты зарабатываешь деньги, торгуя лекарствами и процедурами, которые лечат больных людей или — что еще лучше — делают так, чтобы люди больше не болели.

— Ну и? — сказал Джимми. Ничего гипотетического: этим «Здравайзер» и занимался.

— Что тебе потребуется рано или поздно?

— Новые лекарства?

— А потом?

— Что значит потом?

— Когда вылечишь все существующие болезни.

Джимми сделал вид, что задумался. Думать на самом деле не имело смысла: ясное дело, Коростель уже придумал всесторонний ответ на свой вопрос.

— Помнишь, что случилось с дантистами, когда изобрели новое средство для полоскания? Которое заменяло бактерии зубного камня другими бактериями, безвредными, заполнявшими ту же экологическую нишу, то есть твой рот. Стали не нужны пломбы, и многие дантисты разорились.

— И?

— Значит, тебе понадобятся новые больные. Или — что, наверное, то же самое — новые болезни. Новые, отличные от старых, не так ли?

— Резонно, — сказал Джимми, подумав. И впрямь. — Но ведь ученые все время открывают новые болезни?

— Не открывают, — ответил Коростель. — *Соз-*

дают.

— Кто? — спросил Джимми. Вредители, террористы — Коростель про них? Все прекрасно знали, что они занимаются такими вещами — по крайней мере, пытаются. Но пока им не удалось создать ничего путного: их слабенькие болезни слишком безыскусны, если выражаться языком охраняемых поселков, и бороться с ними — раз плюнуть.

— «Здравайзер», — ответил Коростель. — Он этим занимается уже много лет. Существует целое секретное подразделение, исключительно для этого. А потом распространение. Послушай, это же гениально. Враждебные биологические виды распространяются в витаминах — просто входят в их состав. Помнишь безрецептурные витамины «Здравайзер»? Они разработали красивую систему доставки — внедрили вирус в бактерию-носителя. Сплайс E. coli, не переваривается, открывается в привратнике желудка — и вуаля. Разумеется, точечно, но потом уже не нужно продолжать, иначе их запалят, даже в плебсвиллях есть ребята, которые в этом разбираются. Как только биологический вид оказался в популяции плебсвилля, предприятие, можно считать, увенчалось успехом. Если учесть, как

люди в плебсвиллях дышат друг другу в затылок, они сами сделают всю работу. Естественно, одновременно с болезнью разрабатывается лекарство, но его придерживают. Экономика дефицита гарантирует высокие доходы.

— Умоляю, скажи, что ты все это выдумал!

— Лучшие вирусы с точки зрения доходов, — продолжал Коростель, — это вирусы, которые вызывают затяжные заболевания. В идеале — для максимизации прибыли — пациент должен либо выздороветь, либо умереть как раз перед тем, как у него кончатся деньги. Нужен тонкий расчет.

— Но это ведь ужасно, — сказал Джимми.

— Мой отец тоже так думал, — сказал Коростель.

— Он *знал*? — Джимми окончательно проснулся.

— Он выяснил. И поэтому его столкнули с моста на шоссе.

— Кто столкнул? — спросил Джимми.

— Прямо в поток машин.

— Ты, часом, не параноик?

— Ни капли, — ответил Коростель. — Это голая правда. Я хакнул почту отца до того, как они почистили его компьютер. Там были все улики, которые ему удалось собрать. Результаты анали-

за этих витаминных таблеток. Вообще всё.

У Джимми по спине пополз нехороший холодок.

— Кто знает, что ты в курсе?

— Угадай, кому он об этом сказал? — спросил Коростель. — Матери и дяде Питу. Он собирался кинуть клич на одном пиратском сайте, там большая аудитория, все поставки витаминов в плебсвилли были бы сорваны, вся система под откос. Финансовый кризис, потеря рабочих мест. Он хотел сначала их предупредить. — Коростель помолчал. — Он думал, что дядя Пит не знает.

— Ух ты, — сказал Джимми. — Значит, один из них…

— А может, оба, — сказал Коростель. — Дядя Пит не хотел, чтобы прибыльность предприятия пострадала. Мать могла испугаться, что, если отец пойдет ко дну, она пойдет ко дну вместе с ним. А может, ККБ. Может, отец странно вел себя на работе. Или они решили его проверить. Он все шифровал, но если я смог прочесть, значит, и они смогли.

— Все это очень странно, — сказал Джимми. — Значит, они убили твоего отца?

— Казнили, — сказал Коростель. — Они бы это слово использовали. Сказали бы, что он чуть не

уничтожил изящную концепцию. Что они действовали во имя общего блага.

Они сидели молча. Коростель изучал потолок, будто им восхищался. Джимми не знал, что сказать. Утешать — просто глупо.

Наконец Коростель сказал:

— Как вышло, что твоя мать вот так сбежала?

— Я не знаю, — сказал Джимми. — Полно причин. Не хочу об этом говорить.

— Наверняка твой отец в чем-то подобном участвовал. В какой-то афере, наподобие той, что в «Здравайзере». Наверняка она поняла, в чем дело.

— Ой, вряд ли, — ответил Джимми. — Я думаю, она связалась с какой-то сектой, вроде вертоградарей. С психами какими-нибудь. В любом случае мой отец не стал бы…

— Наверняка она поняла, что они начинают понимать, что она знает.

— Я устал, — сказал Джимми. Он зевнул и внезапно по правде устал. — Я, пожалуй, отваливаюсь.

«Вымирафон»

В последний вечер Коростель спросил:

— Сыграем в «Вымирафон»?

— «Вымирафон»? — переспросил Джимми. Потом вспомнил: скучная сетевая игра с вымершими растениями и животными. — Мы же играли в нее сто лет назад. Неужели она еще существует?

— Она и не прекращалась — сказал Коростель. Джимми уловил подтекст: Коростель всю дорогу не прекращал. Небось играл один все эти годы. Ну, он известный маньяк, это не новость.

— И какой у тебя общий счет? — из вежливости спросил Джимми.

— Набираешь три тысячи, — ответил Коростель, — становишься Гроссмейстером. — То есть Коростель эти три тысячи набрал, иначе не стал бы говорить.

— Замечательно, — сказал Джимми. — А приз тебе дали? Хвост и оба уха?

— Давай я тебе кое-что покажу, — сказал Коростель. Он подключился, зашел на сайт, загрузил. Появилась знакомая надпись: *«ВЫМИРАФОН», под наблюдением Беззумного Аддама. Адам давал*

имена живым тварям, Беззумный Аддам перечисляет имена тварей мертвых. Хотите сыграть?

Коростель кликнул «Да» и ввел свой ник: *Красношеий Коростель*. Над ником появился значок латимерии. А потом надпись, которой Джимми раньше не видел:

>>Добро пожаловать, Гроссмейстер Красношеий Коростель. Вы выбираете общую игру или игру с другим Гроссмейстером?

Коростель выбрал второе.

>>Хорошо. Выберите чат, Беззумный Аддам вас ждет.

— Беззумный Аддам — это человек? — спросил Джимми.

— Это группа людей, — ответил Коростель. — Или группы.

— И чем они занимаются, эти Беззумные Аддамы? — Джимми чувствовал себя дураком. Все равно что смотреть старые шпионские фильмы — про Джеймса Бонда, например. — Кроме подсчитывания шкур и черепов.

— Смотри. — Коростель вышел из «Вымирафона», хакнул сайт плебсвилльского банка и оттуда перескочил на сайт производителя запчастей для солнцекаров. Он кликнул по изображению колпака, и на экране появилась папка «Аппетитные

голопопки». У файлов не было имен, только даты, он выбрал один, перекинул его на лист кувшинки в лабиринте, оттуда перескочил на другой, затер следы, открыл файл там и загрузил картинку.

Фотография Орикс — Орикс, которой лет семь или восемь, обнаженной Орикс, только венки и ленточки. Взгляд, что она подарила Джимми, прямой, пренебрежительный, всезнающий взгляд, который поразил его, когда ему было — сколько? Четырнадцать? У него до сих пор хранилась распечатка, он сложил ее и спрятал подальше. Она — его личная, эта фотография: его вина, его стыд, его желание. Зачем Коростель сохранил ее? *Украл* ее.

Джимми будто пыльным мешком огрели. *Что она тут делает?* — хотелось закричать ему. — *Она моя! Отдай ее мне!* Его опознали, все пальцы тычут в него, лица хмурятся, а какая-нибудь чокнутая копия Бернис уже разводит костер из его белья. Его настигла кара, но за что? Что он сделал? Ничего. Только смотрел.

Коростель подвел курсор к левому глазу девочки, кликнул по радужке. Это был шлюз: на экране открылось окно чата.

>>Приветствую, Гроссмейстер Коростель. Введите свой код.

Коростель ввел. Появилась новая фраза:

>>Адам именовал живых тварей. Беззумный Аддам их переделывает.

По экрану поползли электронные бюллетени, с местами и датами — судя по всему, отчеты ККБ с пометкой «Только для защищенных адресов».

Крошечные осы-паразиты проникли на объекты, где выращивают «Пухлокур»; оказалось, что осы являются переносчиками модифицированной формы ветряной оспы, которая заразна и смертельна только для «Пухлокур». Зараженные объекты пришлось сжечь с целью не допустить распространения заболевания.

Новый вид обычной домашней мыши, питающейся изоляцией электропроводки, был обнаружен в Кливленде. Мыши явились причиной беспрецедентного количества пожаров в домах. Меры контроля находятся на стадии тестирования.

Кофейные зерна «Благочашки» были уничтожены новым видом долгоносиков, у которого обнаружился иммунитет ко всем известным пестицидам.

Маленькие грызуны, гибрид дикобраза с бобром, появились на северо-западе. Они забираются под капоты припаркованных автомобилей и

грызут ремни вентиляторов и системы трансмиссий.

Микроб, поедающий гудрон в асфальте, превратил в песок несколько шоссе федерального значения. В районах катастроф введен карантин.

— Что происходит? — спросил Джимми. — Кто всем этим занимается?

Бюллетени исчезли, появилась новая надпись:

>>Беззумному Аддаму нужны новые идеи. У вас они есть? Поделитесь с нами.

Коростель напечатал:

>>Извините, перерыв. Должен идти.

>>Хорошо, Гроссмейстер Красношеий Коростель. Поговорим позже. Коростель закрыл окно.

У Джимми появилось нехорошее чувство — оно впервые возникло, когда сбежала мать: ощущение запретного, будто распахнулась дверь, которая должна быть закрыта, будто в подземелье, в темноте, прямо у него под ногами бурлит какая-то секретная жизнь.

— Что это было? — спросил он. Может, все это фигня, сказал он себе. Может, Коростель просто выпендривается. Может, Коростель сам все это придумал, хитрый розыгрыш, чтобы Джимми напугать.

— Я точно не знаю, — ответил Коростель. —

Сначала думал, очередная свихнувшаяся организация, типа «Освободите животных». Но это серьезнее. Кажется, они борются с аппаратом. Со всей системой, хотят ее уничтожить. Человеческих жертв пока не было, но им это явно под силу.

— Тебе нельзя туда лезть! — ахнул Джимми. — Тебе нельзя с ними связываться! Кое-кто может подумать, что ты с ними заодно. А что, если тебя поймают? На «Мозгоплавке» окажешься! — Джимми очень испугался.

— Не поймают, — сказал Коростель. — Я всего лишь смотрю, что и как. Но сделай одолжение, не упоминай об этом в письмах.

— Ясное дело, — сказал Джимми. — Но зачем вообще рисковать?

— Мне просто любопытно, — ответил Коростель. — Я сижу у них в приемной, дальше меня не пускают. Наверное, они из охраняемых поселков или учились там. Они слишком сложные биоформы выводят. Не думаю, что такое могут создать в плебсвиллях. — Он искоса посмотрел на Джимми — этот взгляд (как теперь понимает Снежный человек) означал доверие. Коростель ему доверял. Иначе не показал бы этот тайный форум.

— Может, это ловушка ККБ, — сказал Джимми. Они имели привычку открывать такие проекты, а потом отлавливать подрывные элементы. Он слыхал, это называется прополкой. Говорят, в охраняемых поселках полно таких потенциально смертоносных ходов. — Будь осторожнее.

— Конечно, — ответил Коростель.

Но Джимми хотелось спросить о другом: *Почему из всех возможных картинок, из всех шлюзов ты выбрал ее?*

Но он не мог спросить. Не мог выдать себя.

Во время того визита случилось еще кое-что — важное, хотя Джимми тогда не обратил внимания.

В первую ночь, когда Джимми спал на выдвижном диване, он услышал крики. Сначала подумал, что снаружи — в академии, например, полно было шутников, — но крики доносились из комнаты Коростеля. И кричал Коростель.

Не просто кричал — орал. Без слов. И это происходило каждую ночь.

— Тебе что-то снилось, — сказал Джимми наутро, после того, как услышал крики в первый раз.

— Мне ничего не снится, — сказал Коростель. Он ел и смотрел в окно. Для своих габаритов ел он очень много. Дело было в скорости метаболизма:

Коростель сжигал все, что поглощал.

— Всем снятся сны, — сказал Джимми. — Помнишь, мы в школе изучали быстрый сон?

— Это когда мы кошек мучили?

— Виртуальных кошек, ага. И те кошки, которым ничего не снилось, сходили с ума.

— Я не помню, что мне снится. Возьми еще тост.

— Но тебе должно что-то сниться.

— Ладно, поправка принята, формулировка неверна. Я не имел в виду, что мне вообще ничего не снится. Я не сумасшедший — значит, что-то снится. Гипотеза, доказательство, вывод, если А, значит, не Б. Достаточно? — Коростель улыбнулся и налил себе кофе.

Коростель своих снов не помнил. Теперь их помнит Снежный человек. Хуже того: он не просто помнит их, он в них живет, тонет в них, застрял в них. Каждый момент, что он прожил за последние месяцы, когда-то приснился Коростелю. Неудивительно, что он орал.

9

Поход

Через час Снежный человек наконец выходит из бывшего парка. Он уходит все дальше от морского берега, по разгромленным бульварам, проспектам, улицам и дорогам плебсвилля. Повсюду разбитые солнцекары: одни сбились в покореженнные кучи после аварии, другие сгорели, третьи стоят себе, словно хозяева припарковали их и ушли. Попадаются грузовики и фургоны, модели на энергетических ячейках, старые газовые и дизельные машины, вездеходы. Несколько велосипедов, несколько мотоциклов — неплохой выбор, учитывая тот кошмар, что много дней подряд творился на дорогах. На двух колесах можно лавировать между машинами, пока не упадешь, пока кто-нибудь в тебя не выстрелит или не врежется.

Полужилой район — магазины на первых этажах, теперь все разграблены; темные квартирки наверху. Большинство вывесок на месте, хотя в них зияют дыры от пуль. Люди хранили обычные свинцовые пули, которые были до пистолетов-распылителей, хотя в плебсвиллях запрещалось иметь какое-либо оружие. Снежный человек не

нашел ни одной пули — старого ржавого ружья, которое можно ими зарядить, у него тоже нет.

Здания, что не сгорели и не взорвались, еще стоят, хотя сквозь щели прет растительность. Скоро она пробьет асфальт, сломает стены, сдвинет крыши. Повсюду какие-то лианы, они свисают с подоконников, вползают в квартиры через разбитые окна, лезут по решеткам. Еще немного, и весь район превратится в заросли. Если б Джимми и дальше откладывал путешествие, обратно мог бы и не вернуться. Очень скоро следы человеческого обитания исчезнут вовсе.

Но допустим — только допустим, думает Снежный человек, что он не последний выживший. Предположим, есть кто-то еще. Он усилием воли вызывает их к жизни, эти остатки цивилизации, что уцелели в изолированных убежищах, которых отрезало от остального мира, когда отрубились средства коммуникации. Монахи в пустынях и скитах, вдалеке от источников инфекции, горные пастухи, которые не якшаются с жителями равнин, затерянные племена в джунглях. Сурвивалисты — те, кто вовремя понял, в чем дело, отстреливал пришельцев, спрятался в подземных бункерах. Горцы, отшельники; бродячие психи, забинтованные в собственные

галлюцинации. Кочевники, что следуют древними тропами.

Как это произошло? — спросят их потомки, увидев следы гибели. Гибельные свидетельства. *Кто построил эти сооружения? Кто в них жил? Кто их уничтожил?* Тадж-Махал, Лувр, египетские пирамиды, Эмпайр-стейт-билдинг — все, что он видел по телевизору, в старых книгах, на открытках, в «Крови и Розах». Представь, что видишь все это без подготовки, в натуральную величину, трехмерное — испугаешься, убежишь, но затем все же начнешь искать ответ. Сперва скажешь, что это сделали титаны или боги, но рано или поздно захочешь узнать правду. У этих потомков, как и у самого Джимми, будут любопытные обезьяньи мозги.

Может, они скажут: *Это все ненастоящее. Это фантасмагория. Эти вещи кому-то приснились, но больше их никто не видит во сне, и они распадаются.*

— Предположим, чисто гипотетически, — сказал Коростель однажды вечером, — что наша цивилизация уничтожена. Хочешь попкорна?

— Масло настоящее? — спросил Джимми.

— Другого не держим, — ответил Коростель. — А разрушенную цивилизацию уже нельзя восста-

новить.

— Почему? А соль есть?

— Потому что полезные ископаемые, которые можно добыть на поверхности, уже добыты, — сказал Коростель. — А без них человечеству не светит ни железный век, ни бронзовый, ни стальной, никакой. На большой глубине полезные ископаемые есть, но высокие технологии, которые необходимы для их добычи, будут уничтожены.

— Их можно восстановить, — сказал Джимми, жуя попкорн. Он давным-давно не пробовал такого вкусного попкорна. — Инструкции ведь останутся.

— На самом деле нет, — сказал Коростель. — Это ведь не колесо, теперь технологии слишком сложные. Допустим, инструкции остались, допустим даже, остались люди, которые могут их прочесть и понять. Но таких людей будет очень мало, и к тому же у них не будет инструментов. Электричества же нету. Потом эти люди умрут — и конец. И у них не останется учеников или последователей. Хочешь пива?

— Холодное?

— Достаточно уничтожить одно поколение, — сказал Коростель. — Одно поколение чего угодно.

Жуков, деревьев, микробов, ученых, франкоговорящих, не важно. Разорви связь между одним поколением и следующим, и игра навсегда закончится.

— Кстати, об играх, — сказал Джимми, — твой ход.

Маршрут превратился в полосу препятствий: местами Снежный человек вынужден шагать в обход. Теперь он находится в узком переулке, заросшем лианами, они уже тянутся через дорогу, с крыши на крышу. Через бреши в зеленой массе Снежный человек видит стаю грифов, они лениво кружат в небе. Они тоже видят его, у них глаза, как микроскоп, могут пересчитать мелочь у тебя в кармане. Про грифов он кое-что знает.

— Рановато еще, — кричит он грифам.

Хотя зачем их разочаровывать? Если он споткнется и упадет, порежется, потеряет сознание, будет съеден волкопсами или свиноидами, кому есть до этого дело? Никому, кроме него самого. У Детей Коростеля все в порядке, он им больше не нужен. Разумеется, поначалу они будут удивляться, куда же он пропал, но он уже дал ответ: он ушел к Коростелю. Он станет актером второго плана в их мифологии, запасным демиургом. Он станет ложным воспоминанием. Оплакивать

никто не станет.

Солнце поднимается все выше и припекает все сильнее. У Снежного человека кружится голова. Он ставит ногу на землю, и от нее прочь ползет толстый канат, мелькая раздвоенным язычком. Надо быть повнимательнее. Интересно, змеи здесь ядовитые? А что было на том конце хвоста, который он чуть не отдавил, — случайно не маленькое мохнатое тельце? Он не разглядел. Будем надеяться, что нет. Официальная версия гласила, что всех змеекрыс уничтожили, но хватило бы одной пары. Всего одной пары, этаких змеекрысиных Адама и Евы, и одного злобного психа, который благословил их плодиться и размножаться, наслаждаясь мыслью, что они кишат в водосточных трубах. Крысы с длинными чешуйчатыми хвостами и змеиными ядовитыми клыками. Лучше об этом не думать.

Вместо этого он мурлычет себе под нос, чтобы взбодриться. Что за песня? «Зимняя волшебная страна». Ее крутили во всех торговых центрах на Рождество, еще много лет спустя после того, как перестал идти снег. Про то, что нужно подшутить над снеговиком, пока не растаял.

Может, он вовсе не Ужасный Снежный человек? Может, он просто снеговик, ухмыляющийся

идиот, которого слепили ради шутки и разбили тоже ради шутки, улыбка из камешков и морковный нос напрашиваются на издевательства. Может, это и есть настоящий он, последний *Homo sapiens* — белый призрак человека, сегодня есть, завтра нету, так просто уничтожить, — оставь на солнце, и он растает, будет истончаться, а потом растечется лужицей и убежит ручейком. Прямо как Снежный человек сейчас. Он останавливается, вытирает пот, выпивает половину воды из бутылки. Он надеется, что скоро найдет еще воды.

Домов все меньше, потом они и вовсе исчезают. Начинаются стоянки и склады, потом ограждение: колючая проволока меж бетонных столбов и ворота, сорванные с петель. Здесь кончаются пригороды и плебсвилли и начинаются охраняемые поселки. Конечная станция скоростного поезда — яркие, крикливые веселенькие цвета, как на детской игровой площадке. *Никакого риска,* — гласят они, — *лишь невинные детские забавы.*

Но идти здесь опасно. До сих пор можно было куда-нибудь залезть или спрятаться, если атакуют с фланга, но теперь он на открытой местности, где нет укрытий и очень мало вертикалей. Он натягивает простыню поверх бейсболки, чтобы

защититься от солнца, заворачивает ее, точно куфию, и торопливо шагает дальше. Он знает, если останется здесь надолго — непременно обгорит, несмотря на простыню. Нужно найти укрытие до полудня, когда асфальт станет слишком горячим — тогда невозможно идти.

Вот и охраняемые поселки. Он проходит поворот на «КриоГений» — небольшое подразделение: о, будь он мухой на стене, когда вырубалось электричество и две тысячи замороженных миллионерских голов, ожидающих воскрешения, начали таять. Дальше ОП «Гении-Гномы» — из огромной пробирки торчит остроухая голова эльфа, логотип компании. Снежный человек замечает, что неоновая подсветка по-прежнему горит: видимо, солнечная установка работает, хотя и не очень хорошо. Эти знаки должны были загораться ночью.

Наконец, «Омоложизнь». Место, где он сделал так много ошибок, столько всего понял неправильно, ушел в последний отчаянный загул. Больше, чем «Фермы ОрганИнк», больше, чем «Здравайзер». Самый большой охраняемый поселок.

Он проходит первую баррикаду со сломанными локаторами и разбитыми прожекторами, затем

будку контрольно-пропускного пункта. На земле распластался охранник: торс снаружи, ноги внутри. У охранника нет головы, но Снежный человек не удивляется: во времена кризиса всех захлестывают эмоции. Он проверяет, не осталось ли у охранника распылителя, но увы.

Дальше участок, где вообще нет зданий. Коростель его называл «полосой отчуждения». Ни единого дерева — скосили и срубили все, за чем можно спрятаться, сенсорами тепла и движения поделили территорию на квадраты. Странная шахматная доска уже исчезла; на всей плоской поверхности пробиваются сорняки, словно щетина на небритом лице. Снежный человек пару минут изучает поле: никакого движения, только черные птицы ссорятся на земле из-за добычи. Потом он идет вперед.

Теперь он на финишной прямой. Вдоль дороги разбросаны вещи, которые люди обронили в спешке — словно поиск сокровищ наоборот. Чемодан, рюкзак, откуда вывалилась одежда и всякое барахло, открытая косметичка, рядом — одинокая розовая зубная щетка. Браслет, заколка-бабочка, блокнот, страницы размокли, записей не разберешь.

Наверное, сначала у беглецов была надежда.

Видимо, они думали, что эти вещи им еще пригодятся. А потом передумали и оставили всё. Разжали руки.

«Омоложизнь»

Когда Снежный человек добирается до внешней стены поселка «Омоложизнь», пот течет с него ручьями, он задыхается. Стена на месте, она по-прежнему высокая — двенадцать футов, но больше не под напряжением, а колючая проволока ржавеет. Он минует внешние ворота, которые будто кто-то взорвал, останавливается в их тени, съедает энергетический батончик и допивает остатки воды. Затем продолжает путь через ров, мимо будок для часовых, где прежде стояли люди из ККБ, и застекленных кабин, где они через приборы следили за территорией, мимо укрепленной сторожевой башни со стальной дверью — теперь навеки распахнутой, — где у него когда-то снимали отпечатки пальцев и рисунок сетчатки.

Дальше аллея, которую он так хорошо помнит: утопающий в зелени жилой сектор, большие дома — псевдо-Георг, псевдо-Тюдор и псевдофранцузская провинция, извилистые улицы ведут к полю для гольфа, ресторанам, ночным клубам, больницам, торговым центрам и закрытым теннисным кортам. Все для сотрудников компании. Справа, за пределами жилого сектора, — ярко-

оранжевые изоляторы для агрессивных биоформ и черные кубы из пуленепробиваемого стекла — корпуса, где сидело руководство. А вдалеке цель путешествия Джимми — центральный парк, из-за деревьев виднеется зачарованный купол, круглый, белый и блестящий, точно ледяной шар. При одном взгляде на него Снежный человек содрогается.

Но сейчас у него нет времени на тщетные роптания. Он спешит по главной улице, огибая груды тряпок и обглоданные человеческие скелеты. Почти ничего не осталось, кроме костей — грифы отлично поработали. Когда он уходил, все это напоминало поле битвы и воняло, как на бойне, однако сейчас тихо, и смрад почти не чувствуется. Свиноиды распахали все газоны, повсюду кучи их дерьма — к счастью, не особо свежего.

Первоочередная задача — найти еду. Имеет смысл пойти по дороге туда, где раньше находились торговые центры — там скорее найдется что пожрать, — но Снежный человек слишком голоден. И нужно укрыться от солнца — немедленно.

Он выбирает второй поворот налево, к жилым домам. На обочине уже растут сорняки. Улица идет по кругу, в центре — островок зелени, там растут кусты, чахлые и неподрезанные, с яркими

красными и фиолетовыми цветами. Какой-то экзотический сплайс, через пару лет исчезнет. Или наоборот, разрастется, все заполонит, выживет местную растительность. Кто знает? Весь мир теперь — один огромный эксперимент, вышедший из-под контроля (Коростель сказал бы, что так всегда и было), и вовсю работает доктрина непредвиденных последствий.

Снежный человек выбирает небольшой дом, в стиле королевы Анны. Передняя дверь заперта, но окно разбито — наверное, какой-то обреченный грабитель побывал здесь до него. Интересно, что этот бедолага искал: еды, уже бесполезных денег или просто ночлега? Что бы это ни было, вряд ли оно ему помогло.

Снежный человек выпивает пару пригоршней воды из каменной птичьей поилки, украшенной лягушками с тупыми мордами. После вчерашнего ливня воды в поилке до краев и не особо много птичьего дерьма. Интересно, какую заразу переносят птицы и есть ли она в их дерьме? Придется рискнуть. Он моет лицо и шею, наполняет свою бутылку. Потом осматривает дом — нет ли кого живого. Он не может избавиться от ощущения, что кто-то — такой же, как он, — лежит в засаде, где-нибудь за углом, за приоткрытой дверью.

Он снимает темные очки, вытирает их простыней. Забирается в дом через окно: одна нога, потом другая, но сначала палка. Внутри полутьма, волосы на руках встают дыбом: клаустрофобия и негативная энергия уже давят. Воздух плотный, будто паника сгустилась здесь и еще не рассеялась. Вонь — как в неисправной канализационной трубе.

— Эй! — кричит он. — Есть тут кто? — Он ничего не может поделать с собой: любой дом говорит о потенциальных обитателях. Хочется уйти: к горлу подступает тошнота. Но он закрывает нос вонючей простыней — по крайней мере, это его собственный запах — и идет по гниющему ковру, мимо тусклых очертаний пухлых мебельных репродукций. Раздается писк и топот маленьких лапок — здесь все оккупировано крысами. Он старается идти осторожнее. Для крыс он ходячий труп. К счастью, судя по звукам, это обычные крысы. Змеекрысы не пищат, они шипят.

Пищали, шипели, поправляет он сам себя. Их ликвидировали, они исчезли, он настаивает.

Но сначала — главное. Он находит в столовой бар и быстро его обшаривает. Полбутылки бурбона, больше ничего, только пустая тара. Сигарет тоже нет. Наверное, семья была некурящая, а мо-

жет, сигареты утащил тот, кто был здесь до него.

— Иди ты на хер! — говорит он серванту из мореного дуба.

Потом по застеленной ковром лестнице на цыпочках поднимается на второй этаж. Почему так тихо, будто и впрямь грабитель? Так получается. Разумеется, в доме живут люди, они спят. Разумеется, если он будет шуметь, они проснутся. Но он понимает, что это глупо.

В ванной комнате, на буром кафеле растянулся мужчина — точнее, то, что от него осталось. В полосатой пижаме, сине-малиновой. Странно, думает Снежный человек, почему, едва появляется опасность, люди мчатся в ванную. Видимо, в этих домах ванная была чем-то вроде святилища, там всегда можно помедитировать в одиночестве. А также поблевать, поистекать кровью из глаз, высрать собственные кишки и безнадежно пошарить в аптечке, ища таблетку, которая тебя спасет.

Приятная ванная. Джакузи, керамические мексиканские русалки на стенах, головы украшены цветами, светлые волосы ливнем струятся по плечам, груди маленькие и округлые, соски ярко-розовые. Он бы с удовольствием принял душ — наверное, тут должен быть запасной бак для дождевой воды, — но в ванне лежит какое-то

затвердевшее дерьмо. Снежный человек берет кусок мыла — пригодится, и проверяет, нет ли в шкафчике солнцезащитного крема, — безуспешно. Контейнер с «НегойПлюс», полупустой, и бутылочка с аспирином, которую он забирает. Он думает, не взять ли зубную щетку, но ему противно совать в рот щетку мертвеца, поэтому он берет только зубную пасту. На тюбике написано: «Для белоснежной улыбки». Замечательно, ему как раз нужна белоснежная улыбка, правда, он пока не придумал — зачем.

Зеркало на дверце шкафчика разбито — последняя вспышка бесполезной ярости, космического протеста — *Почему так? Почему я?* Он понимает этого человека, на его месте он бы сделал то же самое. Разбил бы что-нибудь, обратил последний промельк себя в кучу осколков. Разбитое стекло посыпалось в раковину, но Снежный человек все равно внимательно смотрит под ноги — от них теперь зависит его жизнь, как у лошади. Если не сможет ходить, станет крысиным обедом.

Он идет по коридору. Хозяйка дома лежит в спальне, на кровати, под огромным розово-золотым пуховым одеялом, торчат рука и плечо — кости и сухожилия в ночной рубашке под леопарда. Лица он не видит, ну и ладно, зато волосы

сохранились, будто это парик: темные корни, серебристые пряди, стиль «под мальчика». Бывает красиво — зависит от женщины.

Одно время он любил копаться в чужих туалетных столиках, если выпадал шанс, но тут лезть в ящики неохота. Вряд ли найдется что-то новенькое. Белье, сексуальные игрушки, бижутерия вперемешку с огрызками карандашей, мелочь и английские булавки. Если повезет — дневник. В школе ему было забавно читать девчачьи дневники: все эти большие буквы, лес восклицательных знаков и фразы навзрыд — *люблю люблю люблю ненавижу ненавижу ненавижу* — и цветные подчеркивания, как в чокнутых письмах, которые он получал на работе. Обычно он ждал, пока девчонка пойдет в душ, и пролистывал ее дневник. Разумеется, он искал свое имя, хотя ему отнюдь не всегда нравилось то, что он читал.

Однажды он прочел: *«Джимми ты нахал! Я знаю что ты это читаш и ненавижу тибя за это! Если я с табой трахалась это ещо низначит, что ты мне нравишся так что НЕ ЛЕЗЬ!»* Две красные линии под «ненавижу», три — под «не лезь». Ее звали Бренда. Симпатичная, жевала жвачку, сидела перед ним на уроках по жизненным навыкам. У нее на туалетном столике стояла

робособачка на солнечных батареях. Собачка лаяла, приносила пластиковую косточку и задирала ногу, испуская желтую водичку. Снежного человека всегда поражало, что у самых неприступных и стервозных девчонок в спальне были самые сентиментальные и глупые безделушки.

На туалетном столике — стандартный набор кремов, гормональных добавок, ампул и инъекций, косметика, духи. В полутьме все это тускло мерцает, точно старый натюрморт, приглушенный лаком. Снежный человек спрыскивает себя из одной бутылочки — надеется, что мускусный аромат забьет все остальные запахи. На бутылочке золочеными буквами написано «Крэк-Кокаин». Снежный человек раздумывает, не выпить ли эти духи, но вовремя вспоминает, что у него есть бурбон.

Потом он наклоняется, глядит на свое отражение в овальном зеркале — он не может противиться искушению глянуть в любое зеркало, что попадается под руку. С каждым разом потрясение сильнее. Из зеркала смотрит незнакомый человек — затуманенный взор, впалые щеки, весь в язвочках от укусов насекомых. Он выглядит на двадцать лет старше себя. Он подмигивает и улыбается отражению, показывает язык:

эффект поистине жуткий. Позади него в зеркале отражается скорлупа женщины на кровати, сейчас она почти как живая, будто в любой момент повернется к нему, раскроет объятия и шепнет — приди, возьми меня. Меня и мои волосы «под мальчика».

У Орикс был такой парик. Ей нравилось переодеваться, менять внешность, притворяться другой женщиной. Она вышагивала по комнате, танцевала стриптиз, выгибалась и позировала. Говорила, что мужчины любят разнообразие.

— Кто тебе такое сказал? — спросил Джимми.

— Ну, кто-то, — и она засмеялась. А потом он сграбастал ее в охапку, и ее парик упал… *Джи-имми!* Но сейчас он не может позволить себе думать об Орикс.

Он очухивается — стоит посреди комнаты, руки болтаются плетями, рот открыт.

— Какой я был тупой, — говорит он вслух.

Следующая дверь ведет в детскую: компьютер в ярко-красном пластиковом корпусе, шкаф забит плюшевыми медведями, на стенах обои с жирафами, на полу стойка с дисками — судя по картинкам, кровавые компьютерные игрушки. Но ребенка нет, Снежный человек не находит

тела. Может, ребенок умер и был кремирован в первые дни эпидемии, когда людей еще сжигали, а может, испугался и убежал, когда родители скопытились и начали харкать кровью. Может, этот ребенок стал одной из куч тряпья и обглоданных костей на улице. Там встречались и маленькие.

Он находит в коридоре платяной шкаф и переодевается, меняет грязную простыню на новую, на сей раз не белую, а с цветочками и листочками. Вот дети удивятся, когда увидят. «Смотрите, — скажут они. — На Снежном человеке листья выросли!» Уж они это не пропустят. В шкафу лежит целая стопка свежих выглаженных простыней, но он берет только одну. Не хочет тащить фигню, которая может и не пригодиться. Он всегда сможет вернуться, если припечет.

Снежный человек слышит голос матери, который говорит ему, чтобы положил грязную простыню в корзину для белья, — старые неврологические рефлексы так просто не исчезают, — но он бросает простыню на пол и идет вниз, на кухню. Может, там найдутся консервы, соевое мясо, бобы, сосиски, что угодно, лишь бы белок; даже овощи подойдут, суррогатные или настоящие, он все съест, — но тот, кто разбил окно, судя по всему, вычистил все шкафы. Снежный человек

находит только горсть хлопьев в пластиковом контейнере и тут же их съедает. Хлопья самые дешевые, с мусорными генами, на зуб они как картон, и приходится их долго жевать и запивать водой. Он находит три пакетика кешью, из тех, что раздавали в скоростных поездах, и немедленно опустошает один — орехи даже не очень прогоркли. Еще он находит банку с «Сойдинами», соевой рыбой. Кроме нее, в шкафу стоит только полупустая бутылка кетчупа, который подсох и забродил.

Снежный человек понимает, что холодильник лучше не открывать. Кухонная вонь идет как раз оттуда.

В одном шкафу обнаруживается работающий фонарик. Снежный человек берет его, несколько свечей и спички. Находит пластиковый пакет для мусора там, где они обычно лежат, и складывает всю добычу, включая сойдины, два пакетика с кешью, бурбон, мыло и аспирин. Еще он находит ножи, не очень острые, — выбирает два, и еще прихватывает кастрюльку. Полезно, если найдется что готовить.

Между кухней и кладовкой — маленький кабинет. Стол, на столе мертвый компьютер, факс, принтер, стакан с шариковыми ручками, шкаф

со справочниками, толковый словарь, словарь иностранных слов, Бартлеттовский сборник цитат, «Антология современной поэзии» Нортона. Парень в полосатой пижаме, который лежит наверху, видимо, тоже был специалистом по словам: референт из «Омоложизни», идеолог, политтехнолог, наемный бумагомаратель. Не повезло мужику, думает Снежный человек.

За вазой с засохшими цветами и фотографией в рамочке, на которой запечатлены отец и сын — значит, ребенок был мальчиком, лет семи-восьми, судя по всему, — лежит записная книжка. На первой странице надпись, большими буквами, наискосок: «ПОДСТРИЧЬ ГАЗОН». Ниже маленькими бледными буквами другая: «Позвонить в больницу»… Шариковая ручка так и лежит, словно выпала из ослабевшей руки: видимо, тут оно и пришло, мгновенно, болезнь и ее осознание. Снежный человек представляет себе этого мужчину, как тот понимает, что происходит, глядя на собственную руку, выводящую буквы. Наверное, он заболел одним из первых, иначе не стал бы волноваться по поводу газона.

По спине опять ползут мурашки. Почему у него такое впечатление, будто он залез в собственный дом? В тот дом, который был у него двадцать пять

лет назад, а пропавший ребенок — это он сам.

Ураган

Снежный человек идет по занавешенному сумраку гостиной в переднюю, выстраивая в голове дальнейший маршрут. Надо бы найти дом, где консервов побольше, или даже супермаркет. Можно остаться там на ночь, залезть на полку, повыше, тогда можно будет не торопиться, потратить время и отобрать только лучшее. Кто знает — может, там даже шоколад еще остался. А потом, выполнив продовольственный минимум, он пойдет к куполу грабить тамошний арсенал. С работающим пистолетом-распылителем он будет чувствовать себя намного лучше.

Он выкидывает палку из окна, потом вылезает сам, стараясь не порвать о разбитое стекло свежую простыню, не порезаться и не разодрать пластиковый пакет. Прямо напротив него на разросшемся газоне, отрезая доступ к дороге, квинтет свиноидов копается в какой-то куче — хотелось бы верить, что это просто одежда. Кабан, две свиноматки и два поросенка. Они слышат, как он вылезает на улицу, отрываются от еды и поднимают головы — увидели его, ладно. Он машет палкой над головой. Обычно они убегают

— у свиноидов долгая память, а палки похожи на электробичи, — но на сей раз удерживают позиции. Принюхиваются, будто удивлены, — может, учуяли его духи. Может, в духах какие-то аналоги феромонов — вот уж повезло. Быть затоптанным насмерть толпой похотливых свиноидов. Совершенно идиотская смерть.

Что делать, если они нападут? Вариант один: залезть обратно в окно. Успеет ли? Несмотря на короткие ноги, которые поддерживают их огромные туши, эти черти довольно быстро бегают. Кухонные ножи в мешке, к тому же они слишком короткие и тупые, вряд ли серьезно повредят взрослому свиноиду. Все равно что протыкать шину от грузовика перочинным ножиком.

Кабан опускает голову, массивную шею и плечи и в задумчивости шатко раскачивается взад-вперед. Но остальные уже уходят, поэтому он передумывает и трусит вслед за ними, выразив свое презрение кучей дерьма, которую исторгает из себя на ходу. Снежный человек не движется, пока они не скрываются из виду, потом медленно идет вперед, поминутно озираясь. Здесь слишком много их следов. Свиноиды умны, могут сделать вид, что отступают, спрятаться за угол и напасть. Навалятся на него, затопчут, а потом клыками

распорют ему брюхо и сожрут кишки. Уж он-то знает их вкусы. Всеядные умные твари, свиноиды. В коварных злобных головах вполне могут оказаться ткани человеческого неокортекса.

Ну да: вот и они, прямо по курсу. Выходят из-за куста, все пятеро — нет, уже семеро. Смотрят на него. Повернуться спиной или побежать нельзя. Снежный человек поднимает палку и отходит в сторону, туда, откуда только что пришел. Если совсем припрет, он забаррикадируется в сторожке у пропускного пункта и дождется, когда они уйдут. Потом придется изыскивать обходные пути к куполу, переулками, где найдется, куда отступать.

Но пока он проходит это расстояние, скользящими шагами, словно танцуя странный танец под зоркими взглядами свиноидов, с юга наползают темные тучи, потихоньку закрывающие солнце. Это не обычная дневная гроза: для нее слишком рано, к тому же небо зловещее, зеленовато-желтое. Ураган, причем сильный. Свиноиды исчезают, видимо, решили найти укрытие.

Он стоит у застекленной будки и смотрит, как надвигается ураган. Великолепное зрелище. Однажды он видел, как оператора-документалиста, любителя с видеокамерой, засосало прямо в воронку урагана. Как там, на побережье, чувствуют

себя Дети Коростеля? Тем хуже для Коростеля, если живые подтверждения всех его теорий унесет в небо или смоет в океан. Но этого не случится: кучи битых камней и мусора сработают как волнорезы и остановят волны. Что касается урагана, один такой они уже пережили. Уйдут в центральную пещеру посреди кучи бетонных блоков, в свой дом грома, как они говорят, и переждут ненастье там.

Налетает ветер, ворошит мусор на улицах. Между облаками высверкивают зигзаги молний. Снежный человек уже видит тонкий черный конус, который, извиваясь, спускается к земле; потом все накрывает темень. К счастью, будка пристроена к зданию службы безопасности, а эти строения по прочности могут соперничать с бункерами. Снежный человек ныряет внутрь, едва начинается дождь.

Завывает ветер, грохочет гром, все вибрирует, и то, что еще прибито к стенам и полу, дрожит, точно в гигантском моторе. В стену снаружи ударяется что-то очень большое. Снежный человек идет в глубь здания, минует одну дверь, потом другую, нащупывая в мешке фонарик. Вытаскивает его, нашаривает кнопку, и тут раздается очередной удар, и лампы над головой мигают

и зажигаются. Видно, давно сдохшая солнечная батарея ожила от удара молнии.

Он почти жалеет о том, что свет загорелся — в углу валяется пара биозащитных скафандров, и то, что осталось в них, пребывает не в лучшем состоянии. Картотека открыта, повсюду раскиданы бумаги. Судя по всему, на охранников напали. Может, они пытались остановить людей, которые покидали территорию через эти ворота, — насколько он помнит, кто-то пытался ввести карантин. Но антиобщественные элементы — а в тот момент таковыми могли считаться все поголовно, — видимо, вломились сюда, рылись в секретных документах. Какой, однако, оптимизм — верить, что эти бумажки и диски еще могут пригодиться.

Снежный человек заставляет себя подойти к костюмам, тычет их палкой. Могло быть хуже; не особо воняет, и всего несколько жуков; мягких тканей не осталось. Но оружия тоже нету. Антиобщественные элементы, видимо, забрали его с собой — впрочем, на их месте он поступил бы так же. Он так и поступил.

Он выходит из дальней комнаты, возвращается в приемную, где стоит конторка и стол. Неожиданно понимает, что зверски устал. Садится в

эргономичное кресло. Он уже очень давно не сидел в креслах — ощущения странные. Надо бы достать из мешка спички и свечи, на случай, если свет опять погаснет; копаясь в мешке, он выпивает воды и съедает еще один пакет орехов. Снаружи доносится рев ветра и чудовищные звуки, будто огромный зверь сорвался с цепи и буйствует. Ветер мчится мимо закрытых дверей, поднимает клубы пыли, в комнате все дребезжит. У Снежного человека трясутся руки. Он напуган больше, чем позволяет себе признать.

А что, если здесь водятся крысы? Здесь должны быть крысы. А что, если начнется потоп? Они будут карабкаться по его ногам! Он закидывает ноги на кресло, свешивает их с эргономичного подлокотника и обматывает простыней. Писка не расслышать — ураган слишком грохочет.

Великий человек достойно принимает вызов судьбы, говорит голос. Кто на этот раз? Мотивационный оратор, выступавший по «Омолож-ТВ», помпезный зануда в костюме. Болтун по найму. *Этому учит нас история. Чем выше барьер, тем выше прыжок. Преодоление кризиса — путь к личностному росту*.

— Ни хера я личностно не вырос, кретин! — вопит Снежный человек. — Посмотри на меня! Я

съежился! Мозги с виноградину!

Но он не знает, каких размеров должен быть обычный мозг, потому что не с кем сравнить. Он потерялся в тумане. И никаких ориентиров.

Свет снова выключается. Он остается совсем один в полной темноте.

— Ну и что? — говорит он. — Раньше ты был совсем один при свете. Какая разница? — Но разница есть.

Но он к этому готов. Он взял себя в руки. Он ставит фонарик на стол, чиркает спичкой, ухитряется зажечь свечу. Пламя колышется на сквозняке, но свеча горит, и на стол ложится кружок мягкого желтого света, комната походит на древнюю пещеру — она темна, однако защищает.

Он снова роется в мешке, достает третий пакет орехов, съедает. Потом вытаскивает бурбон, думает, отвинчивает крышку и пьет. *Буль-буль-буль*, гласит мультяшная надпись в голове. *Огненная вода*.

Милый, говорит женский голос из угла. *Ты молодец, отлично держишься*.

— Ничего подобного, — отвечает он.

Сквозняк фыркает прямо в уши — ффыф-ф, задувает свечу. Он не станет ее зажигать — бурбон уже действует. Снежный человек посидит в

темноте. Он чувствует, как Орикс плывет к нему по воздуху на крыльях из мягких перьев. Она вот-вот будет с ним. Он скрючился, уткнувшись лбом в стол и закрыв глаза, несчастный и умиротворенный.

10

Грифование

Прошло четыре сумбурных года, и Джимми окончил Академию Марты Грэм, получив свою сомнительную ученую степень по проблематике. Он не ожидал найти работу сразу и не обманулся. Он неделями рассылал свое чахлое резюме, письма возвращались слишком быстро, иногда с жирными пятнами и отпечатками пальцев мелких чиновников с уровнем развития ниже плинтуса, которые, видимо, пролистывали его бумажки за обедом. Джимми заменял грязные страницы и отсылал резюме снова.

На лето он нашел себе работу в библиотеке Академии Марты Грэм: просматривать старые книги и помечать их для ликвидации, а также выбирать, какие из них останутся на земле в электронном виде; он потерял эту работу через полтора месяца, потому что не мог заставить себя хоть что-то выкинуть. Затем он переехал к своей девушке, концептуальной художнице, длинно-

волосой брюнетке по имени Аманда Пейн[29]. Имя было ее собственным изобретением, как и многое в ней: на самом деле ее звали Барб Джонс. Ей пришлось заново изобрести себя, объясняла она, потому что изначальная личность Барб была стерта в порошок жестоким обращением семьи — белой рвани, пожирателей сахара, — и от нее остались одни никому не нужные обломки, как после дворовой распродажи. Самодельная музыкальная подвеска из гнутых вилок или трехногий стул.

Это и привлекло Джимми: для него была экзотикой сама идея дворовой распродажи. Он хотел отремонтировать Аманду, починить ее и заново покрасить. Чтобы стала как новенькая.

— У тебя доброе сердце, — сказала она ему, впервые впустив его за свою линию обороны. Уточнение: под робу.

Аманда жила в запущенном кондоминиуме в одном из Модулей и делила жилище с двумя другими художниками, мужчинами. Все трое были из плебсвиллей, все трое — стипендиаты

---

[29] Примечания: 29

Аманда Пейн (Amanda Payne) — реальная женщина, купившая право увидеть свое имя в романе Маргарет Этвуд на благотворительном аукционе «Бессмертие» британского Медицинского фонда помощи жертвам пыток в 2001 году. Фамилия Payne созвучна с «pain» — боль.

Марты Грэм и поэтому считали себя выше привилегированных, бесхребетных, дегенеративных отпрысков охраняемых поселков — например, Джимми. Им приходилось быть стойкими, держать удары, грудью пробивать себе дорогу в жизни. Они провозглашали ясность видения, которая достигалась только длительной обработкой на точильном камне реальности. Один художник пытался покончить с собой, что дало ему (намекал он) особое преимущество перед остальными. Другой ширялся, а заодно и торговал героином, а затем вместо потребления героина — а может, вместе с ним — углубился в искусство. Через несколько недель Джимми понял, что эти двое — паршивенькие ремесленники, да к тому же надутые снобы, хотя поначалу находил в них своеобразный шарм.

Те двое, которые не Аманда, еле терпели Джимми. Добиваясь их расположения, он временами хозяйничал на кухне — все три художника презирали микроволновку и гордо варили себе спагетти, — но повар из него получился так себе. Однажды он сделал большую ошибку, принеся домой ведерко пухлокурных крокетов — за углом как раз открылось отделение, а если забыть о происхождении «Пухлокур», их вполне можно

было есть. После этого те двое, которые не Аманда, вообще перестали с ним разговаривать.

Впрочем, это не мешало им разговаривать друг с другом. У этих людей было свое мнение по поводу всего, о чем они якобы имели какое-то представление; они провокационно занудствовали, толкали речи и читали проповеди, полные намеков и нацеленные — как подозревал Джимми — в основном на него. Художники считали, что игра закончилась, когда изобрели сельское хозяйство, шесть или семь тысяч лет назад. После этого эксперимент под названием «человечество» был обречен на неудачу: сначала гигантизм, обусловленный избытком пищи, затем вымирание, поскольку все пищевые ресурсы исчерпаны.

— А вы что предлагаете? — спрашивал Джимми. Ему нравилось их подкалывать — кто они такие, чтобы судить? Художники, которые напрочь не улавливали иронии, отвечали, что верный анализ — это одно, а поиск верных решений — совсем другое, и отсутствие второго не отменяет первого.

И вообще, может статься, что никакого решения нету. Человеческое общество, заявляли они, — монстр, а его основной побочный продукт — трупы и руины. Этот монстр ничему не учится,

делает одни и те же кретинские ошибки, покупая краткосрочный кайф ценой долгосрочной боли. Подобно гигантскому слизню, он пожирает остальные биологические виды, перемалывает жизнь на Земле и высирает фигурный пластиковый мусор, немедленно устаревающий.

— Вроде ваших компьютеров? — пробормотал Джимми. — На которых вы творите?

Скоро, говорили художники, игнорируя его слова, на всей планете останутся только длинные подземные трубы. В трубах будет искусственное освещение и искусственный воздух, потому что озоновый и кислородный слои Земли уже будут полностью уничтожены. Люди станут ползать по этим трубам, гуськом, нагишом, каждый видит только задницу впередиползущего, моча и экскременты падают вниз через отверстия в полу, а потом цифровое устройство случайным образом выбирает некоторых, перерабатывает и скармливает всем остальным через устройства для подачи — соски, расположенные на внутренней стороне этих труб. Система автономная и потому вечная, все будут довольны.

— Да, это, пожалуй, решит проблему войн, — сказал Джимми. — И у нас будут очень крепкие коленные чашечки. Только вот как же секс? В

таких условиях непросто, мне так кажется. — Аманда посмотрела на него неодобрительно. Неодобрительно, но понимающе: видимо, ей пришел в голову тот же вопрос.

Аманда мало разговаривала. Она человек образов, а не слов, объясняла она; утверждала, что думает картинками. Это вполне устраивало Джимми: немного синестезии никогда не повредит.

— Что ты видишь, когда я делаю вот так? — спрашивал он вначале, в их самые пылкие дни.

— Цветы, — говорила она. — Два или три. Розовых.

— А теперь? Что ты видишь?

— Красные цветы. Красные и лиловые. Пять или шесть.

— А если так? Милая, как же я тебя люблю!

— Неон! — Потом она вздыхала и говорила: — Это был целый букет.

Его трогали эти ее невидимые цветы — в конце концов, то было признание его талантов. А еще у нее был симпатичный зад и вполне настоящая грудь, хотя взгляд жестковат, это он сразу заметил.

Аманда была родом из Техаса, клялась, что помнит Техас еще до того, как там все высохло и было

унесено ветром, — правда, в таком случае, по подсчетам Джимми, ей было на десять лет больше, чем она говорила. Она работала над проектом, который назывался «Гриффити». Загружала прицеп частями тел крупных животных, вывозила их на пустое поле или стоянку заброшенного завода и складывала из этих кусков слова; потом ждала, когда прилетят грифы, и фотографировала все это с вертолета. Поначалу вокруг проекта поднялся шум, и Аманда получила несколько мешков гневных писем с угрозами от вертоградарей и психов-одиночек. Одно из писем прислала старая знакомая Джимми, Бернис, чья риторика за это время достигла новых громыхающих высот.

А потом нашелся какой-то старый и дряхлый меценат, сколотивший капитал на фермах по выращиванию донорских сердец, и дал Аманде приличный грант, полагая, что ее задумки — актуальное искусство. И это хорошо, сказала Аманда, потому что без денег ей пришлось бы расстаться с этой идеей: аренда вертолета стоит очень дорого, да еще разрешения от ККБ. Она сказала, что ребята из ККБ трясутся мелкой дрожью, едва речь заходит о воздушном пространстве. Им кажется, все хотят одного — взлететь повыше и сбросить бомбу на что-нибудь, так что, если

хочешь взлететь на арендованном вертолете, они тебе фактически в трусы залезут, если ты не какой-нибудь богатенький принц из охраняемого поселка.

Слова, которые она грифовала — это был ее термин, — должны были состоять из четырех букв. Аманда мучительно их обдумывала: у каждой буквы алфавита — свой заряд, говорила она, положительный или отрицательный, поэтому слова нужно выбирать тщательно. Концепция гласила, что грифование оживляет эти слова, а затем убивает. Это очень впечатляющий процесс: «Будто наблюдаешь за тем, как думает Господь», сказала она во время сетевой конференции. Она загрифовала слово «БОЛЬ» — намек на ее фамилию, как она отметила в интервью в чате, — потом «КОМУ», а потом «ТЕЛО». Тем летом, когда с ней был Джимми, у нее случился творческий кризис: она никак не могла придумать следующее слово.

Когда Джимми понял, что еще одна порция вареных спагетти — и его стошнит, а Аманда, которая пялится в никуда и жует прядь своих волос, уже не вызывала желания и восторга, он наконец нашел работу. Предприятие называлось «НоваТы», это был небольшой охраняемый поселок, расположенный так близко к одному из беднейший

ших плебсвиллей, что вполне мог находиться на его территории. Немногие согласились бы там работать, будь у них другие варианты, решил Джимми в тот день, когда проходил интервью; возможно, это объясняло слегка заискивающую манеру интервьюеров. Джимми не сомневался, что их уже послали куда подальше десять или все двадцать предыдущих кандидатов. Он подал им мысленный сигнал: я не совсем то, о чем вы мечтали, зато продамся по дешевке.

Интервьюеры — двое, мужчина и женщина, — сообщили Джимми, что их впечатлила его диссертация, посвященная книгам двадцатого века из серии «Помоги себе сам». Их корпорация, сказали они, как раз занимается выпуском материалов для самосовершенствования — разумеется, не книг, а DVD, CD-ROM и сайтов. Конечно, основной доход приносят не материалы, а оборудование и альтернативные лекарственные средства, которые необходимо заказать, чтобы добиться желаемого эффекта. В здоровом теле — здоровый дух, как говорится, и Джимми займется именно духовной составляющей. Другими словами, продвижением товаров.

— Людям нужно совершенство, — сказал мужчина. — Быть совершенными.

— Но они хотят, чтоб им объяснили, как этого добиться, — сказала женщина.

— Как можно доступнее, — сказал мужчина.

— Вдохновенно, — сказала женщина. — И позитивно.

— Они хотят услышать про «до и после», — сказал мужчина. — Это искусство возможного. Но, разумеется, никаких гарантий.

— Вы великолепно в этом разбираетесь, — сказала женщина. — Мы это поняли, прочитав вашу дипломную работу. Нам она показалась очень зрелой.

— Если знаешь один век, знаешь и все остальные, — сказал мужчина.

— Но эпитеты изменились, — сказал Джимми. — Нет ничего хуже устаревших эпитетов.

— Именно! — сказал мужчина таким тоном, будто Джимми только что разгадал загадку Вселенной. Мужчина пожал ему руку так, что у Джимми захрустели кости, а женщина улыбнулась тепло, но беззащитно, и Джимми тут же спросил себя, замужем ли она. Платили в «НоваТы» не очень хорошо, но, возможно, у этой работы будут другие преимущества.

Вечером он рассказал Аманде Пейн, как ему повезло. В последнее время она ворчала по пово-

ду денег; ну, не ворчала, зато вставляла намеки — «не одной же ей все тащить» — в тяжелые затяжные периоды молчания, которые ей особо удавались. Поэтому он решил, что она обрадуется. Последнее время и в койке у них шло не очень — по сути дела, с тех самых «Пухлокур». Может, станет лучше сейчас, перед расставанием, когда дело идет к долгой, прочувствованной и эмоциональной финальной сцене. Джимми уже репетировал последние реплики: *Я не тот, кто тебе нужен, ты заслуживаешь лучшего, я разрушу твою жизнь* и так далее. Но такие вещи надо оттачивать, и пока что он расписывал свою новую работу.

— Теперь я смогу приносить в дом деньги, — сказал он в заключение тоном, который казался ему жизнерадостным, но ответственным.

Аманду это не впечатлило.

— ГДЕ ты собираешся работать? — только и спросила она; вероятно, это означало, что в «НоваТы» работает кучка омерзительных подлецов, которые наживаются на человеческих фобиях и опустошают банковские счета доверчивых, не уверенных в себе людей. Оказалось, что у Аманды была какая-то подруга, которая подписалась на пятимесячный план «НоваТы» —

избавление от депрессии, морщин и бессонницы одновременно, — и эта подруга шагнула за грань — точнее, из окна своей квартиры на десятом этаже, — напившись настойки из коры какого-то южноамериканского дерева.

— Я в любой момент могу им отказать, — сказал Джимми, выслушав эту байку. — Вступлю в стройные ряды хронически безработных. Нет — пожалуй, стану жить на содержании у красивых женщин. Вот как сейчас, например. Шутка, шутка, только не бей меня!

Несколько дней Аманда молчала больше обычного. Потом сказала, что творческий кризис прошел, она придумала следующее ключевое слово для проекта «Гриффити».

— И что это за слово? — спросил Джимми, делая вид, что ему интересно.

Аманда вгляделась в его лицо.

— «Люби», — сказала она.

«НоваТы»

Джимми переехал в маленькую квартиру в ОП «НоваТы»: спальня в алькове, тесная кухня, мебель в стиле пятидесятых. Жилище мало чем отличалось от его комнаты в академии, но, по крайней мере, тут водилось меньше фауны. Вскоре Джимми понял, что с точки зрения корпорации является просто-напросто пишущим рабом. Его задачей было работать мозгами — по десять часов в день блуждать в лабиринтах синонимов и дебрях пустословия. А потом наверху оценивали то, что он написал, и возвращали на доработку. *Нам бы хотелось более… менее… не совсем то*. Но со временем он стал делать успехи, что бы это ни значило.

Косметические кремы, тренажеры, энергетические батончики, которые превратят ваши дряблые мышцы в сногсшибательную мускулатуру древнегреческой статуи. Таблетки, которые сделают вас толще, худее, лысее, волосатее, белее, темнее, чернее, желтее, сексуальнее и счастливее. Задача Джимми — описывать и восхвалять, изображать доступное — о, такое доступное. Надежда и страх, желание и отвращение — все это был

его инвентарь, ими он жонглировал. То и дело он придумывал новые слова — *напрягаемость, фибрационность, феромонимальный,* — но его ни разу не поймали. Начальству нравились такие слова маленькими буквами на упаковках — они казались научными и убедительными.

Ему следовало радоваться успехам на почве словоизобретения, но он впал в уныние. Записки от начальства, сообщающие ему, что он замечательно справляется с работой, ничего не значили — их писали невежды, лишнее доказательство тому, что никто в «НоваТы» не в силах по достоинству оценить способности Джимми и его интеллект. Он понял, почему серийные убийцы иногда сами подсказывают полиции, где их искать.

Социальная жизнь — впервые за много лет — отсутствовала как факт; в такой пустыне в плане секса он не бывал с восьми лет. Аманда Пейн маячила где-то в прошлом, как затерянная лагуна (про обитающих в этой лагуне крокодилов он на время забыл). Почему он так легко ее бросил? Потому что ждал встречи со следующей женщиной. Однако ту женщину из «НоваТы», которая его собеседовала и на которую он возлагал такие большие надежды, он больше никогда не видел, а остальные, те, кого он встречал на работе или в

барах охраняемого поселка, были злобными хищными акулами или настолько явно отчаялись, что даже он от них шарахался. Он опустился до флирта с официантками, но и тут ему ничего не выгорело. Они видели много молоденьких мальчиков с хорошо подвешенным языком и понимали, что он не представляет собой ровным счетом ничего.

В столовой для сотрудников его никто не знал — опять новичок, опять проходить всю лестницу заново. Поэтому он ел сойбургеры в торговом центре или покупал навынос порцию жирных жареных крокетов из «Пухлокур» и жевал за компьютером, вечерами торча на работе. Компания еженедельно устраивала корпоративное барбекю — глобальный крысятник, куда в обязательном порядке следовало приходить всем сотрудникам. Джимми ненавидел это мероприятие всей душой. Ему не хватало энергии, чтобы работать на толпу, молоть безобидную, но смешную чепуху он разучился, поэтому околачивался на отшибе и мысленно смешивал окружающих с грязью. *Отвисшие сиськи*, — значилось в комиксном пузыре. — *Жополицый урод с мозгами из тофу. Рекламный мальчик, сосущий пальчик. Женщина-холодильник. Мать родную продаст. Корова с*

трясущимся задом. Пустоголовый придурок.

Иногда он получал письма от отца; например, электронные открытки ко дню рождения, с опозданием в несколько дней, очередные танцующие свиноиды, будто ему по-прежнему одиннадцать лет. «С днем рождения, Джимми, пусть все твои мечты сбываются». Рамона писала многословные письма, продиктованные чувством долга: у него пока нету братика, сообщала она, но они «работают над этим». Ему даже думать не хотелось об этой напичканной гормонами, сдобренной снадобьями, смазанной гелями работе. Если в ближайшее время ничего не случится «само по себе», они попробуют «что-нибудь еще» в агентстве — «Инфантада», «Плодородие» или «Идеальный Ребенок». Многое изменилось с тех пор, как появился Джимми. (*Появился* — будто он не рождался, а взял и свалился с неба.) Она «изучала» этот вопрос, потому что за свои деньги, само собой, они хотят получить лучшее.

Великолепно, думал Джимми. Несколько раз попытаются, а если ребенок их не устроит, переработают его на запчасти, и так до тех пор, пока не получат что-нибудь соответствующее их требованиям — идеальное, не только одаренное в плане математики, но и прекрасное, как заря.

А потом будут грузить гипотетического вундеркинда раздутыми требованиями, пока бедный малыш не лопнет. Джимми ему не завидовал.

(Он ему завидовал.)

Рамона приглашала Джимми домой на праздники, но ехать ему не хотелось, и он отговаривался работой. Что было, в общем-то, правдой: работа стала исследовательской задачей — до какой степени нахальства можно дойти в сфере изобретения тупых неологизмов, по-прежнему получая начальственные похвалы.

Через некоторое время его повысили. Он купил себе новые игрушки. DVD-плеер подороже; спортивный костюм с функцией самоочистки — особые бактерии съедали пот; рубашку, у которой на рукаве высвечивались приходящие Джимми е-мейлы и которая слегка толкала его в бок, едва приходило новое письмо; ботинки, которые перекрашивались под цвет одежды; говорящий тостер. Ну, теперь ему не так одиноко. *Джимми, твой тост готов.* Он переехал в квартиру поприличнее.

Преодолев первую ступеньку карьерной лестницы, он нашел себе женщину, потом еще одну и еще. Он больше не считал их подружками — они были любовницами. Все замужем или почти за-

мужем, все искали возможность обмануть мужей или почти мужей, доказать, что они еще молоды, или отомстить. Или им было больно, и они искали утешения. Или им не хватало внимания.

Он вполне мог заводить несколько любовниц разом, главное — соблюдать график. Сначала ему нравились эти торопливые неожиданные визиты, таинственность, треск расстегнутых в спешке липучек, акробатические этюды на полу, хотя вскоре он понял, что для любовниц он — вроде добавки к нормальной жизни. Его не воспринимали всерьез, его хранили, как дети хранят бесплатные игрушки из коробок с хлопьями, цветные, красивые, но бесполезные: он был джокером среди двоек и троек, что обычно выпадали этим женщинам. Он был для них развлечением, как и они для него; впрочем, они рисковали больше: развод, вспышка агрессии или скандал, если вдруг поймают.

Одно хорошо: эти женщины никогда не советовали Джимми повзрослеть. Он подозревал, их вполне устраивает, что он не взрослеет.

Ни одна из них не собиралась разводиться и переселяться к Джимми, ни одна не хотела бежать с ним в плебсвилли — к тому же это стало практически невозможно. Поговаривали, что

плебсвилли смертельно опасны для тех, кто не знает, как там себя вести. А ККБешники, что стояли на стреме у ворот ОП, зверствовали как никогда.

Гараж

Значит, так будет выглядеть остаток его жизни. Будто вечеринка, куда Джимми пригласили, только он заблудился по дороге. Вероятно, кто-то на ней веселится, но сейчас это явно не он.

Раньше его тело было просто поддерживать в форме, но сейчас приходилось уделять этому особое внимание. Если Джимми пропускал занятие в тренажерном зале, мышцы моментально становились дряблыми — раньше такого не бывало. Катастрофически падал уровень энергии, приходилось следить, сколько энергетических батончиков он ест: перебор стероидов плохо влиял на размер и работоспособность члена. На упаковке говорилось, что проблема решена с помощью нового непроизносимого запатентованного компонента, но он сам придумывал подобные надписи и потому им не верил. Волосы на висках редели, несмотря на шестинедельный курс выращивания волосяных фолликул от «НоваТы». Джимми должен был бы понимать, что это чистое мошенничество — ведь рекламу этой процедуры сочинял именно он — но реклама была так хороша, что он сам в нее поверил. Он

поймал себя на размышлении о том, в каком состоянии волосяные фолликулы у Коростеля.

Коростель рано окончил институт, поступил в аспирантуру, а там уже работодатели выстроились к нему в очередь. Теперь он работал в ОП «Омоложизнь» — одном из самых влиятельных и богатых — и быстро двигался вверх. Сначала они еще переписывались. Коростель расплывчато повествовал про свой специальный проект, нечто умопомрачительное. Писал, что ему дали карт-бланш, что начальству кажется, будто у него из жопы солнышко светит. Надо бы Джимми как-нибудь приехать, Коростель ему все покажет. Так чем там занимается Джимми?

Джимми в ответ предложил сыграть в шахматы.

В следующий раз Коростель написал, когда внезапно умер дядя Пит. Какой-то вирус. Что бы это ни было, оно сожрало его с потрохами. Если фруктовое мороженое положить на решетку для барбекю, будет похоже. Просто растаял. Подозревали, что это была диверсия, но ничего не доказали.

Ты там был? — спросил Джимми.

Можно сказать и так, — ответил Коростель.

Джимми обдумал это, потом спросил, не забо-

лел ли еще кто-нибудь. Коростель ответил, что больше никто.

Время шло, интервалы между письмами росли, ниточка истончалась. А что они могли сказать друг другу? Джимми был рабом в шахте, выдающим на-гора слова — из тех занятий, что Коростель презирал, пускай вежливо, а Джимми больше не понимал, чем занимается Коростель. Он осознал, что вспоминает Коростеля как человека, с которым был когда-то знаком.

Джимми терзался все больше. Даже секс перестал быть тем, чем был когда-то, хотя Джимми по-прежнему жить без него не мог. Его словно таскал за собой его собственный член, будто тело — вскочившая на члене крошечная бородавка. Может, если б член мог самостоятельно бродить, где ему вздумается, и делать все, что ему хочется, все были бы счастливы?

В те вечера, когда любовницам не удавалось убедительно наврать мужьям или почти мужьям, Джимми ходил в кинотеатр в торговом центре — просто чтобы убедить себя, что по-прежнему принадлежит к роду человеческому. Или смотрел новости: снова чума, снова мор, потопы, нашествие микробов, насекомых или мелких млекопитающих, снова засуха, войны в банано-

вых республиках, малолетние солдаты. Почему все так похоже на себя самое?

Снаружи, в плебсвиллях совершались обычные политические убийства, обычные странные несчастные случаи, необъяснимые исчезновения. Иногда случались скандалы на сексуальной почве — они всегда привлекали репортеров. Сначала тренеры и маленькие мальчики, потом молоденькие девушки, которых находили в запертых гаражах. Девочки — по версии тех, кто их запирал, — работали в доме прислугой, их вывезли из нищих стран, где они жили прежде, ради их блага. А запирать девочек необходимо для их же безопасности, говорили эти люди — респектабельные люди, бухгалтеры, юристы, торговцы плетеной мебелью для патио — люди, которых вызывали в суд, чтоб они защищали себя. Нередко на их защиту вставали жены. Эти девочки, говорили жены, практически полностью адаптировались к тем условиям, в которых жили, они были почти как члены семьи. Джимми особенно нравились слова «практически» и «почти».

Сами девочки рассказывали другие истории, отнюдь не всегда правдоподобные. Одни говорили, что их накачивали наркотиками. Заставляли делать всякие гадости в разных странных местах

— например, в зоомагазинах. Перевозили через океан на резиновых плотах, контрабандой переправляли в контейнеровозах, спрятав среди соевых продуктов. Им приказывали заниматься непристойностями с рептилиями. С другой стороны, некоторых девочек условия жизни вполне устраивали. Они рассказывали, что их поселили в очень уютных гаражах, гаражи куда лучше их домов на родине. Что их регулярно кормили. Что работа не очень тяжелая. Да, им не платили, из дома не выпускали, но их это не удивляло и ничем не отличалось от их прошлой жизни.

Одна девочка — ее нашли в запертом гараже в Сан-Франциско, в доме преуспевающего фармацевта — сказала, что раньше снималась в кино и была очень рада, когда ее продали Хозяину: он увидел ее в Сети, пожалел и лично за ней приехал. Он заплатил кучу денег, чтобы спасти ее, и потом они в самолете перелетели через океан, он пообещал отправить ее в школу, когда она как следует выучит английский. Она отказывалась говорить про него гадости, казалась простой и очень искренней. Ее спросили, почему был заперт гараж. Это для того, ответила она, чтобы никто плохой туда не вошел. Когда ее спросили, что она там делала, она ответила, что учила английский

и смотрела телевизор. Когда спросили, как она относится к своему тюремщику, она сказала, что всегда будет ему благодарна. Прокурору не удалось заставить ее изменить показания, и парня пришлось освободить, хотя суд распорядился немедленно отправить девочку в школу. Она сказала, что хочет изучать детскую психологию.

Девушку показали крупным планом: прекрасное кошачье лицо, нежная улыбка. Джимми почудилось, что он ее узнаёт. Он остановил трансляцию, достал старую распечатку, распечатку тех времен, когда ему было четырнадцать, — он таскал ее с собой, почти как семейное фото, прятал, но никогда не терял, она лежала среди официальных бумажек из Академии Марты Грэм. Он сравнил лица — слишком много времени прошло. Той девочке на фотографии сейчас должно быть лет восемнадцать, а та, что в новостях, на вид гораздо моложе. Но взгляд тот же самый: та же смесь невинности, презрения и понимания. У него закружилась голова, будто он стоит на краю утеса над каменистой пропастью и ему ни в коем случае нельзя смотреть вниз.

Без опоры

ККБ никогда не теряла Джимми из виду. Пока он учился в Академии Марты Грэм, они вызывали его четырежды в год — как они выражались, на *небольшие беседы*. По двадцать раз задавали одни и те же вопросы — проверяли, дает ли он одни и те же ответы. Джимми решил, что самый безопасный ответ — «я не знаю», в большинстве случаев довольно правдивый.

Они начали показывать ему фотографии — стоп-кадры из пленок, снятых скрытой камерой, черно-белые фотографии — должно быть, снятые с камер слежения возле банкоматов в плебсвиллях, репортажи из новостей: демонстрации, казни, мятежи. Задача — понять, узнает ли он кого-нибудь. Всякий раз к нему подключали провода: даже притворись он, что никого не узнаёт, они уловили бы всплески нейронной активности, которую он не мог контролировать. Он ждал, что ему покажут нападение на офис «Благочашки» в Мэриленде, в котором участвовала его мать, — ждал в ужасе, — но они так и не показали.

Он давно не получал открыток из других стран.

Когда он пошел работать в «НоваТы», ККБ вроде о нем забыл. На самом деле они отпустили поводок, решили посмотреть, не использует ли он — или другая сторона, а именно его мать — свое новое положение, чуточку дополнительной свободы, чтобы вновь связаться. А через год раздался знакомый стук в дверь. Джимми всегда их узнавал: они принципиально не пользовались интеркомом — видимо, у них был особый универсальный ключ, не говоря уже о кодах от двери. *Привет, Джимми, как дела? Мы просто хотели бы задать тебе пару вопросов, может, ты нам посодействуешь.*

Разумеется, с радостью.

Ну и молодец.

И все по новой.

На — какой? — пятый, кажется, его год в «НоваТы» они наконец попали в точку. Он уже пару часов смотрел их фотографии. Снимки войны в какой-то иссушенной горной местности за океаном, крупным планом — лица мертвых наемников, мужчин и женщин; толпа голодающих в какой-то пыльной далекой стране линчует сотрудников гуманитарной службы; ряд голов, насаженных на кол, — они сказали, что это бывшая Аргентина, но не сказали, чьи головы и

каким образом они оказались на кольях. Несколько женщин в очереди к кассе в супермаркете, все в темных очках. Несколько трупов на полу после рейда в убежище вертоградарей — теперь они были вне закона, — и один труп явно принадлежал бывшей соседке Джимми — Бернис, о чем он, как честный мальчик, тут же сообщил. Его похлопали по спине и похвалили, но, судя по всему, они знали это и без него, потому что не заинтересовались. Ему стало жалко Бернис: она была чокнутая и отравляла его жизнь, но такой смерти не заслужила.

Снимки заключенных из тюрьмы Сакраменто. Водительские права шофера-камикадзе (интересно, откуда у них права, если машина взорвалась). Три голые официантки из бара «смотри-но-не-трогай», где-то в плебсвилле — они положили фотку шутки ради, и, разумеется, его мозг отреагировал — а куда бы он делся, — и они улыбались и хихикали. Мятеж — Джимми узнал сцену из киношного ремейка «Франкенштейна». Они всегда подсовывали обманки, чтобы он не расслаблялся.

Снова заключенные. *Нет*, — говорил Джимми. — *Нет, нет, ничего*.

А потом ему показали казнь, самую обычную.

Никакой игры на публику, никаких притворных побегов, никакой ругани, поэтому Джимми сразу понял, что казнить будут женщину. Затем появилась фигура в мешковатом сером тюремном комбинезоне, волосы забраны в хвост, на запястьях наручники, женщины-охранники по бокам, повязка на глазах. Ее расстреляют из пистолета-распылителя. Совершенно необязательно выставлять шеренгу солдат, одного пистолета хватило бы, но они придерживались старого обычая: пять солдат в ряд, чтобы ни один не лишился сна, мучаясь, что убил лично он.

Расстреливали только за антиправительственную деятельность. В остальных случаях использовали газ, виселицу или мозгоплавку.

Мужской голос за кадром: люди из ККБ приглушили звук, потому что хотели, чтобы Джимми сконцентрировался на визуальных образах, но, судя по всему, звучал приказ, потому что охранники сняли повязку с глаз заключенной. Крупный план: женщина смотрела прямо на него, оттуда, с экрана. Голубые глаза, прямой, дерзкий, терпеливый, страдающий взгляд. Без слез. А потом включился звук. *Прощай. Помни Убийцу. Я тебя люблю. Не подведи меня.*

Без вопросов: это была его мать. Джимми по-

разился, насколько она постарела: морщины, увядший рот. Тяжелая жизнь после побега или с ней плохо обращались в тюрьме? Сколько времени она провела там, у них в руках? Что они с ней сделали?

Подождите! — хотел закричать он, но уже всё: камера отъехала назад, ей завязали глаза, раздались выстрелы. Кое-как целились, кровавые брызги, ей практически снесли голову. Потом долго показывали тело на земле.

— Увидел что-нибудь, Джимми?

— Нет. Извините. Ничего. — Откуда она знала, что он увидит запись?

Наверное, они уловили скачок пульса, всплеск энергии. Несколько нейтральных вопросов: «Хочешь кофе? Хочешь в туалет?» — а потом один из них спросил:

— Так что это был за убийца?

— Убийца, — повторил Джимми. И засмеялся. — Убийца — это животное. — Ну вот. Он снова ее предал. Но он ничего не мог с собой поделать.

— Неприятный парень, да? Байкер, что ли?

— Нет, — ответил Джимми, хохоча. — Вы не поняли. Скунс. Скунот. Животное. — Он опустил голову на руки, всхлипывая от смеха. Почему она сказала про Убийцу? Чтобы он понял, что это дей-

ствительно она. Чтобы он ей поверил. Но что она имела в виду, когда просила не подводить ее?

— Извини, сынок, — сказал один, который постарше. — Нам просто надо было проверить.

Джимми не пришло в голову спросить, когда состоялась казнь. Уже потом он понял, что это могло случиться очень давно. А что, если все это подстроено? Может, цифровой монтаж — во всяком случае, кровавые брызги и падение. Может, его мать жива, может, она даже на свободе? А если так, какую свинью он ей подложил?

Следующие две недели были худшими в его жизни. Слишком многое навалилось, слишком многое из того, что он потерял, или — хуже — из того, чего никогда не имел. Масса потерянного времени, а он даже не знал, кто его растратил.

Почти все время он злился. Сначала пытался разыскать любовниц, но был угрюм, не пытался их развлекать и, что самое ужасное, потерял интерес к сексу. Он перестал отвечать на их письма — *Что-то не так? Я тебя чем-то обидела? Чем тебе помочь?* — и не реагировал на звонки: не стоит объяснений. Раньше он превратил бы смерть матери в психодраму, добился бы сочувствия, но сейчас ему этого не хотелось.

А чего ему хотелось?

Он ходил в бары для одиноких: никакой радости, он уже знал почти всех тамошних посетительниц, а их липучесть была ему ни к чему. Он вернулся к порнухе в Интернете — она потеряла свою привлекательность: вторичная, механическая, лишенная прежнего очарования. Он пытался найти «Аппетитных голопопок» — может, знакомые картинки помогут, скрасят одиночество, но сайт закрылся.

Теперь он пил один по ночам — дурной знак. Ему не следовало напиваться, от этого только хуже, но требовалось притупить боль. Боль от чего? Боль свежих рваных ран, поврежденных оболочек, разодранных о Великое Безразличие Вселенной. Вселенная — большая акулья пасть. Бесконечные ряды острых зубов.

Он понимал, что все идет наперекосяк. Все в жизни стало непостоянным и непрочным. Сам язык потерял свою основательность, стал тонким, условным, скользким, точно клейкая лента, по которой он скользил, словно глаз по тарелке. Но глаз еще видел. В том-то вся беда.

Он помнит, что когда-то давно, в юности, умудрялся быть беззаботным. Беззаботным, толстокожим, парящим в облаках, насвистывал во тьме, мог преодолеть что угодно. Закрывать

глаза. Теперь его корежило, он отшатывался. Мелкие неудачи становились глобальными проблемами — потерянный носок, сломавшаяся электрическая зубная щетка. Даже восход точно задался целью его ослепить. Ему казалось, что его натирают наждачной бумагой по всему телу.

— Возьми себя в руки, — говорил он себе. — Забей на все это. Забудь. Иди вперед. Обнови себя.

Позитивные слоганы. Безвкусная мотивирующая рекламная блевотина. На самом деле он хотел отомстить. Но кому и за что? Будь у него силы, сумей он сосредоточиться и прицелиться, все равно это бесполезно.

В самые ужасные ночи он вызывал Попугая Алекса, давно умершего в реальности, но по-прежнему живого в Сети, и смотрел, как тот учится. Дрессировщик: *Какого цвета этот круглый мячик, Алекс? Круглый* мячик? Алекс склонял голову и задумывался: *Синего*. Дрессировщик: *Хороший мальчик!* Алекс: *Орех пробковый, орех пробковый!* Дрессировщик: *Вот, держи!* И Алексу давали горсть зерна, хотя он просил другое, он просил миндаль. Видя это, Джимми плакал.

Он засыпал поздно и, лежа в постели, таращился на потолок и проговаривал списки старых слов, чтобы успокоиться. *Ямкоделатель. Афазия. Плуг.*

Головоломка. Револьвер. Будь Попугай Алекс его питомцем, они бы стали друзьями, они бы стали братьями. Джимми научил бы его новым словам. *Звон. Ядро. Увы.*

Но слова больше не приносили успокоения. В них ничего не было. Джимми не радовался этим коллекциям букв, позабытых другими людьми. Все равно что хранить в коробочке свой молочный зуб.

На грани сна перед глазами возникала процессия, она появлялась слева, из теней, и проходила перед ним. Маленькие худощавые девочки с маленькими ручками, в волосах ленты, на шеях гирлянды из цветов. Зеленое поле, но сцена совсем не пасторальная: девочки в опасности, он должен их спасти. Он что-то чувствовал — чье-то зловещее присутствие — за деревьями.

А может, опасность в нем. Может, это он был опасностью, зубастым зверем, что притаился в сумрачной пещере собственного черепа.

А может, опасность крылась в девочках. Такую возможность тоже нельзя исключать. Он знал, что они гораздо старше и могущественнее, чем кажутся. В отличие от него, в них жила безжалостная мудрость.

Девочки были спокойны, они были серьезны

и церемонны. Они смотрели на него, смотрели в него, узнавали и принимали его, принимали его тьму. А потом улыбались.

Дорогой, я знаю тебя. Я вижу тебя. Я знаю, что тебе нужно.

11

Свиноиды

Джимми сидит за столом на кухне, в доме, где они жили, когда ему было пять. Время обеда. На тарелке лежит круглый кусок хлеба — плоская голова из арахисового масла с блестящей улыбкой из джема и изюмными зубами. Эта штука наполняет Джимми ужасом. В любую минуту на кухню войдет мама. Но нет: не войдет, ее стул пуст. Наверное, она приготовила обед и оставила для него. Но куда она ушла, где она?

Что-то скребется — за стеной. Там кто-то есть, роет, лезет сюда. Он смотрит на стену, там висят часы с птицами. Малиновка говорит *угу, угу*. Это он так сделал, он переделал часы — сова говорит *кар-кар*, а ворона *чирик-чирик*. Но когда ему было пять, часов еще не было, они появились позже. Что-то не так, что-то со временем, он не понимает, что именно, его парализует страх. Сыплется штукатурка, и он просыпается.

Снежный человек такие сны ненавидит. Настоящее и так отвратительно, совершенно необязательно подмешивать к нему прошлое. *Живи настоящим*. Однажды он это вставил в календарь с мошеннической рекламой какой-то

секс-продукции для женщин. Зачем приковываться к часам, разбейте оковы времени, и так далее и тому подобное. На картинке женщина с крыльями выпархивала из кучи грязных мятых старых тряпок — а может, собственной морщинистой кожи.

Ну что, вот оно, замечательное настоящее, которым ему полагается жить. Голова на чем-то твердом, тело втиснуто в кресло, он весь — один большой спазм. Он потягивается и вскрикивает от боли.

Минуту он соображает, где находится. А, ну да — торнадо, будка. Все тихо, ветра нет, никаких завываний. Сейчас вообще тот же день? Или ночь? Или уже утро? В комнате светло — значит, все-таки день, свет пробивается в окно над конторкой, пуленепробиваемое стекло, интерком, туда когда-то, много-много лет назад, надо было говорить, по какому делу ты приехал. Лоток, куда надо было сунуть свое удостоверение личности с микрокодом, камера круглосуточного слежения, говорящая коробка с нарисованной улыбкой задает вопросы — весь механизм разнесли к чертовой матери. Наверное, гранатами. Сплошные обломки.

Шуршание продолжается — кто-то есть в углу.

Поначалу Снежный человек не понимает, что это — похоже на череп. Потом видит: это земляной краб — круглый желто-белый панцирь, большой, как сушеная человеческая голова, одна огромная клешня. Краб роется в куче мусора, расковыривая в ней яму.

— А ты какого черта тут делаешь? — спрашивает Снежный человек. — Тебе наружу надо, сады разрушать и все такое. — Он кидает в краба бутылкой из-под бурбона — мимо, бутылка разбивается. А вот это глупо — теперь тут полно битого стекла. Краб поворачивается к нему, поднимает клешню, потом уползает в наполовину вырытую нору, наблюдает оттуда. Видимо, спасался здесь от урагана, как и он сам, а теперь не может выбраться.

Снежный человек выворачивается из кресла, смотрит, нет ли крыс, змей или еще чего-нибудь, на что нежелательно наступать. Кидает свечу и спички в пластиковый мешок и осторожно идет к двери, ближе к выходу. Плотно закрывает за собой дверь — еще не хватало, чтобы краб сзади напал.

У внешней двери Снежный человек останавливается, проводит рекогносцировку. Вроде животных нет, если не считать вороньего трио,

примостившегося на заборе. Они каркают — может, про него. Небо жемчужное, розовое с серым — раннее утро. И ни облачка. Пейзаж изменился: новые куски покореженного металла и вывернутые с корнем деревья. Раскисшая земля усыпана листвой.

Если идти прямо сейчас, у него есть шанс добраться в главный торговый центр до полудня. В животе бурчит, но с завтраком придется подождать. Жаль, орехи кончились, а «Сойдины» — неприкосновенный запас.

Воздух прохладен и свеж, запах мокрых листьев великолепен после гнилой сырости в будке. Снежный человек с удовольствием вдыхает и идет в сторону торгового центра. Через три квартала останавливается: из ниоткуда появились семь свиноидов. Уставились на него, настороженно подняв уши. Вчерашние? На его глазах они принимаются наступать.

Они что-то задумали, это точно. Он разворачивается и идет к будке, ускоряя шаг. Они еще далеко, он успеет добежать, если понадобится. Он смотрит через плечо: они перешли на рысь. Он тоже прибавляет скорость. А потом видит за воротами еще одну группу свиноидов, восемь или девять, они идут к нему по полосе отчужде-

ния. Они уже почти у главных ворот, отрезали ему пути к отступлению. Такое впечатление, что они все спланировали, эти две группы сговорились, будто знали, что он в будке, ждали, когда он выйдет, отойдет подальше от убежища, а потом окружили.

Он вбегает в будку, захлопывает дверь. Электронный замок, разумеется, не работает.

— Разумеется, бля! — кричит он. Они смогут открыть дверь, подцепить ручку клыками или рылами. Они настоящие артисты; будь у них пальцы, миром бы правили. Он влетает в приемную, хлопает дверью. И тут замок сломан — кто бы мог подумать. Он баррикадирует дверь столом, на котором спал ночью, выглядывает через пуленепробиваемое стекло: вот они. Носами открыли дверь, вошли в первую комнату, их двадцать или тридцать, кабаны и свиньи, но в основном кабаны. Столпились, нетерпеливо хрюкают, принюхиваются к его следам. Один замечает Снежного человека в окне, хрюкает, теперь все смотрят на него. Видят его голову, она приделана к большому вкусному мясному пирогу, который только и ждет едоков. Два самых крупных свиноида: два кабана с — ну да — острыми клыками идут к двери, бок о бок, и

пытаются ее вышибить. Командные игроки, мать их. И большая мышечная масса.

А если им не удастся выбить дверь, они его подождут. Устроят дежурство: одни питаются, другие стерегут. Это может продолжаться целую вечность, голод выгонит его наружу. Они чуют его запах, запах его плоти.

Он вспоминает про земляного краба, но тот исчез. Наверное, забился в нору. Снежному человеку тоже требуется нора. Нора, панцирь и пара клешней.

— Ну и? — спрашивает он вслух. — Что дальше?

Дорогой, ты в жопе.

Радио

Сначала краткое затмение, ничего не происходит, потом Снежный человек встает из кресла. Он не помнит, как садился, но, видимо, садился. У него свело живот — наверное, он очень испугался, хотя сам не чувствует, спокоен как танк. Время от времени дверь скрипит и прогибается под напором с той стороны, скоро свиноиды ворвутся сюда. Он достает из пластикового пакета фонарик, включает его и идет во внутреннюю комнату, где на полу лежат два охранника в костюмах биологической защиты. Он светит фонариком. В комнате три закрытые двери — наверное, он их видел прошлой ночью, но тогда не пытался отсюда выбраться.

Две двери не поддаются — вероятно, заперты или заблокированы изнутри. Третья открывается сразу. И за ней новая надежда — лестница. Высокие ступеньки. У свиноидов короткие ноги и толстые животы. А у него все наоборот.

Он так быстро взбирается по лестнице, что запутывается в простыне. За спиной раздается возбужденное хрюканье и визг, с грохотом переворачивается стол.

Он попадает в какое-то освещенное прямоугольное помещение. Что это? Наблюдательный пункт. Ах да. Следовало догадаться. Сторожевые башни стоят по обе стороны от главных ворот и по всему периметру. В башнях прожекторы, мониторы камер слежения, громкоговорители, пульт управления воротами, отверстия подачи слезоточивого газа, распылители дальнего радиуса действия. Да, вот экраны, вот пульт управления, найдите цель, наведите прицел, нажмите кнопку. Видеть результаты воочию не обязательно, хватает брызг и шипения на экране. В период хаоса охранники, видимо, стреляли отсюда по толпе, пока было кому и по кому стрелять.

Но теперь вся эта высокотехнологичная тряхомудия, разумеется, не работает. Снежный человек ищет ручное управление — было бы неплохо расстрелять свиноидов, — но, увы, ничего похожего.

Зато рядом с мертвыми мониторами он находит маленькое окошко — свиноиды с высоты птичьего полета, группа, что стоит на улице у двери в будку. Кажется, расслабились. Будь они людьми, сейчас курили бы и трепались. Но по сторонам поглядывают. Он пятится: не нужно, чтоб они его увидели, поняли, что он наверху.

Впрочем, они, скорее всего, и так знают. Уже по-

няли, наверное, что он поднялся по ступенькам. Но знают ли они, что он в ловушке? Потому что, судя по всему, выхода отсюда нет.

Непосредственная опасность ему не угрожает. Если б они умели ходить по лестницам, уже поднялись бы. Есть время осмотреться и перегруппироваться. *Перегруппироваться* — потрясающая идея. Он тут один-одинешенек.

Наверное, охранники спали тут же, по очереди: в боковой комнате — две стандартные койки. Но трупов нет. Может, охранники пытались сбежать из «Омоложизни», как и все остальные. Тоже понадеялись обогнать заражение.

Одна кровать застелена, вторая нет. Около расстеленной кровати мигает будильник с голосовым управлением.

— Который час? — спрашивает он. Будильник молчит. Надо его перенастроить под свой голос.

А эти ребята неплохо устроились. Два одинаковых центра развлечений с экранами, плеерами и наушниками. Одежда, стандартный тропический наряд для нерабочего времени, на полу валяется использованное полотенце и носок. На тумбочке — распечатки фотографий из Сети. Худенькая девушка стоит на голове, голая, только босоножки на каблуке; блондинка свисает с крюка на по-

толке, комом черного латекса, на глазах повязка, рот открыт — мол, ударь еще; крупная женщина с большой силиконовой грудью и влажной ярко-красной помадой наклонилась вперед и облизывает губы, язык проколот. Все о том же, как говорится.

Эти ребята, наверное, убегали в спешке. А может, это они лежат внизу, в костюмах биозащиты? Вполне возможно. Видимо, после того как эти двое ушли, сюда больше никто не поднимался, а если и поднимался, ему тут ничего не пригодилось.

В одной из тумбочек он находит пачку сигарет, всего двух не хватает. Снежный человек достает сигарету — она влажная, но плевать, он сейчас даже веник выкурит, — а как прикурить? В мешке были спички, вот только где мешок? Наверное, уронил на ступеньках, когда сюда бежал. Он идет к лестнице, смотрит вниз. Да, вот и мешок, на четвертой ступеньке снизу. Снежный человек медленно спускается. Едва он протягивает руку, на него что-то набрасывается. Он отпрыгивает и смотрит, как свиноид скатывается вниз и атакует снова. В полутьме у свиноида светятся глаза; тварь будто ухмыляется.

Они ждали его, использовали мешок для му-

сора как приманку. Наверное, поняли, что там нечто ценное, что он вернется за мешком. Умно, очень умно. Когда он добирается доверху, у него подкашиваются колени.

Рядом со спальней есть небольшая ванная с настоящим туалетом. Как раз вовремя: от страха стиснуло кишки. Снежный человек испражняется — бумага есть, маленькая радость, не нужно подтираться листьями, — уже собирается спустить воду, но вдруг понимает, что в бачке наверняка полно воды, и эта вода ему понадобится. Он поднимает крышку бачка — так и есть, полнехонек, просто мини-оазис. Вода рыжеватая, но пахнет нормально; он опускает голову и жадно пьет, как собака. Адреналин совсем горло высушил.

Теперь лучше. Нет повода для паники, пока нет. На кухне он находит спички и прикуривает. После нескольких затяжек кружится голова, но он все равно абсолютно счастлив.

— Если бы тебе было девяносто и ты мог бы в последний раз потрахаться, точно зная, что это тебя убьет, ты бы согласился? — спросил однажды Коростель.

— Спрашиваешь, — откликнулся Джимми.

— Маньяк, — констатировал Коростель.

Шаря в кухонных шкафах, Снежный человек неожиданно для самого себя принимается напевать. Плитки шоколада, настоящего шоколада. Банка растворимого кофе, сухие сливки, сахар. Креветочное масло для крекеров, суррогатное, но съедобное. Сырная паста в тюбике, майонез. Овощной быстрорастворимый суп с лапшой, со вкусом курицы. Крекеры в пластиковой коробке. Энергетические батончики. Золотое дно.

Он собирается с силами и открывает холодильник, надеясь, что эти ребята не держали там слишком много настоящей еды и вонь будет не ужасна. Хуже всего — некогда замороженное мясо стухло в потекшей морозилке, такое он видел не раз в первые дни, когда шарился по плебсвиллям.

Больше ничего вонючего — гнилое яблоко, серый замшелый апельсин. Две бутылки пива, закрытые — настоящее пиво! Коричневые бутылки со старомодными узкими горлышками.

Он открывает пиво, выпивает полбутылки. Теплое, но какая разница? Потом садится за стол, ест креветочное масло, крекеры, сырную пасту и майонез, а на десерт — ложку кофе, смешанного со сливками и сахаром. Растворимый суп, шоколад и энергетические батончики он оставляет

на потом.

В одном шкафу он находит механический радиоприемник. Он помнит, как начали такие выдавать — на случай торнадо, потопов и прочих форс-мажоров, когда электроника выходит из строя. У его родителей был такой, когда они еще были его родителями, он часто с ним потихоньку играл. Там была ручка, ее нужно было крутить для подзарядки; заряда хватало на полчаса.

Радиоприемник вроде функционирует, Снежный человек крутит ручку. Он не ждет, что на него обвалится шквал голосов, но ведь ожидание и желание — разные вещи.

Помехи, снова помехи, еще помехи. Он прослушивает всю частоту AM, потом FM. Ничего, только этот звук, точно свет звезд пробивается через толщи космического пространства: *кккккк*. Снежный человек ищет на коротких волнах. Очень медленно и осторожно крутит ручку настройки. Может, есть другие страны, далекие страны, где люди спаслись, — Новая Зеландия, Мадагаскар, Патагония — вот такие.

Но они бы не спаслись. Большинство, по крайней мере. Когда все началось, эта штука перемещалась по воздуху. Желание и страх универсальны. И они же — могильщики чело-

вечества.

Кккккк. Кккккк. Кккккк.

О, поговори со мной, умоляет он. Скажи что-нибудь. Скажи что угодно.

Неожиданно он слышит голос, человеческий голос. К несчастью, тот говорит на языке, похожем на русский.

Снежный человек не верит своим ушам. Он не один — есть еще кто-то, где-то есть такой же человек. И он знает, как обращаться с коротковолновым передатчиком. А если есть один, значит, могут быть и другие. Но от этого человека толку никакого, он слишком далеко.

Мудрила! Он забыл про служебный диапазон. Им же говорили — если катастрофа, используйте его. Если поблизости кто и есть, он на служебном диапазоне.

Снежный человек вертит ручку. *Прием*, вот что надо попробовать.

Кккккккк.

Затем слабеющий мужской голос:

— Кто-нибудь меня слышит? Есть там кто-нибудь? Вы меня слышите? Прием.

Снежный человек жмет на кнопки. Как посылать сообщения? Он забыл. Где эта долбаная кнопка?

— Я здесь, я здесь! — кричит он.

Снова *прием*. Тишина.

Но он уже сомневается. А не слишком ли опрометчиво он поступил? Откуда он знает, что это был за человек? Вполне возможно, обедать с ним не захочешь. Но все равно он радуется, почти в восторге. Теперь есть шанс.

Стена

Снежный человек был в таком трансе — от возбуждения, от еды, от голосов по радио, — что забыл про порез на ноге. И теперь порез напоминает о себе: неприятное покалывание, будто в ступне застрял шип. Снежный человек садится за кухонный стол, задирает ногу повыше, осматривает. Похоже, осколок бутылочного стекла еще там. Он пытается его подцепить — не помешал бы пинцет или хоть ногти подлиннее. Наконец ему удается ухватиться, он выдергивает осколок из ноги. Больно, но крови немного.

Он промывает рану пивом, ковыляет в ванну и роется в аптечке. Ничего полезного, если не считать тюбика солнцезащитного крема, — для пореза не подойдет, — давным-давно просроченного антибиотика, которым Снежный человек мажет рану, и остатков лосьона для бритья, который пахнет лимонной эссенцией. Он выливает на рану и лосьон — по идее, в нем должен содержаться спирт. Может, надо поискать чистящее средство или что-то в этом роде, но он боится переборщить, сжечь ступню. Придется скрестить пальцы на удачу: если в рану попала инфекция,

передвигаться будет сложнее. Не стоило забывать про порез; пол внизу, наверное, кишмя кишит бактериями.

Вечером он любуется закатом в узкое окошко. Красиво, наверное, было, когда все десять камер включены, можно увидеть полную панораму, подрегулировать яркость, прибавить красного цвета. Курнуть, откинуться в кресле и парить на седьмом небе. Но на него смотрят пустые лица экранов, и приходится довольствоваться реальностью — кусочком неба в окне, оранжевый, потом фламинго, кроваво-красный, клубничное мороженое, смена гаммы там, где должно быть солнце.

В бледнеющем розовом свете свиноиды, которые ждут его внизу, похожи на маленькие пластиковые статуэтки — псевдопасторальные поросятки. Нежно-розовые, безобидные, как многие вещи на расстоянии. Сложно себе представить, что они желают ему зла.

Наступает ночь. Снежный человек лежит на койке — той, что застелена. Я лежу там, где когда-то спал мертвец, думает он. Он не знал, что случится. Не догадывался. В отличие от Джимми, который мог догадаться, но не догадался все рав-

но. Интересно, если б он убил Коростеля раньше, это бы что-нибудь изменило?

Здесь слишком жарко и душно, хотя ему удалось открыть аварийные вентиляционные отверстия. Он не может заснуть, поэтому зажигает свечку — жестяной контейнер с крышкой из аварийного комплекта, в такой штуке при желании можно вскипятить суп, — и прикуривает еще одну сигарету. В этот раз голова почти не кружится. Все бывшие привычки живут где-то в теле, дремлют, как цветы в пустыне. В подходящих условиях расцветут пышным цветом.

Он листает распечатки с порносайтов. Но все эти женщины — не его тип, слишком вульгарные, слишком накрашенные, слишком очевидные. Перебор ухмылок и макияжа, языки чересчур напоминают коровьи. Он чувствует испуг, а не похоть.

Уточнение: испуганную похоть.

— Как ты мог, — бормочет он, уже не в первый раз мысленно совокупляясь с проституткой, наряженной в китайский халат красного шелка и туфли на шестидюймовых каблуках, с вытатуированным драконом на заднице.

О, милый.

В жаркой комнатке ему снится сон: снова мать.

Нет, мать ему никогда не снится — только ее отсутствие. Он сидит на кухне. Опять сквозняк фыркает ему в уши, закрывается дверь. На крючке висит халат, ярко-малиновый, пустой, страшный.

Снежный человек просыпается, у него колотится сердце. Он вспоминает, что после ее исчезновения надевал этот халат. Халат еще хранил ее запах, ее жасминовые духи. Он смотрел на себя в зеркало: мальчишеская голова, отработанный рыбий взгляд и тонкая шея, утопающая в ярком женском халате. Как он ненавидел ее тогда! У него перехватывало дыхание, ненависть душила его, слезы ненависти катились по щекам. Но он стоял, обхватив себя руками.

Ее руками.

Он ставит голосовой электронный будильник так, чтобы тот включился за час до восхода, прикидывая, когда это случится.

— Проснись и пой, — говорит будильник томным женским голосом. — Проснись и пой. Проснись и пой.

— Хватит, — говорит он, и будильник замолкает.

— Включить музыку?

— Нет, — говорит он. Конечно, хочется пова-

ляться в постели и пообщаться с женщиной в часах — получится почти разговор, — но сегодня надо идти. Сколько времени он провел здесь, вдали от побережья, от Детей Коростеля? Он считает на пальцах: первый день — поход в «Омоложизнь», ураган; второй — в ловушке у свиноидов. Значит, сегодня день третий.

В окно пробивается серый свет. Снежный человек мочится в кухонную раковину, плещет себе в лицо водой из бачка. Зря он пил вчера эту дрянь, не прокипятив. Сейчас он кипятит воду — на кухне остался газ для пропановых горелок, — и промывает ногу, кожа вокруг пореза красная, но вроде ничего страшного. Он заваривает себе чашку растворимого кофе, с сахаром и сливками. Съедает энергетический батончик «Три фрукта» — знакомый вкус бананового масла и сладкой глазури, прилив энергии.

Где-то посреди вчерашней беготни он потерял бутылку с водой — ну и ладно, учитывая, что в ней птичье дерьмо, личинки москитов и нематоды. Он наполняет пустую бутылку из-под пива кипяченой водой, забирает из спальни стандартный мешок из микроволокна для грязного белья, кладет туда бутылку, весь сахар и полдюжины энергетических батончиков. Мажется солнце-

защитным кремом, кладет тюбик в мешок и надевает легкую рубашку цвета хаки. Находит темные очки, надевает их вместо своих одноглазых. Раздумывает, не надеть ли шорты, но они ему велики и не защитят ноги целиком, поэтому он остается при цветастой простыне, завязав ее на манер саронга. Еще подумав, снимает ее и прячет в мешок: а то зацепится за что-нибудь по дороге, он наденет ее позже. Он берет аспирин и свечи взамен тех, что остались на лестнице, кидает в мешок шесть коробков спичек, нож для овощей и свою бейсболку «Ред Сокс», «подлинную копию». Нежелательно, чтоб она свалилась с головы во время великого побега.

Ну вот. Не очень тяжело. Теперь надо выбираться.

Он пытается разбить окно на кухне — можно разодрать простыню, связать узлами и спуститься по ней из окна на стену ОП снаружи — но ему не везет, стекло пуленепробиваемое. Узкое окно, выходящее на ворота, отпадает — даже если ему удастся вылезти, он приземлится прямо на головы свиноидам, что уже пускают слюни. Высоко над полом в ванной есть окошко, но оно тоже выходит на сторону свиноидов.

После трех часов кропотливого труда, при помо-

щи — сначала — кухонной табуретки, штопора, столового ножа и — затем — молотка и отвертки на батарейках, которая нашлась в кладовке, он умудряется вскрыть вентиляционную заслонку и выдрать установленный в ней механизм. Вентиляционная труба идет вверх, подобно каминной, а потом сворачивает в сторону. Пожалуй, он достаточно отощал и пролезет — у голодного существования есть свои преимущества, — хотя, если застрянет, будет обречен на мучительную и нелепую смерть. Поджарился в вентиляционной трубе, смешно до колик. Он приматывает один конец импровизированной веревки к ножке кухонного стола — к счастью, стол привинчен к полу, — а второй конец оборачивает вокруг талии. Мешок с припасами привязан ко второй веревке. Затаив дыхание, Снежный человек втискивается в трубу, ввинчивается, извивается. К счастью, он не женщина, большая попа ему бы мешала. Места нету, но голова уже снаружи, потом он выворачивается, освобождает плечи. До стены — восемь футов, придется вылезать головой вниз и надеяться, что веревка выдержит.

Последнее усилие, он дергается и повисает на веревке. Хватается за нее, восстанавливает равновесие, отвязывает веревку и медленно

спускается. Потом вытаскивает мешок. Вроде нормально.

Черт побери. Он забыл радиоприемник. Ладно, пути назад нет.

Стена вокруг охраняемого поселка — шесть футов в ширину, высокий парапет по обе стороны. Каждые десять футов — две бойницы, не напротив друг друга, а со сдвигом. Предназначены для наблюдения, но подойдут и для последней обороны. Стена высотой двадцать футов, двадцать семь, если учесть парапет. Тянется вокруг всего ОП, по периметру — сторожевые башни, копии той, откуда он только что выбрался.

Охраняемый поселок «Омоложизнь» — прямоугольный, есть еще пять ворот. Снежный человек помнит карту, он тщательно ее изучал в «Пародизе», куда сейчас и направляется. Он видит купол, возвышающийся над деревьями, сверкающий, как половинка луны. Он заберет оттуда все необходимое, обойдет купол по стене — или, если позволят условия, срежет по земле — и выйдет через боковые ворота.

Солнце уже высоко. Снежному человеку лучше поторопиться, иначе изжарится. Охота показаться свиноидам, подразнить их, но приходится побороть искушение, иначе они пойдут за ним

вдоль стены и он не сможет спуститься. У каждой бойницы он пригибается, чтоб не заметили.

У третьей сторожевой башни он останавливается. За стеной он видит что-то белое — серовато-белое, вроде облако, но оно слишком низко. И облака не бывают такой формы. Оно тонкое, колеблющийся столб. Где-то на побережье, в нескольких милях к северу от Детей Коростеля. Поначалу Снежный человек решает, что это туман, но туман вот так не поднимается и не клубится. Это дым, никаких сомнений.

Дети Коростеля часто разводят костры, но такие большие — никогда, их костер так не дымился бы. Может, результат вчерашнего урагана — ударила молния, начался пожар, во время дождя погас, а потом снова разгорелся. А может, Дети Коростеля не послушались Снежного человека, отправились на поиски, а это сигнальный огонь, чтобы он нашел дорогу домой. Вряд ли — они мыслят иначе, — но если так, они сильно сбились с пути.

Он съедает половину энергетического батончика, выпивает воды и шагает дальше. Он прихрамывает, раненая нога дает о себе знать, но нет времени остановиться и заняться ею, сейчас надо идти как можно быстрее. Ему нужен пистолет-распылитель — и теперь уже не только из-за

волкопсов и свиноидов. Время от времени Снежный человек оглядывается через плечо. Дым на месте, одинокий столб дыма. Он не расползается. Поднимается в небеса.

12

Вылазка в плебсвилли

Снежный человек хромает по стене к стеклянному белому куполу — тот отдаляется, будто мираж. Из-за ноги скорость снизилась, а к одиннадцати часам бетон совсем горячий, не пройдешь. Снежный человек обматывает голову простыней, кутается в нее как можно плотнее, накидывает ее поверх бейсболки и рубашки, но все равно рискует обгореть, несмотря на солнцезащитный крем и два слоя одежды. Он радуется новым темным очкам.

Он прячется в тени ближайшей сторожевой башни, чтобы переждать полдень, пьет воду из бутылки. Когда жара спадет, а неумолимый полуденный свет смягчится, когда пройдет послеобеденная гроза, ему останется идти всего часа три. При прочих равных он доберется до купола засветло.

Жара обрушивается на него, рикошетит от бетона. Снежный человек расслабляется, вдыхает эту жару, чувствует, как пот течет по телу, будто сороконожки ползают. Глаза сами собой закрываются, в голове мелькают фрагменты старых пленок.

— За каким хреном я ему понадобился? — говорит он. — Почему он не оставил меня в покое?

Без толку об этом думать, особенно сейчас, в жару, когда мозги превратились в кусок плавленого сыра. Нет, не плавленый сыр, лучше избегать мыслей о еде. В мастику, в клей, в средство для роста волос в тюбике. Когда-то он таким пользовался. Снежный человек точно помнит, как тюбик лежал рядом с бритвой: на полке должен быть порядок, ему так нравилось. Перед глазами внезапно возникает яркий образ: он сам, только что из душа, втирает снадобье во влажные волосы. Он в «Пародизе», ждет Орикс.

Он желал добра или, по крайней мере, не желал зла. Не хотел причинять боль, не всерьез, не в реальности. Фантазии не считаются.

Была суббота. Джимми лежал в кровати. В те дни ему тяжело было просыпаться, за последнюю неделю он несколько раз опаздывал на работу, да плюс еще на той неделе и на предыдущей; у него скоро будут неприятности. Не то чтобы он дебоширил — наоборот. Он всячески избегал людей. Начальство до него еще не добралось. Наверняка они знали про его мать и про то, что она была казнена за антиправительственную деятельность. Разумеется, знали, это общеизвестный

неприятный секрет, в ОП не принято упоминать о подобных вещах — невезение, порча, вдруг это заразительно, лучше изображать неведение и так далее. Может, они дали ему время оклематься.

В этом был один плюс: теперь, когда мать мертва, может, ККБ наконец перестанет до него докапываться.

— Подъем, подъем, подъем, — говорит будильник. Розовый будильник в виде фаллоса, шуточный подарок одной любовницы. Раньше часы казались ему забавными, но в то утро он их возненавидел. Вот чем он был для нее, для них всех: механической игрушкой, шуткой, развлекалочкой. Никто не хочет быть асексуальным, но исключительно сексуальным объектом тоже никто не хочет быть, сказал однажды Коростель. Вы правы, сир, подумал Джимми. Еще одна неразрешимая загадка человечества.

— Который час? — спросил он у часов. Розовый член склонил головку, потом опять встал.

— Уже полдень, уже полдень, уже…

— Заткнись, — сказал Джимми. Часы сникли. Запрограммированы реагировать на грубость.

Джимми подумывал встать, пойти на кухню, открыть пиво. Очень неплохая идея. Он лег спать черт-те когда. Одна его любовница — как раз та,

что подарила ему часы, — вчера-таки смогла пробиться через стену молчания, которой он себя окружил. Она пришла около десяти вечера, принесла какой-то еды — крокеты из «Пухлокур» и жареную картошку, она знала, что он любит, — и бутылку скотча.

— Я за тебя волновалась, — сказала она. На самом деле ей требовался очередной сеанс быстрого краденого секса, и Джимми постарался, чтоб она получила что хочет. Но ему самому было до лампочки, и, видимо, это чувствовалось. А потом стандартные *В чем дело, Тебе со мной скучно, Мне правда важно, что с тобой происходит*, и так далее и тому подобное.

— Уйди от мужа, — сказал Джимми, чтобы она умолкла. — Давай убежим в плебсвилли, будем жить в трейлере.

— Ну, я не думаю… ты ведь не всерьез?

— А что, если?

— Ты мне небезразличен, но ведь и он мне небезразличен, и…

— Ниже пояса.

— Прости? — Очень изысканная женщина, она говорила *Прости?* вместо *Что?*

— Я сказал — ниже пояса. Я тебе небезразличен только ниже пояса. По буквам продиктовать?

— Не знаю, что на тебя нашло, ты в последнее время ужасно грубый.

— Что, уже не забавно, да?

— Да, не забавно.

— Тогда отвали.

Они поссорились, она расплакалась, отчего Джимми, как ни странно, полегчало. Потом они допили скотч. А потом снова занимались сексом, и на сей раз Джимми было хорошо, а вот его любовнице, кажется, не особо, потому что он был тороплив, груб и не выдал ей обычную порцию комплиментов. *Великолепная задница* и все в таком духе.

Зря он завелся. В конце концов, она хорошая женщина, у нее настоящая грудь и масса собственных проблем. Интересно, увидит ли он ее снова. Скорее всего, да, потому что, когда она уходила, в ее взгляде читалось «*Я могу тебя исцелить*».

Джимми отлил и уже доставал пиво из холодильника, когда зажужжал интерком. А вот и она, стоило только вспомнить. Он снова разозлился. Подошел к спикерфону, включил его и сказал:

— Уходи.

— Это Коростель. Я внизу.

— Не верю, — ответил Джимми. Он включил

трансляцию с видеокамеры в вестибюле. Так и есть — Коростель, показывает в камеру средний палец и ухмыляется.

— Впусти меня, что ли, — сказал Коростель. Джимми так и сделал, потому что в данный момент Коростель был единственным человеком, которого Джимми хотелось видеть.

Коростель почти не изменился. Все та же темная одежда. Даже не начал лысеть.

— Какого хрена ты тут делаешь? — спросил Джимми. Когда первый восторг поутих, он смутился: сам не одет, в квартире по колено пыли, бычков, пустых стаканов и контейнеров из-под «Пухлокур», но Коростель, казалось, и не заметил.

— Приятно знать, что тебя рады видеть, — сказал Коростель.

— Извини. В последнее время дела наперекосяк, — ответил Джимми.

— Да, я видел. Твоя мать, да? Я тебе написал, но ты не ответил.

— Я даже почту не проверял, — сказал Джимми.

— Понимаю. На «Мозгоплавке» показали: подстрекательство к насилию, членство в организации, объявленной вне закона, препятствование

распространению коммерческой продукции, заговор с целью противодействия интересам общества. Заговор — это, наверное, демонстрации. Может, камнями кидалась. Жалко, она была такая милая дама.

Джимми показалось, что слова *милая* и *дама* матери не подходят, но он не собирался спорить — по крайней мере, в такую рань.

— Хочешь пива? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил Коростель. — Я просто приехал тебя проведать. Убедиться, что у тебя все в порядке.

— У меня все в порядке, — сказал Джимми.

Коростель глянул пристально.

— А давай смотаемся в плебсвилль? — неожиданно сказал он. — Пройдемся по барам.

— Это такая шутка, что ли? — спросил Джимми.

— Нет, я серьезно. У меня есть пропуска. Мой стандартный и еще один для тебя.

Джимми понял, что Коростель, видимо, большая шишка. Вот это да. Но гораздо больше трогало, что Коростель беспокоится о нем, приехал сюда и его разыскал. Несмотря на то что в последнее время они почти не общались — по вине Джимми, — Коростель ему по-прежнему друг.

Пять часов спустя они уже бродили по плебсвиллю к северу от Нового Нью-Йорка. Дорога заняла всего пару часов — скоростной поезд до ближайшего ОП, затем машина ККБ с вооруженным водителем — видимо, оплаченная тем, кто был заинтересован в Коростеле и его благополучии. Машина привезла их в какое-то место, которое Коростель называл «центром событий», и высадила там. Но их прикроют, сказал Коростель. Их защитят. Никто не причинит им вреда.

Перед тем как вылезти из машины, Коростель воткнул Джимми в руку иголку — универсальная краткосрочная вакцина его собственного изобретения. Плебсвилли, сказал он, одна гигантская чашка Петри: повсюду масса инфекционной плазмы и бактерий. Если ты рос в этих условиях, у тебя иммунитет — по крайней мере, до появления новой биоформы, но если ты из ОП и хочешь побывать в плебсвиллях, станешь лакомым кусочком для всякого рода заразы. Как будто у тебя на лбу большими буквами написано: «Съешь меня».

Еще Коростель достал им фильтры для носа, они не просто отфильтровывали микробов, они их различали. Коростель сказал, что в плебсвиллях воздух гораздо хуже. Ветер переносит всякую

дрянь, плюс меньше воздухоочистных башен.

Джимми никогда раньше в плебсвиллях не бывал, только смотрел на них из-за стены. Новые ощущения приятно щекотали нервы, хотя он не был готов увидеть такую толпу народа — так близко друг к другу, все ходят, говорят, спешат куда-то. Плевки на тротуаре тоже были совершенно лишними. Богатые в роскошных машинах, бедные на солнцебайках, шлюхи в светящейся лайкре или в коротких шортах или — склонные к здоровому образу жизни, с крепкими бедрами, — на скутерах. Все цвета кожи, все размеры. Но не все цены, сказал Коростель, это бедный район. Так что Джимми может глазеть, но не покупать. Позже настанет время и для этого.

Жители плебсвиллей совершенно не походили на умственно отсталых уродов, которыми их изображали жители ОП, — большинство, по крайней мере. Джимми вскоре расслабился и уже наслаждался. Здесь было на что посмотреть — столько всего продается, столько всего предлагается. Неоновые слоганы, билборды, повсюду реклама. А еще настоящие бродяги, настоящие нищенки, как в старых мюзиклах на DVD; Джимми казалось, они вот-вот запоют, отбивая чечетку поношенными ботинками. Настоящие музыкан-

ты на углу, настоящие банды настоящих уличных мальчишек. Асимметрия, дефекты: этим лицам далеко до правильности охраняемых поселков. Даже гнилые зубы попадались. Джимми пялился, разинув рот.

— Следи за кошельком, — сказал Коростель. — Деньги тебе не понадобятся, но все равно.

— Почему не понадобятся?

— Я угощаю, — сказал Коростель.

— Нет, я так не могу.

— В следующий раз платишь ты.

— Тогда ладно, — сказал Джимми.

— Ну вот, пришли — это называется улица Мечты.

Здесь находились магазины среднего уровня и совсем шикарные, с затейливо оформленными витринами. «Гены для голубой крови», — читал Джимми. «Пластика-Экспресс». «Устраняем наследственные заболевания». «Зачем быть коротышкой? Стань Голиафом!» «Дети мечты!» «Двойное качество двойной спирали». «Аист Лимитед». «Маленький? Большой Друг тебе поможет!».

— Здесь наши фишки превращаются в золото, — сказал Коростель.

— Ваши фишки?

— То, чем мы занимаемся в «Омоложизни». Мы и другие ОП, ориентированные на тело.

— И что, это все по правде работает? — Джимми был впечатлен — не столько обещаниями, сколько слоганами: его коллеги здесь уже наследили. Утренний мрак рассеялся без следа — Джимми стало весело. Столько всего обрушилось, столько информации — в голове не осталось места для печали.

— Многое, — сказал Коростель. — Разумеется, ничего идеального не бывает. Но конкуренция зверская, особенно то, что делают русские, японцы и, конечно, немцы. И шведы. Но мы не сдаемся, наши продукты считаются надежными. Сюда приезжают люди со всего мира — искать нужный товар. Пол, сексуальная ориентация, рост, цвет кожи, цвет глаз — все можно заказать, сделать или переделать. Ты представить не можешь, какие тут деньги крутятся.

— Давай выпьем, — сказал Джимми. Он подумал о своем гипотетическом брате, о том, который еще не родился. Интересно, отец с Рамоной тоже ездили сюда искать нужный товар?

Они выпили, потом зашли куда-то поесть — настоящие устрицы, сказал Коростель, настоящее японское мраморное мясо, редкое, как бриллиан-

ты. Стоило, наверное, целое состояние. Потом они посидели еще в парочке мест и наконец зависли в баре, где показывали минет на трапециях, и Джимми выпил что-то оранжевое, светящееся в темноте, а потом еще парочку таких же. Потом он долго рассказывал Коростелю про свою жизнь — нет, про жизнь матери, — одно длинное вывернутое предложение, оно все тянулось у него изо рта, как жвачка. А потом они оказались еще где-то, на огромной кровати, покрытой бескрайним зеленым атласом, их обрабатывали две девушки, в блестках с ног до головы, блестки были приклеены прямо на голое тело и мерцали, словно чешуя виртуальной рыбы. Джимми никогда не встречал женщин, которые умели проделывать со своим телом такое.

Там ли возникла тема работы или раньше, в каком-то баре? Наутро ему не удалось вспомнить. Коростель сказал *Работа, ты, Омоложизнь*, а Джимми ответил *И чем я буду заниматься, сортиры чистить?* А Коростель засмеялся и сказал *Круче, намного круче*. Джимми не помнил, как сказал «да», но, видимо, сказал. Впрочем, он согласился бы на любую работу, не важно, какую и где. Он хотел двигаться, двигаться дальше. Он готов был начать новую жизнь.

«НегаПлюс»

В понедельник утром, после выходных с Коростелем, Джимми вернулся в «НоваТы», чтобы угробить еще день на торговлю словами. Он укурился в никуда, но надеялся, что это не слишком заметно. «НоваТы» поощрял употребление различных химических веществ клиентами, которые за это платили, но начальство не одобряло употребление подобных веществ работниками компании. Логично, думал Джимми: в стародавние времена бутлегеры редко пили. По крайней мере, он об этом читал.

Перед работой он зашел в туалет и глянул на себя в зеркало: он походил на выблеванную пиццу. К тому же опоздал, но в кои-то веки никто не заметил. Неожиданно откуда-то появился босс и еще какое-то начальство, такое высокопоставленное, что Джимми и не догадывался о его существовании. Ему жали руку, его похлопывали по спине, ему всучили стакан с чем-то похожим на шампанское. *Отлично! Вот и опохмелимся! Буль-буль-буль* — над головой у Джимми нарисовался комиксный пузырь, но Джимми молчал и пил.

Ему говорили, как рады были с ним работать, какой вклад он внес в развитие «НоваТы» и как они желают ему всего самого лучшего на новом месте, и, кстати говоря, наши поздравления, самые теплые и искренние! Его выходное пособие будет немедленно переведено на его счет в «Корпорабанке». Очень щедрое выходное пособие, куда щедрее, чем зарплата, которую он получал, потому что, если честно, друзья в «НоваТы» хотят, чтобы у Джимми остались о них исключительно теплые воспоминания. Особенно когда он займет свою новую, великолепную должность.

Какова бы эта должность ни была, думал Джимми, садясь на герметизированный скоростной поезд. Поезд подали специально для него, все его вещи уже собрали — специальная бригада, сделали все по высшему разряду, не беспокойтесь. Он еле успел попрощаться с любовницами, а прощаясь, узнал, что каждую из них Коростель уже втайне уведомил о его отъезде — оказывается, у него длинные щупальца. Как он узнал про любовниц? Мог взломать почтовый ящик Джимми — легко. Но зачем так напрягаться?

Я буду по тебе скучать, Джимми, — написала одна в письме.

О, Джимми, ты был такой забавный, — сказала

другая.

От слова «был» Джимми стало не по себе. Он же не умер, в конце-то концов.

Первую ночь в ОП «Омоложизнь» Джимми провел в гостинице для крутых посетителей. Он обнаружил мини-бар и налил себе выпить, чистый скотч, настоящий, лучше не бывает. Потом сидел и глазел в венецианское окно, рассматривал пейзаж, хотя особо ничего не было видно, кроме огней. Он различил купол «Пародиза», огромную полусферу, подсвеченную снизу прожекторами, но еще не знал, что это такое. Решил, что это каток.

Утром Коростель на своем навороченном электрокаре устроил ему ознакомительную экскурсию по ОП. Джимми не мог не признать, что поселок великолепен во всех отношениях. Все сверкало чистотой, прекрасный ландшафт, потрясающая экология и все очень дорогое. Воздух невероятно чистый, благодаря очистным башням, работающим на солнечной энергии — они стояли скромно, замаскировавшись под произведения современного искусства. Скалогуляторы заботились о микроклимате, бабочки размером с тарелку летали меж кустов невообразимых расцветок. Этот ОП мог дать сто очков вперед

любому из тех, где бывал Джимми. Даже Уотсон-Крик по сравнению с «Омоложизнью» казался потрепанным и старомодным.

— А откуда деньги на все это? — спросил он Коростеля, когда они проезжали роскошный торговый центр, оформленный по последнему писку моды — повсюду мрамор, колоннады, кафе, папоротники, еда навынос, дорожки для роллеров, лотки со свежевыжатым соком, автономный спортивный зал, где лампочки питались от беговых дорожек, римские фонтаны с нимфами и морскими божествами.

— Страх перед лицом неизбежной смерти, — сказал Коростель. — Желание остановить время. Человеческое состояние.

— Не особо информативно, — заметил Джимми.

— Увидишь, — ответил Коростель.

Они обедали в одном из пятизвездочных ресторанов «Омоложизни» — псевдобалкон с кондиционированием воздуха и видом на главную оранжерею ОП, где выращивали органические овощи. Коростель заказал кенгуранину, новый австралийский гибрид (овечья безмятежность и высокое содержание белка плюс кенгуриный иммунитет и отсутствие метеоризма; стало быть,

животные не производили метан, разрушающий озоновый слой). Джимми заказал каплуна, фаршированного изюмом, — настоящий каплун, выращенный на свежем воздухе, настоящий изюм, высушенный на солнце, уверял Коростель. Джимми так привык к «Пухлокурам», которые по консистенции напоминали тофу, а по вкусу не напоминали ничего за неимением вкуса, что мясо каплуна показалось ему диким.

— Мой комплекс называется «Пародиз», — сказал Коростель, когда они ели соево-банановое фламбе. — Мы работаем над бессмертием.

— Как и все остальные, — сказал Джимми. — С крысами даже что-то получилось.

— Ключевое слово — *что-то*, — ответил Коростель.

— А эти ребята с криогеном? — спросил Джимми. — Заморозить голову, потом восстановить тело, когда станет ясно, как это сделать? Успешный бизнес, акции высоки.

— Разумеется, а через пару лет они вышвырнут тебя на помойку и скажут твоим родственникам, что у них, видите ли, скакнуло напряжение. В любом случае мы обходимся без глубокой заморозки.

— Это как?

— С нашим методом, — сказал Коростель, — умирать не придется.

— И что, вам это действительно удалось?

— Пока нет, — сказал Коростель, — но подумай о бюджете на исследования.

— Миллионы?

— Мегамиллионы, — сказал Коростель.

— Пожалуй, я еще выпью, — сказал Джимми. Это чересчур.

— Нет. Мне нужно, чтобы ты слушал.

— Я могу слушать и пить.

— У тебя плохо получается.

— Я попытаюсь, — сказал Джимми.

В «Пародизе», сказал Коростель — они туда отправятся после обеда, — развивались два основных направления. Первое — разработка таблетки «НегаПлюс» — было, по сути, профилактическим и базировалось на очень простой логике: уничтожь все внешние источники смертности — и половина работы сделана.

— Внешние источники? — переспросил Джимми.

— Война, то есть выплеск нерастраченной сексуальной энергии, которую мы считаем куда более важным фактором, нежели экономика или расовые и религиозные предрассудки.

Инфекционные заболевания — в особенности передающиеся половым путем. Перенаселение, ведущее, как мы видим, к ухудшению экологической обстановки и плохому питанию.

Джимми сказал, что это все достаточно проблематично, многие ученые пытались что-то сделать в этих областях и все потерпели неудачу. Коростель улыбнулся:

— Если у тебя что-то не получается, — сказал он, — прочитай инструкцию.

— То есть?

— Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней — сырье.

— То есть?

— Работай с тем, что под рукою, и не ищи себе другое.

Таблетки «НегаПлюс» берут некий набор данностей, присущий человеческому роду, и направляют эти данности в другие русла, более благоприятные, нежели нынешние. Разработки базировались на данных о (к сожалению, вымерших) карликовых шимпанзе бонобо, близких родственниках *Homo sapiens sapiens*. В отличие от человека бонобо не были частично моногамны с полигамными и многомужними тенденциями. Напротив, они практиковали промискуитет, не

образовывали пар и большую часть активной жизни тратили на еду и совокупление. Внутривидовой фактор агрессии у этих обезьян был очень низок.

Это позволило придумать концепцию «НегиПлюс». Задача была — изобрести таблетку, которая одновременно делает следующее:

а) защищает реципиента от всех известных болезней, передающихся половым путем, смертельных, неприятных и просто неприглядных;

б) обеспечивает реципиенту неограниченное либидо и сексуальную удаль, общий тонус и хорошее настроение, снижая тем самым чувство неудовлетворенности и блокируя тестостерон, который является причиной ревности и насилия, а также ликвидируя ощущение низкой самооценки;

в) продлевает молодость.

Эти три свойства — основа рекламной кампании, сказал Коростель, но есть и еще одно, о котором сообщать не планируется. Даже однократно принятая таблетка «НегиПлюс» действует как стопроцентно надежное стерилизующее средство, одновременно для мужчин и женщин, и численность населения автоматически снизится. Это обратимый эффект, хотя и не у отдельно

взятых людей; состав таблетки корректируется, если население какого-то района становится слишком малочисленным.

— Значит, вы стерилизуете людей без их ведома под предлогом того, что они смогут устраивать круглосуточные оргии?

— Ну, грубо говоря, да, — сказал Коростель.

Такая таблетка, объяснил он, даст массу преимуществ не только отдельным индивидам — хотя, разумеется, она должна понравиться потребителю, чтобы занять свое место на рынке, — но и обществу в целом; не только обществу — всей планете. Инвесторы очень заинтересованы, это будет глобальный проект. Одни плюсы. Никаких минусов. Что очень радует его, Коростеля.

— А я и не знал, что ты такой альтруист, — сказал Джимми. С каких это пор Коростель записался в благодетели человечества?

— Это не совсем альтруизм, — сказал Коростель. — Скорее, «плыви или утонешь». Я видел секретные демографические отчеты ККБ. У нашего вида огромные проблемы, еще хуже, чем все говорят. Эту статистику боятся публиковать, потому что люди могут впасть в отчаяние, но, поверь мне, время на исходе и место тоже. В

маргинальных геополитических районах потребность в ресурсах уже десятки лет превышает предложение, отсюда голод и засухи; а очень скоро, можешь мне поверить, то же самое начнется повсюду, для всех. С таблетками «НегаПлюс» у человечества есть шанс остаться на плаву.

— И как ты это вычислил? — Может, Джимми не стоило пить. В голове у него все путалось.

— Меньше людей — больше ресурсов на каждого.

— А что, если оставшиеся будут жадные и неэкономные? — сказал Джимми. — Вероятность не исключена.

— Не будут, — сказал Коростель.

— А у тебя уже есть такая штука? — спросил Джимми. Он начал врубаться в возможности. Бесконечный высококлассный секс, никаких последствий. Если вдуматься, ему и самому не помешает небольшая стимуляция. — А волосы обратно вырастут? — Он чуть не спросил *А где мне достать эту таблетку*, но вовремя сдержался.

Это изящная концепция, сказал Коростель, но она еще требует доработки. Им пока не удалось сделать так, чтобы таблетки действовали безупречно, сейчас проект на стадии тестирования. Несколько подопытных буквально затрахались

до смерти, несколько начали убивать старушек и домашних животных, у нескольких несчастных развился приапизм или лопнул член. И механизм защиты от болезней на первых порах иногда отказывал, причем весьма зрелищным образом. У одной подопытной весь эпидермис превратился в одну большую генитальную бородавку, ужас что такое, но им удалось привести ее в норму лазерами и эксфолиацией — на время, во всяком случае. Если вкратце, были ошибки, была работа в неверных направлениях, но они уже почти вплотную подошли к удовлетворительному результату.

Стоит ли говорить, продолжал Коростель, что средство будет весьма прибыльным. Таблетка станет необходима каждому, в любой стране мира, в любом обществе. Разумеется, многие религии это не одобрят — их система ценностей базируется на страдании, награде за праведность, которую получишь не пойми когда, и лишении сексуальных удовольствий. Но долго они не продержатся. Волна человеческих желаний — желания иметь как можно больше самого лучшего — их просто снесет. Эти желания будут контролировать все, управлять всеми событиями, как при любом глобальном перевороте в истории человечества.

Джимми сказал, что все это очень интересно.

Конечно, если все недостатки будут исправлены. И название хорошее — «НегаПлюс». Ему нравится. Правда, ему расхотелось пробовать таблетки самому — у него и так полно проблем, не хватало еще, чтобы пенис лопнул.

— А где вы людей брали? — спросил он. — Для клинических экспериментов.

Коростель ухмыльнулся:

— В странах победнее. Заплатишь им пару долларов, и все, они даже не знают, что за таблетки им дают. Еще, конечно, секс-клиники — они только рады помочь. Бордели. Тюрьмы. И отчаявшиеся люди, как обычно.

— А я к какой категории отношусь?

— А ты будешь заниматься рекламной кампанией, — сказал Коростель.

Беззумный Аддам

После обеда они отправились в «Пародиз».

Комплекс находился на дальней правой окраине ОП. Его окружал собственный парк, плотно засаженный смешанными тропическими сплайсами, регулирующими климат. Посреди них огромным бельмом возвышался купол. Вокруг — системы безопасности, очень надежные, сказал Коростель, на территорию не допускались даже охранники. «Пародиз» был Коростелевой идеей, и, согласившись над ней работать, он поставил условие: он не желает, чтобы вооруженные профаны совали свой нос туда, где ровным счетом ничего не понимают.

Пропуск Коростеля, ясное дело, распространялся и на Джимми. Они на электрокаре миновали первые ворота и поехали по дорожке меж деревьев. Дальше еще один контрольно-пропускной пункт с охранниками, которые внезапно возникли из кустов — форма «Пародиза», объяснил Коростель, не ККБ. Снова деревья. Изогнутая стена купола. Может, она и выглядит хрупкой, сказал Коростель, но сделана из нового сплава на основе адгезива, позаимствованного у мидий,

силикона и древовидных образований, отсюда высокая сопротивляемость. Чтобы разрезать эту стену, понадобятся весьма передовые инструменты: как только давление прекращается, стена восстанавливает форму и автоматически заделывает бреши. Более того, она способна дышать и фильтровать воздух, как яичная скорлупа, но для этой функции нужна солнечная энергия.

Они подъехали к охраннику, и их провели через внешнюю дверь. Та закрылась за ними с легким шелестом — ффыф-ф.

— Почему такой звук? — нервно спросил Джимми.

— Это воздушный шлюз, — ответил Коростель. — Как на космических кораблях.

— Зачем?

— На случай, если здание придется заблокировать, — сказал Коростель. — Враждебные биоформы, токсические атаки, фанатики. Обычный набор.

Джимми было неуютно. Коростель так и не рассказал ему, что тут на самом деле происходит, — только в общих чертах. «Погоди, увидишь», — вот и все, чего Джимми добился.

Пройдя через внутреннюю дверь, они оказались в более знакомой обстановке. Холлы, двери,

персонал с цифровыми клипбордами, персонал перед мониторами, все то же самое, что и в «Фермах ОрганИнк», в «Здравайзере» или в Уотсон-Крике, разве что здесь все поновее. Но железки — лишь оболочка, сказал Коростель; в исследовательском центре главное — мозги.

— Это лучшие специалисты, — сказал он, кивая налево и направо. В ответ на его слова — почтительные улыбки и — непритворный — трепет. Джимми так и не понял, какова должность Коростеля, но, как бы она ни называлась (Коростель не уточнял), он был главным муравьем в этом муравейнике.

У каждого работника имелась табличка с именем — одно или два слова. ЧЕРНЫЙ НОСОРОГ. БЕЛАЯ ОСОКА. БЕЛОКЛЮВЫЙ ДЯТЕЛ. ПОЛЯРНЫЙ МЕДВЕДЬ. ИНДИЙСКИЙ ТИГР. ГОЛУБЯНКА. АМЕРИКАНСКАЯ ЛИСИЦА.

— Ники, — сказал он Коростелю. — Ты позаимствовал ники из «Вымирафона»!

— Не просто ники, — сказал Коростель. — Эти люди *и есть* «Вымирафон». Все Гроссмейстеры. Перед тобою проект «Беззумный Аддам», самая верхушка.

— Да ладно! Как они тут оказались? — спросил Джимми.

— Это гении сплайсинга, — сказал Коростель. — Они это все придумали: микробов, поедающих асфальт, эпидемию неонового герпеса на Западном побережье, пухлокуриных ос и так далее.

— Неоновый герпес? Я о таком даже не слышал, — сказал Джимми. Забавно. — А как ты их выследил?

— За ними не только я следил. Они снискали весьма сомнительную популярность в определенных кругах. Просто я добрался до них раньше ККБ. Ну, по крайней мере, до большинства из них.

Джимми хотел было спросить *А что случилось с остальными*, но передумал.

— Так ты их похитил, что ли? — Джимми не удивился бы. Похищение специалистов стало нормальной практикой, хотя обычно ученых похищали другие страны. Похищения внутри страны были редкостью.

— Я просто убедил их, что здесь им гораздо лучше и безопаснее, чем снаружи.

— Безопаснее? На территории ККБ?

— Я сделал им бумаги. Большинство согласились, особенно когда я предложил уничтожить их так называемые настоящие личности и вообще все записи об их существовании.

— А я думал, эти ребята боролись с охраняемыми поселками, — сказал Джимми. — Беззумный Аддам делал очень серьезные вещи, судя по тому, что ты мне показывал.

— Да, они боролись с ОП. И все еще, наверное, борются. Но после Второй мировой войны в двадцатом веке союзники пригласили к себе на работу немецких специалистов по ракетам, и я не помню, чтобы кто-то отказался. Когда основная игра закончилась, можно взять шахматную доску и уйти играть куда-нибудь еще.

— А что, если они начнут работать против тебя или…

— Или сбегут? Да, — сказал Коростель. — Пара-тройка так вначале и поступила. Командная игра им не давалась. Думали, им удастся забрать и вывезти все, что они тут сделали. А потом уйти в подполье, например.

— И что ты сделал?

— Они упали с моста через шоссе в плебсвилле, — сказал Коростель.

— Это что, шутка?

— Можно сказать и так. Тебе нужно другое имя, — сказал Коростель. — Из коллекции Беззумного Аддама, чтобы ты вписался в коллектив. Я думал, поскольку я тут Коростель, ты, может,

снова станешь Тупиком, как раньше? Когда нам было — сколько нам было?

— Четырнадцать.

— То были судьбоносные времена, — сказал Коростель.

Джимми хотел задержаться, но Коростель уже тащил его дальше. Джимми хотелось поговорить с этими людьми, послушать их истории — вдруг кто-то из них знал его мать? — но, быть может, ему выпадет шанс позже. С другой стороны, может, и не выпадет: его видели с Коростелем — с седой гориллой, с вожаком их стаи, с главой их прайда. Никто не захочет с ним откровенничать. Он для них шакал.

«Пародиз»

Они забежали в Коростелев офис, чтобы Джимми мог слегка сориентироваться, как выразился Коростель. Огромный кабинет, куча компьютерных штучек, как Джимми и предполагал. На стене картина: баклажан на оранжевой тарелке. На памяти Джимми это была первая картина, которую Коростель повесил у себя. Он хотел спросить, не работа ли это Коростелевой девушки, но опять передумал.

Зато он увидел мини-бар.

— Там что-нибудь есть?

— Позже, — сказал Коростель.

У Коростеля по-прежнему была коллекция магнитов для холодильника, но надписи поменялись. Никаких больше научных шуток.

Там, где Бог, нет Человека.

Есть две луны: одну видишь, другую – нет.

Du musz dein Leben andern[30].

Мы понимаем больше, чем знаем.

---

[30] Примечания: 30

Ты должен изменить свою жизнь (*нем.*).

Я мыслю, значит.

Оставаться человеком – значит нарушить границу.

Мечты крадутся из логова на охоту.

— А какая у тебя здесь должность? По-настоящему? — спросил Джимми.

Коростель усмехнулся:

— Что такое *по-настоящему*?

— Липа, — сказал Джимми. Но был выбит из колеи.

А теперь, сказал Коростель, настало время поговорить серьезно. Он покажет Джимми второй проект, над которым они работали, — главное в «Пародизе». То, что Джимми сейчас увидит, — это… нет, это словами не описать. Попросту говоря, это Коростелево дело жизни.

Джимми нацепил уместно торжественную маску. И что же это будет? Несомненно, какая-нибудь очередная пищевая субстанция. Ливерное дерево, сосисочная лоза. Или шерстяной цукини. Он мысленно приготовился.

Коростель долго вел Джимми по коридорам, и в конце концов они остановились перед большой витриной. Не витриной — односторонним зеркалом. Джимми заглянул. Большая площад-

ка, деревья и трава, наверху — голубое небо (не настоящее голубое небо, просто потолок купола и качественный проектор, симуляция восхода, солнечного света, вечера, ночи. Даже фальшивая луна была, со всеми фазами, как Джимми выяснил впоследствии, и фальшивый дождь).

Там он впервые увидел Детей Коростеля. Они были голые, но не как в «Голых Новостях»: никакой застенчивости, вообще никакой. Сначала он в них не поверил, настолько они были прекрасны. Черные, желтые, белые, коричневые: все цвета кожи. И каждый совершенен.

— Это роботы, что ли? — спросил он.

— Знаешь, в мебельных магазинах бывают образцы? — сказал Коростель.

— Ну да.

— Вот это они и есть.

Это итог логической цепочки, сказал Коростель вечером, когда они выпивали в комнате отдыха «Пародиза» (фальшивые пальмы, заезженная музыка на дисках, настоящий кампари, настоящая содовая). Когда полностью проанализировали протеом, а межвидовой ген и частичное сращивание генов находились в стадии разработки, стало понятно, что такой проект — вопрос времени. То, что видел Джимми, — почти окончательный

результат семилетних исследований методом проб и ошибок.

— Сначала, — сказал Коростель, — нам пришлось видоизменять обычные человеческие эмбрионы, которые мы доставали… не важно, где мы их доставали. Но эти люди — sui generis[31]. А теперь они размножаются.

— Они выглядят старше семи лет.

Коростель рассказал про встроенный фактор быстрого роста.

— К тому же, — сказал он, — они запрограммированы умереть в тридцать лет — неожиданно, без всяких болезней. Никакого старения, никаких переживаний. Просто ложатся и умирают. Они, правда, пока не знают — никто еще не умирал.

— А я думал, вы над бессмертием работаете.

— Бессмертие, — сказал Коростель, — это концепция. Если воспринять «смертность» как бытие, не смерть, но знание о ней и страх перед ней, тогда «бессмертие» — отсутствие такого страха. Младенцы бессмертны. Уничтожь страх, и будешь…

— Похоже на вводный курс прикладной риторики, — сказал Джимми.

---

[31] Примечания: 31
Здесь: уникальны (*лат.*).

— Что?

— Не важно. Фигня из академии.

— А, ну да.

Другие корпорации в других странах занимаются примерно тем же, сказал Коростель, разрабатывают свои прототипы, так что популяция в куполе строго засекречена. Обет молчания, исключительно внутренняя переписка, для переписки с внешним миром нужно особое разрешение, жилые кварталы в зоне безопасности, но за пределами воздушного шлюза. Это снижает риск заражения в случае, если заболеет кто-нибудь из сотрудников. Модели, созданные в «Пародизе», обладают усовершенствованными иммунными системами, так что вероятность, что они заболеют и начнут заражать друг друга, минимальна.

Никому не позволялось покидать комплекс. Или почти никому. Коростелю, конечно, позволяется. Он — связующее звено между «Пародизом» и начальством «Омоложизни», хотя начальство он пока не впускал, мариновал их. Толпа жадюг, психуют из-за инвестиций, ждут не дождутся отмашки, чтоб начать маркетинговую кампанию. К тому же много болтают, делятся с конкурентами. Эти ребята очень любят похвастаться.

— Значит, я, раз сюда попал, больше не выйду? — сказал Джимми. — Ты меня не предупредил.

— Ты будешь исключением, — сказал Коростель. — Никто не станет похищать тебя ради того, что у тебя в голове. Ты же просто рекламой занимаешься, так? Но остальные — то есть Безумные Аддамы — обречены до поры до времени оставаться на базе.

— До какого времени?

— Пока не выйдем на биржу, — сказал Коростель. «Омоложизнь» собиралась устроить фурор на рынке, начав продажу сразу нескольких продуктов. Они смогут создавать целиком спрогнозированных детей, по любым спецификациям покупателя, физическим, интеллектуальным и поведенческим. Ныне существующие методы по-прежнему неточны, сказал Коростель: избегать врожденных заболеваний уже удается, но процент брака все равно велик. Клиенты не знают точно, получат ли то, за что заплатили, и к тому же слишком много непредвиденных последствий.

По методу «Пародиза» соответствие конечного продукта клиентским запросам составит девяносто девять процентов. Можно создавать целые

популяции людей с заданными характеристиками. Красота, разумеется, — красота всегда в цене. И послушание: некоторые мировые лидеры уже выразили интерес. «Пародиз» разработал кожу, невосприимчивую к ультрафиолету, встроенный репеллент и беспрецедентную способность переваривать неочищенное растительное сырье. Что касается иммунитета к микробам — то, что раньше достигалось с помощью лекарств, скоро станет врожденным свойством организма.

По сравнению с проектом «Пародиз» даже «НегаПлюс» — грубая подделка, хотя и прибыльное промежуточное решение. Но в долгосрочной перспективе сочетание этих двух продуктов даст человечеству громадные преимущества. Они неразрывно связаны — таблетки и проект. Таблетки остановят хаотичное размножение, а проект заменит его прогрессивным методом. Можно сказать, это две фазы одного плана.

Просто удивительно, сказал Коростель, что недостижимые когда-то высоты с такой легкостью покоряются здесь, под куполом. Пришлось модифицировать мозг древнего примата, ни больше ни меньше. Исчезли деструктивные наклонности — наклонности, которые являлись причиной большинства бед. К примеру, расизм,

или, как его называли в «Пародизе», псевдовидообразование, в контрольной группе уничтожен полностью: просто отключен связанный с этим механизм, люди «Пародиза» не различают цвета кожи. В их обществе невозможна иерархия, потому что у них нет нейронных комплексов, которые смогли бы ее сформировать. Поскольку они не являются ни охотниками, ни земледельцами, стремящимися к захвату земель, территориальность также отсутствует: принцип «царя горы», встроенный в шарики и ролики человеческого мозга, ликвидирован. Они не едят ничего, кроме листьев, травы и, может, ягод, — соответственно, пища, необходимая им для жизни, всегда под рукой в огромных количествах. Их сексуальность не терзает их постоянно, ни облачка беспокойных гормонов; они входят в течку и спариваются с регулярными интервалами, как все млекопитающие, за исключением людей.

На самом деле, поскольку у этих людей нет ничего, что можно передавать по наследству, у них не будет ни генеалогии, ни свадеб, ни разводов. Они идеально приспособлены к среде обитания, в которой им придется существовать, следовательно, им не нужно строить дома, создавать инструменты, оружие, даже одежду. Им

не нужны пагубные символы, вроде королевств, икон, богов или денег. Что лучше всего, они перерабатывают собственные экскременты. Это был гениальный сплайс с использованием генов от…

— Постой-постой, — сказал Джимми. — По-моему, средний родитель от ребенка ждет вовсе не этого. Ты не увлекся часом?

— Я же говорю, — терпеливо объяснил Коростель, — это образцы. Они представляют собой искусство возможного. Для будущих покупателей мы будем создавать детей в соответствии со списком требований. Разумеется, не все захотят иметь полный набор фич, это мы тоже учли. Хотя ты удивишься, когда узнаешь, скольким людям нужен милый умненький ребенок, который ест одну траву. Вегетарианцы очень заинтересованы. Мы проводили маркетинговые исследования.

Какая прелесть, подумал Джимми. Вы сможете использовать ребенка вместо газонокосилки.

— А говорить они умеют? — спросил он.

— Ясное дело, умеют, — ответил Коростель. — Когда им есть что сказать.

— А шутить?

— Вообще-то нет, — сказал Коростель. — Чтобы шутить, нужно чуточку злобы, нужно быть слегка на грани. Мы двигались методом проб и ошибок,

и до сих пор продолжаем над этим работать, и вскоре, я думаю, от шуток мы избавимся. — Он поднял свой стакан и улыбнулся Джимми. — Я рад, что ты здесь, орех пробковый. Мне совершенно не с кем было поговорить.

Джимми получил отдельную квартиру внутри купола. Его вещи уже были привезены туда и в лучшем виде разложены по местам: белье — в ящике для белья, рубашки аккуратно сложены, электрическая зубная щетка воткнута в розетку и перезаряжена — да еще обнаружились вещи, которых, насколько Джимми помнил, у него никогда не имелось. Новые рубашки, новое белье, новые электрические зубные щетки. Кондиционер выставлен на ту температуру, которая ему нравилась, на столе в столовой накрыт ужин (дыня, ветчина, сыр бри — судя по этикетке, настоящий). На столе в столовой! У него и столовой-то никогда не было.

Влюбленный Коростель

Сверкает молния, грохочет гром, льет дождь, такой сильный, что воздух побелел, как молоко, плотный туман, будто текучее стекло. Снежный человек — болван, фигляр, трус — скрючился на стене, голову прикрыл руками, если сверху посмотреть — полный идиот. Он гуманоид, он гоминид, он отклонение, он ужасен: он будет легендой, если найдется кому складывать легенды.

Если бы только рядом был слушатель, какие байки он смог бы поведать, какие стоны простонать. Жалобы влюбленного на свою любовь или что-то в этом духе. Есть из чего выбрать.

Потому что в воспоминаниях он приблизился к кульминации, к той части трагедии, где значится ремарка: *Входит Орикс*. Роковой момент. Но какой из них роковой? *Входит Орикс, маленькая девочка с педофильского порносайта, в волосах цветы, на подбородке взбитые сливки;* или *Входит Орикс, девочка-подросток из новостей, которую вызволили из гаража старого извращенца;* или *Входит Орикс, обнаженная менторша, в закрытом святилище Детей Коростеля;* или *Входит Орикс, на голове полотенце, только что*

из душа; или *Входит Орикс, в сером брючном костюме и туфлях на каблуке, в руке портфель, ас глобальной коммерции из ОП?* Какой момент — роковой, и как можно быть уверенным, что некая тема соединяет первый эпизод с последним? Была ли единая Орикс, или имя ей легион?

Любой момент подойдет, думает Снежный человек, и дождь течет по его лицу. Все они есть, ибо все они сейчас со мной.

О, Джимми, это так позитивно. Я так счастлива, что ты это понимаешь. «Пародиз» потерян, но ведь ты носишь его в себе — «внутри себя, стократ блаженный рай»[32]. А потом серебристый смех, прямо над ухом.

Джимми не сразу узнал Орикс, хотя наверняка видел ее в тот первый вечер, когда смотрел в одностороннее зеркало. На ней, как и на Детях Коростеля, не было одежды, она была прекрасна, как они, и издалека почти не выделялась. Темные волосы распущены, она стояла к нему спиной, ее окружали другие; просто элемент картины.

Несколько дней спустя, когда Коростель показывал ему, как работать с мониторами, пере-

---

[32] Примечания: 32

Цитата из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай». Цитируется по переводу А.А. Штейнберга.

дающими изображение с камер, спрятанных в листве, Джимми разглядел ее лицо. Она повернулась к камере, и он снова увидел его, этот взгляд, что пронизывал его и видел таким, какой он есть на самом деле. Только глаза у нее стали другие — зеленые и светящиеся, как у Детей Коростеля.

Глядя в эти глаза, Джимми пережил момент чистого блаженства, чистого ужаса: она перестала быть изображением — просто портретом, что хранился в тайне и темноте, распечаткой, которую Джимми прятал между матрасом и третьей доской новой кровати в новой квартире в «Омоложизни». Она вдруг стала настоящей, объемной. Он думал, она ему приснилась. Как может человек попасться вот так, в один миг, на один взгляд, на поднятую бровь, на изгиб руки? Он попался.

— А это кто? — спросил он Коростеля. У нее на руках сидел молодой скунот, она протягивала его Детям Коростеля, и те осторожно трогали зверька. — Она ведь не одна из них. Что она там делает?

— Она их учит, — сказал Коростель. — Нам нужен был посредник, который смог бы с ними общаться на их уровне. Простые концепции и никакой метафизики.

— А чему она их учит? — безразлично спросил

Джимми: нельзя показывать Коростелю, что заинтересовался любой женщиной, — Коростель непременно засмеет.

— Ботанике и зоологии, — улыбнулся Коростель. — Другими словами, объясняет им, что нельзя есть и что может укусить. И чему не надо делать больно, — прибавил он.

— А почему она голая?

— Они никогда не видели одежды. Одежда их только смутит.

Уроки Орикс были коротки: не больше одного факта за один раз, оптимальный вариант, объяснил Коростель. Модели «Пародиза» не были глупы, просто начинали, по сути, с нуля, им требовались повторения. Кто-нибудь из персонала, специалист в той или иной области, рассказывал Орикс все, что касалось сегодняшней темы, — листьев, насекомых, млекопитающих или рептилий. Потом она опрыскивала себя химическим составом с цитрусовыми производными, чтобы отбить запах женских феромонов — иначе могли возникнуть проблемы, потому что мужчины почувствовали бы ее запах и решили, что ей пора спариваться. Подготовившись, она проскальзывала внутрь через секретную дверь в чаще деревьев. Таким образом она появлялась

в мире Детей Коростеля и исчезала, не вызывая лишних вопросов.

— Они ей доверяют, — сказал Коростель. — Она замечательно с ними ладит.

У Джимми заныло сердце. Коростель влюбился, впервые в жизни. Дело даже не в том, что он похвалил Орикс, хотя похвалы от него не дождешься. Дело в его тоне.

— Где ты ее откопал? — спросил Джимми.

— Я ее давно знаю. Еще с аспирантуры в Уотсон-Крике.

— Она там училась? Если да, то чему?

— Не совсем, — сказал Коростель. — Я ее нашел через Студенческую службу.

— Ты был студентом, а она службой? — спросил Джимми, стараясь говорить повеселее.

— Именно. Я сказал им, что мне нужно — там можно было заказывать конкретно, фотографию показать или видеозапись, а они старались найти подходящее. Мне нужно было что-то похожее на — помнишь то шоу в Сети?

— Какое из?

— Я давал тебе распечатку. С «Аппетитных голопопок» — ты должен помнить.

— Не-а, — сказал Джимми.

— Шоу, которое мы смотрели, помнишь?

— Что-то такое смутно припоминаю, — сказал Джимми.

— Я использовал эту девочку для шлюза в «Вымирафоне», вспоминай.

— А, ну да, — сказал Джимми. — Каждому свое, как говорится. Тебе нужна была секс-малышка?

— Та, которую ко мне прислали, была совершеннолетняя.

— Ну, ясное дело.

— А потом я сам назначал ей свидания. В принципе, это не поощрялось, но мы все время от времени нарушаем правила.

— Правила нужны, чтобы их нарушать, — сказал Джимми. С каждой минутой ему становилось все хуже.

— А потом, когда я приехал сюда, я предложил ей официальную должность. Она с радостью согласилась. Во-первых, здесь ей платят в три раза больше, чем там, плюс бонусы, разумеется, а во-вторых, она сказала, что эта работа ее очень интересует. Должен сказать, она преданный сотрудник. — Коростель самодовольно улыбнулся, почти незаметная улыбочка вожака стаи. Джимми захотелось дать ему в морду.

— Отлично, — сказал он. Его будто резали тупым ножом. Найти и сразу потерять. Коростель

— его лучший друг. Уточнение: его единственный друг. Джимми не должен ее и пальцем трогать. Даже и подумать не моги.

Они ждали, пока Орикс выйдет из душа, где она смывала с себя защитный спрей и, прибавил Коростель, снимала зеленые контактные линзы: Детей Коростеля могли смутить ее карие глаза. Наконец она появилась, влажные темные волосы заплетены в косу; их с Джимми представили друг другу, и она своей маленькой ладошкой пожала ему руку. (Я ее коснулся, подумал Джимми, как десятилетний. Я по правде ее коснулся.)

Теперь она была одета, в стандартной лабораторной форме, куртка и брюки. На ней все это смотрелось как пижама. На кармане табличка с именем: «АНТИЛОПА БЕЙЗА (ОРИКС)». Она выбрала это имя из списка, который дал ей Коростель. Ей понравилось, что она будет называться в честь кроткого, не потребляющего воды восточноафриканского травоядного; правда, она расстроилась, когда ей сказали, что это животное давным-давно вымерло. Коростелю пришлось объяснять, что в «Пародизе» так принято.

Потом они втроем пили кофе в кафетерии «Пародиза». Говорили о Детях Коростеля — так их называла Орикс, — о том, как у них дела. Все одно

и то же каждый день, сказала Орикс. Они всегда тихие и довольные. Научились разводить огонь. Им понравился скунот. Ей с ними нравится, с ними отдыхаешь.

— А они не спрашивают, откуда взялись? — поинтересовался Джимми. — И что они тут делают? — Ему было на это начхать, просто требовалось вклиниться в разговор, чтобы смотреть на Орикс и не выдать себя.

— Ты не понял, — сказал Коростель своим тоном «какой-же-ты-придурок». — Эта функция была удалена.

— Нет, на самом деле спрашивают, — сказала Орикс. — Сегодня спросили, кто их создал.

— И?

— Я сказала им правду. Я сказала, что их создал Коростель. — Восхищенная улыбка, адресованная Коростелю: без этого Джимми вполне мог обойтись. — Я сказала им, что он очень умный и добрый.

— А они спросили, кто такой Коростель? — спросил Коростель. — Захотели его увидеть?

— Нет, их вроде не заинтересовало.

Дни и ночи Джимми превратились в сплошную пытку. Он мечтал прикоснуться к Орикс, преклоняться перед ней, открыть ее, как подарок

в дорогой обертке, хоть он и подозревал, что внутри может быть что-то ужасное — ядовитая змея, бомба или смертельные споры. Не в самой Орикс, разумеется. В возникшей ситуации. Это табу, повторял он себе снова и снова.

Он вел себя как можно достойнее: не проявлял к ней интереса — пытался его не выдавать. Ездил в плебсвилли, платил за девочек в барах. Девочек с жабрами, девочек в блестках, девочек в кружевах, он брал все, что предлагали. Всякий раз кололся Коростелевой вакциной; к нему приставили собственного телохранителя, так что он был в относительной безопасности. Первые несколько раз поездки волновали, потом отвлекали, потом стали привычкой. Но ничего не помогало от Орикс.

Он пытался забыться в работе, но она была слишком проста. Таблетки «НегиПлюс» будут продаваться сами, им не понадобится его помощь. Но скоро должна стартовать официальная кампания, и он распорядился, чтобы сотрудники придумали визуальный ряд, несколько ярких слоганов: Выбрасывайте презервативы! «НегаПлюс» — максимум наслаждения! Живите на полную катушку! Изображения мужчины и женщины, которые сдирают друг с друга одежду

и скалятся, как маньяки. Потом двое мужчин, потом две женщины (для них строчку про презервативы убрали). Потом трое. Такую херню он бы и во сне придумал.

Если бы, конечно, удалось заснуть. Ночами он лежал в кровати, смотрел в потолок, бранил себя и оплакивал свою судьбу. *Бранить, оплакивать*, полезные слова. *Хандра. Неразделенная любовь. Возлюбленная. Покинутый. Старомодный.*

А потом Орикс его соблазнила. А как это еще назвать? Явилась к нему нарочно, вошла и за две минуты вытащила его из панциря. Он почувствовал себя так, будто ему двенадцать лет. Она явно была опытна в этих делах, и так непринужденна в тот первый раз, что у него перехватило дыхание.

— Я не хотела, чтоб ты мучился, Джимми, — объяснила она. — Чтобы ты из-за меня страдал.

— Откуда ты знала, что я мучаюсь?

— Я всегда вижу.

— А как же Коростель? — спросил он после того, как она впервые подцепила его на крючок, подсекла, вытащила на берег и оставила там задыхаться.

— Ты друг Коростеля. Он тоже не хочет, чтобы ты мучился.

Джимми совершенно не был в этом уверен,

но сказал:

— Мне как-то неуютно.

— О чем ты говоришь, Джимми?

— Разве ты… ведь он… — Какой кретин!

— Коростель живет в высшем мире, Джимми, — сказала она. — Он живет в мире идей. Занимается важными вещами. У него нет времени играть. В любом случае Коростель — мой начальник. А с тобой весело.

— Да, но…

— Коростель не узнает.

Казалось, Коростель и впрямь не знал. Может, был слишком увлечен ею, не замечал, что творится вокруг; или, может, думал Джимми, любовь действительно слепа. Или ослепляет. А Коростель любил Орикс, никаких сомнений; он перед ней почти пресмыкался. Даже прикасался к ней на людях. Коростель тактильных контактов не любил, предпочитал физически отдаляться от людей, но теперь касался Орикс, клал руку ей на плечо, брал за руку, обнимал за талию, трогал идеальную попку. *Мое, мое*, говорила эта рука.

Более того, он, кажется, доверял ей — может быть, даже больше, чем доверял Джимми. Она великолепный специалист, говорил он. Он выдавал ей образцы «НегиПлюс», у нее имелись

полезные связи в плебсвиллях, былые коллеги по Студенческой службе. Поэтому она много ездила по всему миру. Секс-клиники, говорил Коростель. Бордели, говорила Орикс. Что может быть лучше для тестирования?

— Главное, не ставь опытов на себе, — говорил Джимми.

— Нет, нет, Джимми. Коростель сказал, чтобы я этого не делала.

— Ты всегда делаешь то, что говорит Коростель?

— Он мой начальник.

— Он сказал тебе делать это?

Распахнутые глаза.

— Что «это», Джимми?

— То, что ты делаешь сейчас.

— О, Джимми. Вечно ты шутишь.

Джимми было плохо, когда она уезжала. Он волновался за нее, тосковал, обижался, что ее нет рядом. Возвращаясь из своих путешествий, она возникала у него в комнате среди ночи, она всегда так делала, вне зависимости от того, что в программе у Коростеля. Сначала шла к нему, докладывала о том, чем занималась, каковы успехи: сколько таблеток, где она их распространяла, каковы результаты: точные сведения, поскольку

он был одержим. А потом она занималась, как она говорила, личной сферой.

Если верить Орикс, сексуальные потребности Коростеля были просты и незамысловаты, в отличие от секса с Джимми. Не веселье, а работа — хоть она уважала Коростеля, действительно уважала, ведь он был гений. Но, если Коростель просил ее остаться — может, заняться сексом еще раз, она придумывала отговорку — джетлаг, головная боль, что-нибудь правдоподобное. Ее ложь была незамысловата, Орикс умела врать как никто, лучшая лгунья в мире, и она целовала глупого Коростеля, улыбалась, махала рукой, и через минуту была с Джимми.

Какое мощное слово. *С*.

Он так и не привык к ней, каждый раз она придумывала что-нибудь новое, она была сокровищницей, полной секретов. В любой момент она могла открыться, явить ему нечто важное, нечто скрытое доселе, саму суть жизни, ее жизни или его — то, чего он всегда жаждал. Что?

— Что происходило в том гараже? — спросил Джимми. Он никак не мог успокоиться, он выспрашивал про ее прошлое, он должен был выяснить все. Все детали важны, любой ранящий осколок ее прошлого — огромная ценность.

Может, он добивался ее гнева, но так его и не увидел. Либо гнев ее прятался слишком глубоко, либо его вообще не существовало. Но Джимми отказывался в это верить. Она ведь не мазохистка и отнюдь не святая.

Они лежали на кровати у Джимми в спальне, смотрели телевизор, подключенный к компьютеру, — какой-то зоофильский порносайт, две обученные немецкие овчарки и выбритый альбинос, покрытый татуировками, изображающими ящериц. Звук выключен, одни картинки: эротические обои.

Они ели ужин, взятый навынос в ближайшем торговом центре: крокеты из «Пухлокур», жареные соевые ломтики и салат. В салате был шпинат из парников ОП: никаких пестицидов — по крайней мере, их наличие не признавалось, — и капуста с огромных капустных деревьев, непрерывное производство, очень эффективно. Капуста отдавала канализацией, но специальный соус отбивал этот привкус.

— В каком гараже, Джимми? — спросила Орикс. Она пропустила его слова мимо ушей. Ей нравилось есть руками, приборы она ненавидела. Зачем совать в рот большой кусок остро заточенного металла, говорила она. От этого еда на вкус

как жесть.

— Ты знаешь, какой гараж, — сказал он. — В Сан-Франциско. Этот извращенец. Этот дегенерат, который тебя купил, притащил сюда и заставил свою жену сказать, что ты была у них служанкой.

— Джимми, почему ты вечно придумываешь такие гадости? Я никогда не была ни в каком гараже. — Она облизала пальцы, разорвала крокету на кусочки и один скормила Джимми. Потом разрешила ему облизать ее пальцы. Он провел языком по маленьким ногтям. Максимальная близость, которую она могла ему позволить, не став пищей: она была в нем — часть ее была в части него. Во время секса наоборот: он был в ней. В старых книгах возлюбленные говорят: *Ты будешь моя*. Никогда не говорят: *Ты будешь мной*.

— Я знаю, что это была ты, — сказал Джимми. — Я видел фотографии.

— Какие фотографии?

— Так называемый скандал со служанками. В Сан-Франциско. Этот старый страшный урод заставлял тебя заниматься с ним сексом?

— О, Джимми, — она вздохнула. — Так вот ты о чем. Я это видела по телевизору. Почему ты думаешь об этом человеке? Он был такой старый,

что почти умер.

— Нет, ты скажи, он делал это?

— Никто не заставлял меня заниматься сексом в гараже. Я же тебе сказала.

— Ладно, уточнение: никто тебя не заставлял, но ты это делала?

— Ты не понимаешь меня, Джимми.

— Но я хочу понять.

— Разве? — Пауза. — Хорошая картошка. Только представь себе, Джимми, миллионы людей во всем мире никогда не пробовали такие жареные ломтики! Мы с тобой везунчики!

— Скажи мне. — Это точно была она. — Я не буду злиться.

Вздох.

— Он был хороший человек, — сказала Орикс голосом доброго сказочника. Иногда Джимми казалось, что она импровизирует, просто чтобы его ублажить, иногда — что все ее прошлое, все, о чем она рассказывала, изобрел он сам. — Он спасал девушек. Он оплатил мой билет на самолет, как и говорили в новостях. Если бы не он, меня бы здесь не было. Ты должен быть ему благодарен!

— Почему это я должен быть благодарен лицемерному ханже? Ты так и не ответила на мой вопрос.

— Ответила. А теперь давай про это забудем.

— Долго он тебя там продержал, в этом гараже?

— Это была скорее квартира, чем гараж, — сказала Орикс. — У них в доме не было места. Я была не единственная девушка, которую они к себе взяли.

— Они?

— Они с женой. Они пытались нам помочь.

— А она ненавидела секс, так ведь? Поэтому они взяли тебя в дом? Чтобы ты избавила ее от домогательств старого козла?

Орикс опять вздохнула.

— Почему ты думаешь о людях только плохо, Джимми? Она была очень возвышенным человеком.

— Хрена с два.

— Не ругайся, Джимми. Я хочу, чтобы мне было хорошо с тобой. У меня не очень много времени, мне скоро уезжать, у меня дела. Почему тебя волнуют вещи, которые случились так давно? — Она склонилась над ним, поцеловала его — на губах еще оставался вкус «Пухлокур».

Мазь, маслянистый, шикарно, чувственно, сладострастно, распутно, восхитительно, — пронеслось в голове у Джимми. Он тонул в словах

и чувствах.

Потом он спросил:

— Куда ты едешь?

— Куда-то. Я тебе оттуда позвоню. — Она не скажет.

Заказ навынос

Начинается та часть истории, которую Снежный человек прокручивает в голове раз за разом. Его преследует *если бы*. Но *если бы* что? Что он мог сказать или сделать иначе? Какой его поступок изменил бы ход событий? По большому счету никакой. А по малому?

Не ходи. Останься. По крайней мере, они были бы вместе. Может, она бы выжила — почему нет? И тогда была бы с ним здесь, сейчас.

Мне надо прогуляться. Я только в торговый центр. Нужно воздухом подышать. Хочу пройтись.

Позволь мне пойти с тобой. Тут опасно.

Не глупи! Тут повсюду охранники. Меня все знают. Я в полной безопасности.

У меня дурное предчувствие.

Но у Джимми не было дурных предчувствий. В тот вечер он был счастлив. Счастлив и ленив. Она пришла час назад. Пришла от Детей Коростеля, показала им новые листья и траву, была еще мокрая, только что из душа. В каком-то кимоно с красными и оранжевыми бабочками, в темную косу вплетена розовая лента, коса обмотана

вокруг головы. Орикс пришла запыхавшаяся, возбужденная и радостная (или очень хорошо имитировала радость и возбуждение), и первым делом он распустил ей волосы. Ее коса трижды обмоталась вокруг его ладони.

— Где Коростель? — прошептал он. Она пахла лимонами и свежей листвой.

— Не волнуйся, Джимми.

— Но все же где?

— Он не в «Пародизе», он ушел. У него встреча. Он не захочет меня видеть, когда вернется, он сказал, что сегодня будет думать. Когда он думает, он не хочет секса.

— Ты любишь меня?

Этот смех. Что он значил? *Глупый вопрос. Зачем спрашивать? Ты слишком много говоришь*. Или: *Что такое любовь?* Или, возможно: *Размечтался.*

Прошло время. Она снова заколола волосы, надела кимоно и подвязала его кушаком. Он стоял у нее за спиной и смотрел в зеркало. Хотел обнять ее, снять все, что она только что надела, начать сначала.

— Не уходи, — сказал он, но ей без толку говорить *не уходи*. Как она решила, так и сделает. Иногда ему казалось, что он лишь один из вы-

зовов на ее тайном маршруте — что до утра ей нужно многих обслужить. Нехорошие мысли, но это не исключено. Он понятия не имел, чем она занимается, когда она не с ним.

— Я скоро вернусь, — ответила Орикс, надевая маленькие красно-розовые сандалии. — Принесу пиццу. Хочешь к ней что-нибудь, Джимми?

— Почему бы нам не бросить всю эту ерунду и не сбежать куда-нибудь, — сказал он, поддавшись порыву.

— Сбежать отсюда? Из «Пародиза»? Зачем?

— Мы сможем быть вместе.

— Джимми, ты смешной! Мы же сейчас вместе!

— Мы можем сбежать от Коростеля, — сказал Джимми. — Нам не придется прятаться, мы можем…

— Но, Джимми. — Удивленный взгляд. — Мы нужны Коростелю.

— Я думаю, он все знает, — сказал Джимми. — Про нас с тобой. — Он не верил в это, верил и не верил. Конечно, в последнее время они становились все безрассуднее. Как мог Коростель не заметить? Может ли человек, настолько умный в одних областях, быть таким идиотом в других? Или Коростель еще хитрее Джимми? Если и так,

признаков не было.

Джимми проверял свою комнату: искал жучки, мини-камеры, микрофоны. Он знал, что нужно искать, — так ему казалось. Но ничего не находил.

Были признаки, думает Снежный человек. Были, а я не заметил.

К примеру, однажды Коростель спросил:

— Ты смог бы убить того, кого любишь, чтобы избавить его от страданий?

— Ты про эвтаназию? — спросил Джимми. — Спустить в унитаз любимую черепашку?

— Просто ответь, — сказал Коростель.

— Я не знаю. Что за любовь, что за страдания?

Коростель сменил тему.

Потом как-то за обедом он сказал:

— Если со мной что-нибудь случится, я рассчитываю, что ты позаботишься о проекте «Пародиз». Когда меня здесь нет, вся ответственность на тебе. Это официальный постоянный приказ.

— Что значит — «что-нибудь случится»? — сказал Джимми. — Что такое с тобой случится?

— Ну, ты знаешь.

Джимми решил, что он имеет в виду похищение или покушение со стороны оппозиции: постоянная угроза для гениев из ОП.

— Конечно, — сказал он, — но, во-первых, у тебя потрясающая система безопасности, во-вторых, тут есть люди, которые разбираются в этом куда лучше меня. Я просто не потяну проект, я же в науке дуб.

— Эти люди — специалисты, — сказал Коростель. — Они не смогут нормально общаться с нашими моделями, им просто терпения не хватит. Даже мне не удается. Не могу настроиться на их волну. А ты — специалист общего профиля.

— То есть?

— Ты тоже можешь часами сидеть и ничего не делать. Прямо как они.

— Ну, спасибо, — сказал Джимми.

— Нет, я серьезно. Я хочу — я хотел бы, чтобы это был ты.

— А как же Орикс? — спросил Джимми. — Она гораздо лучше знает Детей Коростеля. — Джимми и Орикс называли их «Дети Коростеля», но сам Коростель — никогда.

— Если меня здесь не будет, не будет и Орикс, — сказал Коростель.

— Она что, устроит самосожжение? Чушь какая! Может, она принесет себя в жертву на твоем погребальном костре?

— Что-то в этом роде, — усмехнулся Коростель.

Джимми тогда счел это шуткой и свидетельством исполинского Коростелева самомнения.

— Я думаю, Коростель за нами шпионит, — сказал Джимми в ту, последнюю, ночь. И сказав, понял, что это могло оказаться правдой, хотя, может, он сказал так, чтобы напугать Орикс. Чтобы она запаниковала; хотя конкретных планов у него не было. Допустим, они убегут, но куда — где их не найдет Коростель? И как они будут зарабатывать? Может, Джимми придется стать сутенером, продавать Орикс? Потому что у него нет навыков, которые пригодятся для заработка, нечего использовать в плебсвиллях — по крайней мере, если им придется уйти в подполье. А им придется. — Я думаю, он ревнует.

— О, Джимми. Зачем Коростелю ревновать? Он не одобряет ревность. Он считает, это неправильно.

— Он человек, — сказал Джимми. — Что бы он ни одобрял.

— Джимми, я думаю, это ты ревнуешь. — Орикс улыбнулась, поднялась на цыпочки, чмокнула его в нос. — Ты хороший мальчик. Но я никогда не брошу Коростеля. Я верю в него, я верю в его, — она задумалась, подыскивая слово, — в его… мечту. Он хочет, чтобы наш мир стал лучше.

Так он мне говорит. Я думаю, это замечательно, правда, Джимми?

— Я в это не верю, — сказал Джимми. — Я знаю, что он так говорит, но меня на это не купишь. Ему наплевать, прекрасен наш мир или ужасен. Ему интересно только…

— О, Джимми, ты очень не прав. Он нашел, в чем проблема, и мне кажется, что он прав. На земле слишком много людей, и люди из-за этого плохие. Я знаю это из своей жизни, Джимми. Коростель очень умный!

Зря Джимми поливает Коростеля грязью. Коростель — ее кумир, в каком-то смысле. В очень важном смысле. А он, Джимми, не кумир.

— Ладно, принято. — Он хотя бы не всё испортил: она не разозлилась. Это главное.

Какой же я был тряпкой, думает Снежный человек. Околдованный. Одержимый. Не *был — есть*.

— Джимми, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

— Конечно.

— Если Коростеля здесь не будет, если он куда-нибудь уйдет и если меня тоже не будет, я хочу, чтобы ты позаботился о Детях Коростеля.

— Тебя не будет? Почему это тебя не будет? — Опять тревога, подозрения: они планируют

сбежать, оставить его тут? В этом дело? Он для Орикс был игрушкой, а для Коростеля — придворным шутом? — У вас что, медовый месяц намечается?

— Не глупи, Джимми. Они как дети, им нужен кто-нибудь. К ним нужно по-доброму.

— Вы ошиблись адресом, — сказал Джимми. — Если я проведу с ними больше пяти минут, я свихнусь.

— Я знаю, что ты сможешь. Я серьезно, Джимми. Скажи, что ты это сделаешь, не подведи меня. Обещаешь? — Она гладила его, целовала его руку, ее губы ползли все выше.

— Ну, ладно. Клянусь, провалиться мне на этом месте. Ты счастлива? — Эта клятва ему ничего не стоила, все это — чисто теоретически.

— Да, теперь я счастлива. Я очень скоро вернусь, Джимми, и мы поедим. Хочешь анчоусов?

Что она имела в виду, в сотый раз спрашивает себя Снежный человек. О чем догадывалась?

Воздушный шлюз

Он ждал ее — сначала с нетерпением, потом встревожился, потом запаниковал. Сколько же времени там пиццу готовят?

Первое сообщение поступило в девять сорок пять. Коростеля не было, Джимми — его заместитель, поэтому за ним прислали человека из аппаратной.

Сначала Джимми решил, что все как обычно, очередная небольшая эпидемия или вспышка биотерроризма, подобных сообщений в новостях всегда хватало. Мальчики и девочки в костюмах биозащиты с огнеметами, палатками-изоляторами, цистернами с дезинфицирующим раствором и известковыми ямами, как всегда, обо всем позаботятся. Кроме того, это же в Бразилии. Очень далеко. Но Коростель приказал докладывать о любых инцидентах где угодно, и Джимми пошел смотреть, что творится.

Потом еще одна вспышка, потом еще, еще и еще, точно артобстрел. Тайвань, Бангкок, Саудовская Аравия, Бомбей, Париж, Берлин. Плебсвилли к западу от Чикаго. Карты на мониторах мерцали красным, будто кто-то краской брызгал. Не просто

редкие изолированные точки. Повсеместно.

Джимми позвонил Коростелю на мобильный, но тот не отвечал. Он сказал ребятам в аппаратной включить новостные каналы. Необычные кровоизлияния, сказал ведущий; симптомы — лихорадка, кровотечение из глаз и кожных пор, конвульсии, затем отказ внутренних органов и смерть. Период от появления первых симптомов до летального исхода поразительно короток. Инфекция переносится по воздуху, но есть вероятность, что она также распространяется через воду.

Зазвонил мобильный. Орикс.

— Где ты? — закричал он. — Возвращайся. Ты видела…

Орикс плакала. Это было настолько неожиданно, что Джимми смешался.

— О, Джимми, — сказала она. — Мне так жаль. Я же не знала.

— Все в порядке, — утешил он. Потом дошло: — О чем ты?

— Это было в таблетках. В тех, которые я возила, которые я продавала. Это те самые города, я туда ездила. Эти таблетки должны были помогать людям! Коростель говорил…

Связь оборвалась. Он перезвонил: занято. По-

том щелчок. Потом тишина.

А что, если эта штука уже добралась до Компаунда? А что, если Орикс заразилась? Если она появится, он не сможет захлопнуть перед ней дверь. Не сможет, даже если она будет истекать кровью из всех пор.

К полуночи вспышки возникали почти одновременно. Даллас. Сиэтл. Новый Нью-Йорк. Инфекция не переносилась из города в город: она появлялась в нескольких городах разом.

В комнате было еще трое из персонала: Носорог, Дюгонь и Белая Осока. Один что-то напевал, второй насвистывал, Белая Осока плакала. *«Пришел решающий момент»*. Двое остальных это уже сказали.

— Какой у нас план действий?

— Что нам делать?

— Ничего, — сказал Джимми, стараясь не паниковать. — Здесь мы в безопасности. Можем переждать. На складе достаточно резервов. — Он посмотрел на их перекошенные лица. — Мы должны защитить модели. Мы не знаем, каков инкубационный период, не знаем, кто может быть переносчиком инфекции. Мы не можем себе позволить впускать людей внутрь.

Это немного привело их в чувство. Он вышел из

аппаратной, поменял коды на внутренней двери и на двери к шлюзу. Зазвонил видеофон. Это был Коростель. Лицо на экранчике почти обычное — кажется, он сидел в баре.

— Ты где? — заорал Джимми. — Ты в курсе, что творится?

— Беспокоиться не о чем, — сказал Коростель. — Все под контролем. — Судя по голосу, он был пьян — необычно для него.

— Под каким, в жопу, *контролем*? Какое такое *все*? Это глобальная эпидемия! Это Красная Смерть! Что было в этих таблетках, в этой «НеГеПлюс»?

— Кто тебе сказал? — спросил Коростель. — Птичка насвистела? — Он точно был пьян; пьян или под какими-то колесами.

— Не важно. Это правда?

— Я в торговом центре, в пиццерии. Скоро приду, — сказал Коростель. — Держи оборону.

Коростель отключился. Может, он нашел Орикс, подумал Джимми. Может, он ее приведет, может, с ней все в порядке. Недоумок, подумал он.

Он сходит проверить, как поживает проект «Пародиз». Была включена симуляция ночного неба, светила фальшивая луна, Дети Коростеля, кажется, безмятежно спали.

— Хороших снов, — прошептал он. — Спите спокойно. Вы единственные, кому это позволено.

То, что случилось потом, отпечаталось в голове, как замедленная съемка. Порнуха с отключенным звуком, мозгоплавка без рекламных вставок. Мелодрама, настолько наигранная, что они с Коростелем животы бы надорвали от смеха, если бы смотрели ее на DVD, когда им было лет по четырнадцать.

Сначала ожидание. Джимми сидел в кресле в кабинете, уговаривал себя успокоиться. В голове крутились старые слова: *злосчастный, кишеть, пестик, саван, куртизанка*. Потом он встал. *Лепет, пигмент*. Включил компьютер, полазил по новостным сайтам. Сплошной бардак, не хватает машин «Скорой помощи». Политики уже уговаривали сохранять спокойствие, полицейские машины ездили вокруг, с их крыш мегафоны орали: «Не выходите на улицу». Грянули молитвы.

Сочленение. Меланхоличный. Скупиться.

Он пошел на аварийный склад, взял пистолет-распылитель, зарядил, поверх одежды нацепил камуфляжную куртку. Вернулся в аппаратную и сказал тем троим, что поговорил с ККБ из ОП (вранье) и что, по их словам, непосредственной опасности нет (тоже вранье). Он прибавил, что

говорил с Коростелем и Коростель приказал им возвращаться в свои комнаты и поспать, им понадобятся силы. Кажется, они успокоились и были только рады выполнить приказ.

Джимми проводил их до воздушного шлюза, выпустил в коридор и отправил в жилой комплекс. Он смотрел им вслед и видел мертвецов. Ему было грустно, что пришлось поступить так, но он не мог рисковать. Их трое, а он один; если они запаникуют, попытаются выбраться из комплекса или впустить туда своих друзей, он им помешать не сможет. Когда они скрылись из виду, он заперся. Теперь во внутреннем помещении остался только он и Дети Коростеля.

Он посмотрел новости, выпил скотча, собираясь с силами. *Метлица. Баньши. Вайда.* Он ждал Орикс, но надежда угасала. Наверное, что-то случилось. Иначе Орикс уже была бы здесь.

На рассвете запищал монитор у двери. Кто-то набирал код у воздушного шлюза. Разумеется, ничего не получилось: Джимми все коды поменял.

Заработал интерком.

— Ты что творишь? — сказал Коростель. Судя по голосу, он злился. — Открывай.

— Следую Плану Б, — сказал Джимми. — В случае биологической атаки никого не впускать.

Твой приказ. Я запечатал воздушный шлюз.

– *Никого* — не значит меня, — сказал Коростель. — Вот же орех пробковый.

— Откуда мне знать, что ты не переносчик заразы? — сказал Джимми.

— Я не переносчик.

— Откуда мне знать?

— Предположим, — устало сказал Коростель, — что я все это предусмотрел и принял меры. В любом случае у тебя иммунитет.

— Почему это? — спросил Джимми. Сегодня у него было неважно с логикой. В рассуждениях Коростеля что-то было неправильно, только не поймешь что.

— Сыворотка с антителами в вакцине для плебсвиллей. Помнишь, ты кололся этой дрянью? Когда ты ездил в плебсвилли, чтобы изваляться в грязи и забыть про свою несчастную любовь.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джимми. — Откуда ты знаешь, где я был, чего хотел? — У него бешено колотилось сердце; язык заплетался.

— Придурок, впусти меня.

Джимми открыл дверь в воздушный шлюз. Теперь Коростель был у внутренней двери. Джимми включил монитор. Прямо перед глазами оказалась голова Коростеля, она занимала весь экран.

Выглядел он паршиво. На воротничке рубашки пятно — кровь?

— Где ты был? — спросил Джимми. — Ты что, дрался?

— Лучше не спрашивай, — сказал Коростель. — А теперь впусти меня.

— Где Орикс?

— Она здесь, со мной. Ей плохо.

— Что с ней? Что происходит? Дай мне с ней поговорить!

— Она не в состоянии говорить. Я не могу ее поднять. Меня ранили. А теперь прекрати ебать мне мозг и впусти нас.

Джимми вытащил пистолет. Потом набрал код и отошел в сторону. Волосы у него на руках стояли дыбом. *Мы понимаем больше, чем знаем.*

Дверь распахнулась.

Бежевые брюки Коростеля были заляпаны кровью. В правой руке — обычный перочинный нож, с двумя лезвиями, пилочкой для ногтей, штопором и ножницами. Другой рукой Коростель обнимал Орикс: она будто уснула, уткнулась лицом ему в грудь, вдоль спины — длинная коса с розовой лентой.

Пока Джимми смотрел, не веря своим глазам, Коростель перекинул Орикс на левую руку.

Посмотрел Джимми прямо в глаза, без улыбки.

— Я на тебя рассчитываю, — сказал он. А потом перерезал ей горло.

Джимми его застрелил.

13

Купол

После грозы прохладнее. От деревьев вдалеке поднимается пар, солнце клонится к закату, птицы заводят свой вечерний концерт. В вышине кружат три вороны, черные крылья — будто пламя, почти различимы слова. *Коростель! Коростель!* — кричат они. А сверчки трещат: *Орикс*. У меня галлюцинации, думает Снежный человек.

Он все тащится по стене — один мучительный шаг за другим. Ступня — как огромная вареная сарделька, набитая перемолотой плотью, никаких костей, вот-вот лопнет. Какая бы инфекция ни засела в ноге, очевидно, антибиотики из сторожевой башни на нее не действуют. Может, в «Пародизе», где-то на разгромленном Коростелевом аварийном складе — он знает, что там разгром, он сам его разгромил, — найдется что-нибудь эффективнее.

Аварийный склад Коростеля. Чудесный план Коростеля. Гениальные идеи Коростеля. Коростель, Король своего Коростельства, Коростель еще там, в своих владениях, он все еще правит, пусть купол потемнел. Темнее темного, и часть этой темноты принадлежит Снежному человеку.

Он помогал ей явиться на свет.

— Давай туда не пойдем, — говорит Снежный человек.

Милый, ты уже там. Ты оттуда никогда не уходил.

У восьмой сторожевой башни, той, что выходит на парк возле купола, Снежный человек смотрит, не открыта ли дверь в комнату наверху, — он предпочел бы спуститься по лестнице, — но, увы, дверь заперта. Он внимательно изучает пространство внизу через бойницы: вроде крупных животных не видно, хотя в подлеске что-то шуршит — Снежный человек надеется, что просто белка. Он вытаскивает из мешка скрученную простыню, привязывает ее к вентиляционной трубе — непрочная конструкция, но вариантов нет, — и спускает свободный конец простыни со стены. Длины не достает футов на семь, но падение он переживет, если не приземлится на больную ногу. Он ползет по веревке — одна рука, потом вторая. Висит на конце веревки, точно паук, медлит — был же способ прыгать? Что он читал о прыжках с парашютом? Кажется, надо согнуть колени. Потом он прыгает.

Он приземляется на обе ноги. Боль жуткая, он катается по мокрой земле, подвывая, точно

подстреленный зверь, потом хныча поднимает себя на ноги. Уточнение: на ногу. Вроде ничего не сломал. Он озирается в поисках палки, вместо костыля, находит. У палок большой плюс — они растут на деревьях.

Теперь хочется пить.

Он продирается сквозь заросли и прущие из земли сорняки, прыг-прыг-скок, скрипя зубами. По дороге наступает на большого бананового слизня и чуть не падает. Он ненавидит это ощущение: слизняк холодный и липкий, как ободранная мышца в холодильнике. Ползучая сопля. Будь он одним из Детей Коростеля, пришлось бы извиняться: *Извини, что я наступил на тебя, дитя Орикс, пожалуйста, прости мне мою неловкость*.

Он пытается сказать это вслух:

— Ну, извини.

Ему послышалось или был ответ?

Если заговорили слизняки, значит, времени в обрез.

Он подходит к куполу, огибает эту огромную белую, горячую, скользкую опухоль, до главного входа. Ну да, воздушный шлюз открыт. Глубокий вдох, он входит.

А вот Коростель и Орикс — то, что от них оста-

лось. Их разгрифовали, разбросали по полу, большие и маленькие кости перемешались огромным пазлом.

А вот и Снежный человек, тупой как пробка, болван, бездельник, простофиля, по лицу струится вода, гигантский кулак сжимает сердце, он смотрит на свою единственную любовь и на единственного друга. Пустые глазницы Коростеля таращатся на Снежного человека, как когда-то — пустые глаза. Коростель ухмыляется обглоданным черепом, оскалив зубы. А Орикс лежит лицом вниз, отвернувшись, будто горюет. Лента в волосах все такая же розовая.

О, как оплакать их? Даже и тут он ни на что не годится.

Снежный человек идет внутрь, мимо поста охраны, в жилые отсеки. Теплый воздух, влажный, несвежий. Сначала на склад — его Снежный человек находит без труда. Там темно, только свет из слуховых окон, но есть фонарик. Пахнет плесенью и мышами, а может, крысами, но в целом все нетронуто с тех пор, как он тут был в последний раз.

Он находит шкафы с медикаментами, роется в них. Депрессоры языка, марлевые прокладки, перевязочный материал для ожогов. Коробка

ректальных термометров, но Снежному человеку не требуется засовывать эту штуку себе в зад — и так понятно, что жар. Три или четыре вида антибиотиков, в таблетках — значит, действуют медленно, — и последняя бутылка супербактерицидного коктейля для плебсвиллей, производства Коростеля. *Успеешь смотаться туда и обратно, но не задерживайся, иначе, когда часы пробьют полночь, ты превратишься в тыкву*, — обычно говорил Коростель. Снежный человек читает надпись на этикетке — Коростелевы инструкции, — прикидывает дозу. Он так ослабел, что с трудом поднимает бутылку; приходится угробить немало времени, чтобы отвинтить крышку.

Буль-буль-буль, написано в пузыре над головой. *Прямо в горло*.

Нет, эту дрянь не надо пить. Он находит коробку чистых шприцов и делает себе укол.

— Вот вам, бактерии, — говорит он. Потом ковыляет в свою квартиру, туда, где когда-то была его квартира, падает на отсыревшую незастланную кровать и отрубается.

Во сне к нему прилетает Попугай Алекс. Он влетает через окно и приземляется на подушку. На этот раз он ярко-зеленый, с фиолетовыми крыльями и желтым клювом, сверкает, точно

маяк, и Снежного человека переполняют счастье и любовь. Попугай наклоняет голову, смотрит одним глазом, потом другим.

— Синий треугольник, — говорит Алекс и неожиданно вспыхивает, краснеет, начиная с глаз. Перемена устрашающая: попугай — будто лампочка, которая постепенно заполняется кровью. — А теперь я улетаю, — говорит Алекс.

— Нет, подожди, — кричит Снежный человек или хочет закричать. Губы не движутся. — Не улетай! Скажи мне…

Потом шелест сквозняка, ффыф-ф, Попугай Алекс исчез, а Снежный человек сидит в своей бывшей постели, в темноте, весь в поту.

Каракули

Наутро нога вроде получше. Опухоль спала, боль притупилась. Вечером он еще раз двинет себя Коростелевой сывороткой. Он знает, что злоупотреблять нельзя: вакцина очень сильная. Превысишь дозу, и клетки полопаются, как спелые виноградины.

Дневной свет пробивается через блоки стеклянного потолка. Снежный человек в недоумении бродит по своей квартире, будто неприкаянный датчик. Вот его шкаф, вот одежда, которая когда-то была его одеждой, легкие рубашки и шорты, аккуратно развешаны на плечиках, уже гниют. Обувь, но сейчас об этом подумать страшно. Все равно что передвигаться на копытах, к тому же распухшая нога может не влезть в ботинок. Стопки трусов на полках. Зачем он вообще это носил? Теперь они кажутся странным арсеналом садомазо.

На складе он находит какие-то пакеты и банки. На завтрак ест холодные равиоли в томатном соусе и половину батончика, запивая это все теплой колой. Не осталось ни виски, ни пива, он изничтожил все запасы в те несколько недель,

что провел здесь взаперти. Ну и ладно. Все равно первое желание — выхлестать все как можно быстрее, чтобы вместо памяти остались одни помехи.

Теперь не получится. Он увяз в прошлом, навалились зыбучие пески. Он тонет.

Застрелив Коростеля, Джимми снова закрыл внутреннюю дверь на кодовый замок. Коростель и Орикс лежали, переплетясь между дверями в воздушном шлюзе, он не смог заставить себя их коснуться, поэтому там и оставил. Накатил мимолетный романтический порыв — может, отрезать на память часть косы Орикс, — но Джимми устоял.

Он вернулся в свою комнату, выпил скотча, потом еще скотча и еще, пока наконец не отрубился. Разбудил его сигнал у внешней двери: Белая Осока и Черный Носорог пытались войти. И другие с ними, конечно. Джимми им не ответил.

Назавтра он в какой-то момент сделал четыре соевых тоста и заставил себя их съесть. Выпил бутылку воды. Все тело было как ушибленный палец: онемело, но болит.

Днем зазвонил телефон. Какой-то чиновник из ККБ искал Коростеля.

— Скажи этому ублюдку, пусть быстро берет свои долбаные гениальные мозги в охапку, валит сюда и помогает разбираться, в чем дело.

— Его здесь нет, — сказал Джимми.

— А с кем я говорю?

— Не могу сказать. Протокол системы защиты.

— Короче, слушай, кто бы ты ни был. Я, кажись, понял, что за дрянь этот урод подстроил, и когда я до него доберусь, сверну ему шею самолично. Голову даю на отсечение, у него есть вакцина от этой заразы, и он хочет стрясти с нас хорошенькие денежки.

— Правда? Вы так думаете? — спросил Джимми.

— Я знаю, что этот ублюдок там. Сейчас приду и разнесу дверь к едрене матери.

— Я бы на вашем месте не стал этого делать, — сказал Джимми. — Здесь наблюдается очень странная активность микробов. Очень необычная. Жара как в аду. Я в костюме биозащиты, но все равно не знаю, заразился я или нет. Где-то по-крупному напортачили.

— Вот черт. Здесь? В «Омоложизни»? Я думал, тут все герметично.

— Да, накладочка вышла, — сказал Джимми. — Мой вам совет, поищите на Бермудах. Я думаю,

он улетел туда и прихватил с собой немало наличных.

— Значит, этот говнюк нас продал с потрохами. Да, все сходится. Все совершенно точно сходится. Слушай, спасибо тебе за информацию.

— Удачи, — сказал Джимми.

— Да, конечно, тебе того же.

Больше никто во внешнюю дверь не трезвонил, никто не ломился. До ребят из «Омоложизни», видимо, дошло. Что касается сотрудников, наверное, увидев, что охрана разбежалась, они тоже рванули наружу, к внешним воротам. Стремясь к тому, что казалось им свободой.

Трижды в день Джимми заходил к Детям Коростеля, подсматривал за ними, как вуайерист. Впрочем, почему «как»? Он и был вуайерист. Они казались счастливыми — по крайней мере, довольными. Паслись, дрыхли, часами сидели и вроде ничего не делали. Матери нянчили младенцев, дети постарше играли друг с другом. Мужчины мочились, встав в круг. У одной женщины началась синяя фаза, и мужчины совершали брачные танцы, пели, держа в руках цветы, и размахивали синими пенисами. Сложившаяся пятерка устроила себе праздник плодовитости где-то в кустах.

Может, мне с ними пообщаться, думал Джимми. Помочь им изобрести колесо. Оставить им в наследство свои знания. Передать им все мои слова.

Нет, не выйдет. Безнадежно.

Иногда они тревожились — собирались группками и что-то бормотали. Спрятанные микрофоны ловили звук:

— Где Орикс? Когда она вернется?

— Она всегда возвращается.

— Она должна быть здесь, учить нас.

— Она всегда учит нас. Она учит нас даже сейчас.

— Она здесь?

— Для Орикс здесь и не здесь — одно и то же. Она сама говорила.

— Да, она говорила.

— А что это значит?

Это напоминало теологические дебаты умалишенных в специальном аду для аддиктов сетевого общения. Джимми хватало ненадолго.

Остальное время он тоже пасся, дрых, часами сидел и ничего не делал. Первые две недели следил за развитием событий в Сети или в новостях по телевизору: беспорядки в городах, когда начались проблемы с транспортом, разграбленные

супермаркеты; взрывы, когда отказали энергосистемы, пожары, которые никто не тушил. Толпы наводнили церкви, мечети, синагоги и храмы, молились и каялись, а потом разбегались, как только верующие осознавали, что риск заражения растет. Случались массовые исходы в маленькие города и фермерские районы, тамошние жители отбивались от беженцев как могли и пока могли запрещенным огнестрельным оружием, дубинками и вилами.

Сначала журналисты тщательно отслеживали события, снимая с вертолетов и комментируя происходящее, будто футбольный матч. *Ты видел? Невероятно! Брэд, в это поверить невозможно. Мы только что видели толпу обезумевших вертоградарей, которые освободили «Пухлокур». Какая ржака — эти штуки, «Пухлокуры», даже ходить не умеют! (Смех.) А теперь вернемся в студию.*

Должно быть, вначале, думает Снежный человек, во время хаоса, какому-то умнику пришло в голову освободить свиноидов и волкопсов. *Огромное нечеловеческое спасибо*.

Уличные проповедники занимались самобичеванием и завывали про Апокалипсис, хотя были несколько разочарованы: где же трубы и архангелы, почему луна не окрасилась кровью?

На экранах появлялись ученые мужи в костюмах; медэксперты; на графиках — уровень заражения, на картах — распространение инфекции. Они использовали темно-розовый, как когда-то для Британской империи. Джимми предпочел бы другой цвет.

Комментаторы не скрывали страх. *Кто следующий, Брэд? Когда они создадут вакцину? Саймон, я слыхал, ученые работают круглосуточно, но эту штуку пока никто не победил. Брэд, положение угрожающее. Саймон, не надо громких слов, человечество и не такое переживало.* Ободряющая улыбка, большие пальцы вверх, мутные глаза, бледные лица.

Наспех снимались документальные фильмы с изображением вируса — по крайней мере, им удалось его изолировать, он выглядел вполне обычно для вируса — кусок подтаявшего мармелада с шипами — и комментариями специалистов. *Супервирулентный гибрид. Остается гадать, является ли он результатом лавинообразной мутации или был создан намеренно*. Все глубокомысленно кивают. Вирусу придумали имя — так казалось, что с ним легче справиться. Его назвали «В-УМ» — Вирус Ультрамолниеносный. Возможно, они уже что-то знали — к примеру,

чем Коростель в действительности занимался, прячась в самом сердце «Омоложизни». Явился судить живых и мертвых, в прямом смысле слова, думал Джимми, но кто дал ему право судить?

Теории заговора плодились, как кролики: это религиозная секта, вертоградари, заговор с целью захватить власть над миром. В первую неделю настойчиво рекомендовалось кипятить воду и не покидать места проживания, рукопожатия нежелательны. В ту же неделю возник бешеный спрос на латексные перчатки и фильтры для носа. Как мертвому припарки, думал Джимми. Примерно так же действенно, как апельсин, утыканный гвоздикой, против чумы.

Вирус распространяется. Началась эпидемия на Фиджи, где до сих пор случаи заболевания не выявлялись. Глава ККБ объявляет Новый Нью-Йорк зоной бедствия. Основные транспортные пути перекрыты.

Брэд, эта зараза очень быстро бегает. Саймон, это невероятно.

— Способность любой системы адаптироваться к изменениям зависит от скорости изменений, — говорил Коростель. — Прислонись головой к стене — ничего не будет, но если та же самая голова ударится о ту же самую стену на скорости

девяносто миль в час, брызнут мозги. Мы сейчас в скоростном тоннеле, Джимми. Когда скорость воды превышает скорость лодки, ты перестаешь контролировать ситуацию.

Я слушал, думает Джимми, но не слышал.

На вторую неделю началась всеобщая мобилизация. Быстро созвали эпидемиологов, те приняли командование: полевые клиники, изоляторы, города, а потом и мегаполисы в карантине. Но все пошло прахом, когда доктора и медсестры заболели или запаниковали и смылись.

Англия закрывает порты и аэропорты.

Все пути сообщения с Индией перекрыты.

Больницы переполнены, ждите уведомлений. Если вы почувствуете недомогание, пейте побольше воды и звоните на нашу «горячую линию».

Не пытайтесь, повторяем, не пытайтесь уехать из города.

Больше не было Брэда, и Саймона тоже не было. Брэд и Саймон исчезли. На их место пришли другие, потом третьи.

Джимми позвонил на «горячую линию» и услышал запись: ему сообщили, что эта линия не работает. Затем позвонил отцу, чего не делал много лет. Там он услышал то же самое.

Он проверил почту. Новых сообщений нет.

Только старая открытка, которую он почему-то не удалил. *С днем рождения, Джимми, пусть все твои мечты сбываются*. Свиньи с крыльями.

На одном частном сайте повесили карту: горящие точки обозначали места, откуда еще отвечали по спутниковой связи. Джимми завороженно смотрел, как точки исчезают одна за другой.

Он был в шоке. Видимо, потому и не мог осознать происходящее. Будто кино. Однако вот он, а вот Орикс и Коростель, лежат мертвые в воздушном шлюзе. Каждый раз, ловя себя на мысли, что это все иллюзия, какой-то розыгрыш, он шел к шлюзу и смотрел на них. Через бронированное стекло, естественно: он знал, что ни в коем случае нельзя открывать внутреннюю дверь.

Он опустошал Коростелевы аварийные склады; сначала замороженные продукты — если система солнечных батарей купола выйдет из строя, морозильники и микроволновые печи вырубятся, так что стоит сожрать все «Ужины Гурмана» от «Пухлокур», пока есть возможность. Коростелеву шмаль он выкурил в рекордные сроки: таким образом удалось пропустить целых три дня кошмара. Сначала Джимми экономил алкоголь, но потом стал потреблять его в рекордных количе-

ствах. Требовалось напиться до бессознательного состояния, до бесчувственности, только чтобы посмотреть новости.

— Я не верю, не верю, не верю, — твердил Джимми. Он начал вслух разговаривать сам с собой — дурной знак. — Это на самом деле не происходит. — Как он мог существовать в этой чистой, сухой, скучной, нормальной комнате, поглощать сойкорн и сырные шарики из цукини, заливать мозги спиртным и хныкать над неудавшейся личной жизнью, когда весь человеческий род откидывает копыта?

Что самое ужасное, все эти люди — их страх, муки, смерти оптом — совершенно его не трогали. Коростель говорил, что *Homo sapiens sapiens* перестает различать индивидов, когда их больше двухсот — средний размер первобытного племени, — а Джимми уменьшил это число до двух. Орикс любила его или не любила, Коростель знал про них или не знал, что он знал, когда узнал, шпионил ли за ними? Задумал ли этот грандиозный финал как эвтаназию, хотел ли, чтобы Джимми застрелил его, ибо знал, что последует, и не хотел видеть результаты своего великого эксперимента?

Или он знал, что не сможет сохранить в тайне

формулу вакцины, едва до него доберется ККБ? Давно ли он это планировал? Может, дядя Пит и даже Коростелева мать всего лишь подопытные кролики? При таких огромных ставках в игре — боялся ли он провала, боялся ли оказаться очередным безмозглым нигилистом? Или его мучила ревность, терзала любовь, он хотел отомстить, а может, просто хотел, чтобы Джимми избавил его от страданий? Был ли он безумным или, напротив, интеллектуально честным человеком, который смог все просчитать до логического финала? И есть ли разница?

И так далее, и так далее, раскручивая эмоциональные шестеренки, топя себя в спиртном, пока на помощь не приходило забытье.

Между тем у него на глазах вымирало человечество. Царство, тип, класс, отряд, семейство, род, вид. Сколько ног? *Homo sapiens sapiens* присоединился к полярным медведям, белугам, онаграм, ушастым совам — к длинному-длинному списку. *Отличный счет, Гроссмейстер.*

Иногда он выключал звук и шепотом проговаривал слова. *Суккулент. Морфология. Подслеповатый. Кварто.* Это успокаивало.

Сайт за сайтом, канал за каналом переставали

вещать. Несколько ведущих, журналисты до последней минуты, установили камеры, чтобы зафиксировать собственную смерть — крики, лоскутья кожи, лопнувшие глазные яблоки и так далее. Какая показуха, думал Джимми. Чего только люди не сделают, чтобы попасть на телевидение.

— Дерьмо ты циничное, — сказал он сам себе и расплакался.

— Нельзя быть таким сентиментальным, — говорил ему Коростель. Но почему нет? Почему не побыть сентиментальным? Рядом никого, некому осудить его вкусы.

Иногда он размышлял, не покончить ли с собой — вроде неизбежно, — однако ему почему-то не хватило сил. В любом случае самоубийство совершается напоказ, как на Споконочи. com. В данных обстоятельствах этому жесту не хватало элегантности. Он представлял себе презрительную усмешку Коростеля и разочарование Орикс: *Но, Джимми! Почему ты сдаешься? Ведь ты должен сделать работу! Ты ведь обещал мне, помнишь?*

Может, он так и не воспринял свое отчаяние всерьез.

В конце концов смотреть стало нечего, только фильмы на DVD. Он смотрел на Хамфри Богарта

и Эдварда Робинсона в «Ки-Ларго». *Он хочет еще, правда, Рокко? Да, именно так, еще! Правильно, я хочу еще! И когда ты успокоишься?* Он смотрел «Птиц» Хичкока: *хлопхлопхлоп, гррии, аа-а-а*. Видны веревки, которыми пернатые суперзвезды привязаны к крыше. Еще он смотрел «Ночь живых мертвецов». *Чавк-чавк, рррррр, хрум-хрум, а-ах, бульк*. Мелкие страшилки отвлекали от большого ужаса.

Потом он выключал телевизор, долго сидел перед пустым экраном. Все женщины, которых он знал, проходили в полутьме. И его мать, молодая, в малиновом халате. Последней шла Орикс с белыми цветами. Смотрела на него и медленно уходила за кадр, в тень, где ее ждал Коростель.

Эти грезы были почти приятны. По крайней мере, в такие моменты все еще были живы.

Он знал, что долго так продолжаться не может. В куполе «Пародиза» Дети Коростеля ели траву и листья намного быстрее, чем те успевали регенерировать; скоро откажут солнечные батареи, потом запасные, а Джимми понятия не имел, как их починить. Затем прекратится подача воздуха, замки выйдут из строя, и он вместе с Детьми Коростеля окажется в огромной ловушке, где они задохнутся. Нужно вывести их отсюда, пока

еще есть время, но не сразу, потому что снаружи могут быть отчаявшиеся люди, а отчаявшиеся означает — опасные. Не хватало ему кучи разлагающихся маньяков, которые падают на колени и цепляются за него с криками: *Исцели нас! Исцели нас!* Может, у него иммунитет к вирусу — но если, конечно, Коростель не соврал, — к ярости носителей вируса у него иммунитета нет.

В любом случае разве хватит ему духу сказать: *Вам ничто не поможет*.

В промозглом сумраке Снежный человек бродит меж пространствами. Вот, к примеру, его офис. На столе его компьютер, смотрит пустым экраном, будто брошенная бывшая, которую случайно встретил на вечеринке. Рядом несколько листов бумаги — последнее, что он написал. Последнее, что напишет. Он с любопытством их разглядывает. Что такого Джимми, которым он когда-то был, мог сообщить или, по крайней мере, написать — черным по белому, с кляксами, — в назидание миру, которого больше не существует?

Тем, кого это касается, писал Джимми шариковой ручкой — никакого принтера; компьютер уже поджарился, но Джимми упорствовал, писал трудолюбиво от руки. Наверное, у него еще была

надежда, он еще верил, что все вернется на круги своя, что в будущем кто-нибудь сюда придет, кто-нибудь значительный, и эти слова обретут смысл, впишутся в контекст. Как сказал однажды Коростель, Джимми — романтичный оптимист.

У меня мало времени, — писал Джимми.

Неплохое начало, думает Снежный человек.

У меня мало времени, но я постараюсь записать факты, которые объяснят *(зачеркнуто: недавние чрезвычайные события*) недавнюю катастрофу. Я изучил содержимое компьютера того, кто известен здесь под именем Коростель. Он не выключил компьютер — думаю, намеренно, — и я могу сообщить, что вирус В-УМ был изобретен здесь, в куполе «Пародиза», генными инженерами, отобранными лично Коростелем (и впоследствии уничтоженными), и помещен в таблетки «НегиПлюс». Вирус обладал своего рода часовым механизмом, который требовался для широкого распространения: первые вирусы не активировались, пока не были охвачены все выбранные территории, и таким образом эпидемия являла собой серию перекрывающих друг друга волн. Время играло важнейшую роль в реализации этого плана. Нормальная жизнь общества была разрушена в максимальной степени, и это

не дало создать вакцину. Коростель разработал вакцину одновременно с вирусом, но уничтожил ее до своей *(зачеркнуто: эвтаназии)* смерти.

Хотя все сотрудники проекта «НегаПлюс» так или иначе участвовали в создании вируса, я уверен, что никто, за исключением Коростеля, не знал, каков будет эффект в действительности. О мотивах же Коростеля я могу только гадать. Возможно…

На этом каракули обрывались. Что бы ни думал Джимми по поводу мотивов Коростеля, он этого не записал.

Снежный человек комкает листы, бросает на пол. Судьба этих слов — стать пищей жукам. Можно было упомянуть, что у Коростеля поменялись магниты на холодильнике. Можно многое понять про человека по его магнитам на холодильнике, хотя в то время Джимми не обратил на них особого внимания.

Выжившие

Во вторую пятницу марта — Джимми отмечал дни в календаре, бог знает зачем, — он впервые показался Детям Коростеля. Он не стал снимать одежду — нет уж. Надел стандартную тропическую форму ОП, в стиле сафари, с кучей карманов, и любимые сандалии из кожзаменителя. Дети Коростеля в тихом изумлении столпились вокруг: они никогда не видели тканей. Дети шептались и показывали на него пальцами.

— Ты кто? — спросил тот, которого Коростель назвал Авраамом Линкольном. Высокий худой мужчина с коричневой кожей. Вопрос не прозвучал невежливо. Заговори так обычный человек, Джимми счел бы это грубостью, даже агрессией, но изысканная речь — не для этих людей: их не обучали отговоркам, эвфемизмам, цветистым фразам. Их речь была простой и прямой.

— Меня зовут Снежный человек, — сказал Джимми: эту часть разговора он уже продумал. Он больше не хотел зваться Джимми, или Джим, и тем более Тупик — его Тупиковая инкарнация явно не удалась. Необходимо забыть прошлое — далекое прошлое, недавнее, любое. Нужно

существовать в настоящем, без вины, без ожиданий. Как Дети Коростеля. Наверное, новое имя поможет.

— Откуда ты пришел, о Снежный человек?

— Я пришел от Орикс и от Коростеля, — сказал он. — Меня прислал Коростель. — В каком-то смысле он не соврал. — И Орикс. — Он пытался строить простые фразы, понятные: он научился, глядя на Орикс через зеркальную стену. Ну и слушая ее, конечно.

— А куда ушла Орикс?

— У нее дела, — сказал Снежный человек. Это все, на что его хватило. Одно ее имя комом вставало в горле.

— Почему Орикс и Коростель прислали тебя к нам? — спросила женщина по имени Мадам Кюри.

— Чтобы я отвел вас в новое место.

— Но это наше место. Нам здесь хорошо.

— Орикс и Коростель хотят, чтобы вы жили в новом месте, еще лучше, — сказал Снежный человек. — Там больше еды. — Они заулыбались, закивали. Орикс и Коростель желают им добра, они всегда это знали. Видимо, этого достаточно.

— А почему на тебе кожа болтается? — спросил один ребенок.

— Потому что меня сделали не так, как вас, — сказал Снежный человек. Его увлек разговор — похоже на игру. Эти люди — как чистые листы бумаги, можно писать что угодно. — Коростель сделал меня из двух кож. Одна снимается. — Он снял жилет. Они с интересом уставились на волосы у него на груди.

— Что это?

— Это перья, маленькие перья. Орикс дала их мне, это была моя награда. Видите? На лице у меня тоже растут перья. — Он позволил детям коснуться щетины. Последние дни он не брился, не видел смысла, поэтому пробивалась борода.

— Да. Мы видим. Но что такое перья?

А, ну да. Они ведь никогда не видели перьев.

— У некоторых детей Орикс есть перья, — сказал он. — Они называются птицы. Мы пойдем туда, где они есть. И тогда вы узнаете, что такое перья.

Снежный человек поражался своей легкости: он изящно танцевал вокруг правды — так проворно, так ловко. Слишком просто: они без вопросов приняли все, что он говорил. Если это надолго — целые дни, недели, — он умрет со скуки. Я бы мог оставить их здесь. Просто бросить, и все. Пусть сами о себе заботятся. Это не мое дело.

Но он не мог, ибо Дети Коростеля не его дело, но отныне — его ответственность. У них ведь больше никого нет.

И у него больше никого, раз уж на то пошло.

Снежный человек заранее разработал маршрут: на складе у Коростеля было полно карт. Он отведет Детей Коростеля на побережье, он сам никогда там не был. Есть к чему стремиться, — по крайней мере, он увидит океан. Будет гулять по пляжу, как в тех историях, что рассказывали взрослые, когда он был маленьким. Может, он даже искупается. Неплохо.

Дети Коростеля смогут жить в парке возле ботанического сада — он отмечен на карте деревцем и закрашен зеленым. Им там будет хорошо, и съедобной листвы там завались. А Снежный человек сможет питаться рыбой. Он собрал кое-какие вещи — не слишком много, не слишком тяжело, придется тащить все это в одиночку, — и перезарядил пистолет-распылитель.

Вечером накануне похода он произнес речь. По дороге к новому месту, которое лучше, он пойдет впереди, сказал он, а с ним двое мужчин. Он выбрал двух самых высоких. За ними пойдут женщины и дети, по бокам от них — мужчины. Оставшиеся мужчины идут позади. Нужно

идти так, потому что Коростель сказал, что так правильно (лучше не упоминать опасностей, иначе слишком многое придется объяснять). Если Дети Коростеля заметят движение, любое, не важно, что движется, — они должны сразу ему сказать. Некоторые вещи по дороге покажутся им странными, но волноваться не нужно. Если они вовремя скажут ему, эти вещи не причинят вреда.

— А почему они хотят причинить нам вред? — спросила Соджорнер Трут.

— Они могут причинить вам вред по ошибке, — сказал Снежный человек. — Ведь земля делает вам больно, когда вы падаете.

— Но земля совсем не хочет делать нам больно.

— Орикс сказала нам, что земля — наш лучший друг.

— Она растит для нас еду.

— Да, — сказал Снежный человек. — Но Коростель сделал землю твердой. Иначе мы бы не смогли по ней ходить.

Им понадобилась минута, чтобы это обдумать. Потом они снова закивали. У Снежного человека ум заходил за разум: нелогичность того, что он только сказал, его ослепила. Но зато сработало.

На рассвете он в последний раз набрал код на двери, открыл купол и вывел Детей Коростеля из «Пародиза». Они заметили на земле останки Коростеля, но поскольку никогда не видели его при жизни, поверили Снежному человеку — тот сказал, что это просто шелуха, кожура, ничего интересного. Они были бы в шоке, увидев своего создателя в таком состоянии.

Что касается Орикс, она лежала лицом вниз, закутанная в шелк. Они ее просто не узнали.

Деревья вокруг были густы и зелены, все казалось мирным и безмятежным, но в самом ОП «Омоложизнь» масштабы разрушений стали очевидны. Повсюду валялись перевернутые электрокары, какие-то распечатки, выпотрошенные компьютеры. Мусор, одежда и гниющие трупы. Сломанные игрушки. Грифы занимались своим делом.

— Пожалуйста, Снежный человек, скажи нам, что это?

Это труп, а на что это похоже, по-твоему?

— Это часть хаоса, — сказал Снежный человек. — Коростель и Орикс уничтожают хаос, ради вас — потому что они любят вас, — но они пока не закончили. — Кажется, ответ их удовлетворил.

— Хаос очень плохо пахнет, — сказал ребенок

постарше.

— Да, — сказал Снежный человек, выдавив улыбку. — Хаос всегда плохо пахнет.

В пяти кварталах от главных ворот ОП из переулка им навстречу выполз человек. Болезнь достигла предпоследней стадии: у него на лбу выступил кровавый пот.

— Возьмите меня с собой! — закричал он. Слова еле различимы. Рык, рев разъяренного зверя.

— Стой, где стоишь! — рявкнул Снежный человек. Дети Коростеля смотрели — они удивились, но, судя по всему, не испугались. Человек подковылял ближе, споткнулся, упал. Снежный человек застрелил его. Он волновался, не заразятся ли Дети Коростеля. Или, может, у них совсем другой генетический материал? Коростель ведь наделил их иммунитетом. Правда же?

У периферийной стены им встретился еще один человек, женщина. Она вывалилась из будки охраны, плача, и вцепилась в какого-то ребенка.

— Помогите мне, — умоляла она. — Не оставляйте меня здесь. — Снежный человек застрелил и ее.

Дети Коростеля смотрели в изумлении: они не видели связи между палочкой в руке Снежного человека и падением этих людей.

— А что это упало, Снежный человек? Мужчина или женщина? У него вторая кожа, как у тебя.

— Это ничего. Это часть страшного сна, который снится Коростелю.

Насчет снов они понимали — им самим снились сны. Коростелю так и не удалось уничтожить эту функцию. *Сны встроены в наш мозг*, — говорил он. Также ему не удалось избавиться от пения. *Пение встроено в наш мозг*. Сны и пение переплелись.

— А почему Коростелю снится такой страшный сон?

— Ему это снится, — сказал Снежный человек, — чтобы это не снилось вам.

— Грустно, что он из-за нас страдает.

— Нам его очень жаль. Мы благодарим его.

— А этот страшный сон скоро закончится?

— Да, — сказал Снежный человек. — Очень скоро. — Чудо, что никто не пострадал; та женщина походила на бешеную собаку. У него тряслись руки. Хорошо бы выпить.

— Он закончится, когда Коростель проснется?

— Да. Когда он проснется.

— Мы надеемся, он проснется очень скоро.

Так они и шли через полосу отчуждения, останавливаясь тут и там, чтобы поесть или собрать

листья и цветы; женщины и дети держались за руки, некоторые пели, прозрачные голоса — точно распускаются листья. Они шагали по улицам плебсвилля гротескным парадом или экстремистской религиозной процессией. От послеобеденных гроз они прятались в укрытия — это легко, двери и окна лишились смысла. Потом шагали дальше, вдыхая свежесть.

Некоторые дома еще дымились. Много вопросов, много разъяснений. *Что это за дым? Это дым Коростеля. Почему этот ребенок лежит на земле и у него нет глаз? Такова воля Коростеля.* И так далее.

Снежный человек придумывал на ходу. Он сознавал, какой из него получился невероятный пастырь. Чтобы Дети Коростеля не волновались, он старался выглядеть достойным и надежным, мудрым и добрым. Его выручал опыт притворства, накопленный за целую жизнь.

Наконец они подошли к границе парка. Снежному человеку пришлось застрелить еще двух распадающихся людей. Он оказал им услугу, поэтому совесть его почти не мучила. Гораздо больше угнетали другие вещи.

Поздно вечером они вышли наконец на побережье. Шелестела листва, тихо накатывали волны,

заходящее солнце отражалось в океане, красном и розовом. Песок белый, над башнями в море кружили птицы.

— Здесь так красиво.

— О, смотрите! Это перья?

— Как называется это место?

— Это место называется *дом,* — сказал Снежный человек.

14

Идол

Снежный человек обыскивает склад и забирает все, что можно унести: остатки еды, сухой и консервированной, фонарик и батарейки, спички и свечи, карты, боеприпасы, изоленту, две бутылки воды, обезболивающие, гель-антибиотик, несколько солнцезащитных рубашек и перочинный ножик с ножницами. И пистолет-распылитель, естественно. Он подбирает свой костыль и выходит через воздушный шлюз, избегая взгляда Коростеля, его ухмылки, и Орикс, Орикс в шелковом саване с бабочками.

О, Джимми. Это не я!

Птицы уже поют. Перед рассветом небо серое, воздух заволокло туманом; на паутинках — жемчужины росы. Будь он ребенком, все это показалось бы ему новым и чистым — такое древнее, волшебное. Но сейчас он знает, что это иллюзия: как только взойдет солнце, все испарится. На полпути Снежный человек напоследок оборачивается и смотрит на «Пародиз», что потерянным воздушным шариком торчит в зелени деревьев.

У Снежного человека есть карта охраняемого поселка, он ее изучил и наметил маршрут. Он срезает путь по главной дороге к площадке для гольфа — без приключений. Вес мешка и пистолета уже ощущается; Снежный человек останавливается попить. Солнце уже встало, грифы парят: они заметили его, они увидели, что он хромает, они будут начеку.

Он минует жилой сектор, потом школьный двор. До периферийной стены приходится застрелить одного свиноида: тот всего лишь смотрел, но, без сомнения, был разведчиком, наверняка рассказал бы остальным. У боковых ворот Снежный человек останавливается. Рядом сторожевая башня, неплохо бы взобраться туда и осмотреться, может, глянуть, где тот дым. Но дверь в башню заперта, и он идет дальше.

На дне рва — никого.

Он шагает по полосе отчуждения — испытание для нервов: ему кажется, что на грани поля зрения шмыгает что-то мохнатое, что купы сорняков меняют форму. Наконец он в плебсвиллях; идет пустыми улицами, готовый к засаде, но никто за ним не охотится. Только грифы кружат, ждут, когда он станет мясом.

За час до полудня он залезает на дерево, пря-

чется в тени. Съедает банку соевых сарделек и допивает первую бутылку воды. Теперь, не на ходу, нога опять напоминает о себе: она пульсирует, ноет и горит, будто ее втиснули в крошечную туфельку. Снежный человек втирает гель-антибиотик, хотя смысла нет: микробы, что поселились в ноге, наверняка уже выработали устойчивость к лекарству и теперь булькают внутри, превращая его плоть в кашу.

Со своего древесного наблюдательного пункта он оглядывает горизонт — ничего похожего на дым. *Древесный*, хорошее слово. *Наши древесные предки,* — говорил Коростель. — *Они гадили на врагов сверху, прячась в листве. Самолеты, ракеты и бомбы — всего лишь усовершенствованный древний инстинкт, не более того*.

«А что, если я умру, прямо тут, на дереве? — думает он. — Может быть, мне так и надо? Почему? Кто меня найдет? А если и найдет, что сделает?» *О, глянь, еще один мертвяк. Тоже мне, удивил. Их тут как грязи. Да, но этот почему-то на дереве. Ну и что, кому какое дело?*

— Я не простой мертвяк, — говорит он вслух.

Разумеется, нет. Каждый из нас уникален! И каждый мертвый человек мертв по-своему! А теперь, кто хочет рассказать нам, каково это

— быть мертвым, своими собственными словами? Джимми, кажется, тебе не терпится поговорить, может быть, ты и начнешь?

Кошмар какой. Это что, чистилище? Если да, то почему оно так похоже на первый класс начальной школы?

Несколько часов не слишком освежающего отдыха, и Снежный человек идет дальше; от дневной грозы он прячется в развалинах дома в плебсвилле. Внутри никого, ни живых, ни мертвых. Потом он ковыляет к побережью, прихрамывая, набирает скорость, сначала на юг, потом на восток, к морю.

Он выходит на Рыбную Тропу Снежного Человека — невообразимое облегчение. Вместо того чтобы повернуть к своему дереву, хромает по тропе в деревню. Он устал, он хочет спать, но нужно успокоить Детей Коростеля — показать им, что он вернулся живой, объяснить, почему его не было так долго, передать сообщение от Коростеля.

По поводу Коростеля нужно что-то наврать. *А как выглядит Коростель? Я не знаю, он сидел внутри куста.* Горящий куст, почему нет? Главное, не вдаваться в подробности. *Но он велел передать вам: теперь мне нужно две рыбы в неделю — нет, три рыбы в неделю, — а еще корни и*

ягоды. Может, водоросли добавить. Дети Коростеля знают, какие можно есть. И крабов — не земляных, а других. Скажет, чтобы их готовили на пару, по двенадцать за раз. Вроде очень скромные запросы.

А после встречи с Детьми Коростеля он распакует еду, съест что-нибудь и поспит на своем дереве. И ему станет лучше, и мозги у него будут работать, и он подумает, что делать дальше.

С чем делать, собственно говоря? Слишком сложно. Предположим, только предположим, где-то неподалеку есть другие люди, такие же, как он сам, — те, которые дымили, — и он должен быть в форме, когда с ними встретится. Он помоется — рискнет искупаться в пруду по такому случаю, — наденет чистую солнцезащитную рубашку, может, срежет бороду маникюрными ножницами.

Черт, он забыл карманное зеркальце. Склеротик!

На подходе к деревне он слышит странные звуки: непонятное пение, высокие и низкие голоса, мужчины и женщины вместе — гармония, двухголосье. Не совсем пение — скорее похоже на заклинания. Потом какой-то лязг, звон и глухой удар. Что это? Что бы это ни было, раньше они

этого не делали.

Вот граница их деревни, вонючая невидимая стена, которая обновляется каждый день. Он переступает через нее, осторожно идет вперед, выглядывает из-за куста. Вот они. Он быстро пересчитывает их — почти все дети, все взрослые, за исключением пятерых — наверное, спариваются в лесу. Остальные сидят полукругом перед какой-то нелепой фигурой, огородным пугалом, чучелом. Сосредоточились на ней, поначалу не замечают его, когда он выходит из-за кустов и хромает вперед.

Еееe, поют мужчины.

Жееее, вторят женщины.

Что? Иже еси? Да быть такого не может! После всех Коростелевых мер предосторожности, после всего, что он сделал, чтобы освободить их от этого мусора. И Снежный человек им такого не говорил. Совершенно точно.

Хрясь. Дзынь-дзынь-дзынь. Бум. *ЕееЖеее*.

Теперь он видит и ударные. Вместо инструментов — колпак от колеса и металлический прут, они и лязгают, а на ветке висят пустые бутылки — по ним стучат половником. «Бум» — это нефтяная бочка, по которой бьют молотком для отбивания мяса. Откуда они все это взяли? С

пляжа, откуда еще. Он чувствует себя так, будто его угораздило попасть на концерт детсадовской группы, только вместо музыкантов — большие зеленоглазые дети.

А что это за статуя, или пугало, или что это? У него есть голова и тело из рваных тряпок. Даже лицо есть: один глаз — камешек, второй, черный, бутылочная крышка. К подбородку привязана старая веревочная швабра.

Они наконец его заметили. Вскакивают, бегут навстречу, обступают. Все радостно улыбаются, дети прыгают от радости, смеются, некоторые женщины хлопают в ладоши. Прежде они так никогда не возбуждались.

— Снежный человек! Снежный человек! — Они осторожно касаются его кончиками пальцев. — Ты вернулся к нам!

— Мы знали, что можем тебя позвать, и ты услышишь нас и вернешься.

Значит, не «иже», а «снежный».

— Мы сделали картинку тебя, чтобы послать к тебе наши голоса.

Берегись искусства, — говорил Коростель. — *Как только они начнут творить, нам крышка.* Для него символическое мышление означало крах. Потом они начнут создавать идолов, потом

придумают похороны, дары в могилу, жизнь после смерти, грех, линейное письмо Б, королей, потом рабство и войну. Снежному человеку хочется спросить, кому первому пришла в голову идея сделать его портрет из крышки и швабры. Но это подождет.

— Смотрите! На Снежном человеке выросли цветы! (Это дети заметили его новый цветастый саронг.)

— А можно, чтобы на нас тоже росли цветы?

— Твое путешествие на небо было трудным?

— Мы тоже хотим цветы, мы тоже хотим цветы!

— Что Коростель передал нам?

— Почему вы думаете, что я был на небе? — спрашивает Снежный человек как можно спокойнее. Он пролистывает в голове все легенды, которые он рассказывал им. Когда это он упоминал небо? Он рассказывал им какую-нибудь басню о том, откуда пришел Коростель? Да, теперь он припоминает. Он наделил Коростеля громом и молнией. Естественно, они решили, что Коростель вернулся в страну облаков.

— Мы знаем, что Коростель живет на небе. И мы видели крутящийся ветер — он полетел туда, куда ушел ты.

— Коростель послал его за тобой — чтобы помочь тебе подняться с земли.

— Теперь, когда ты был на небе, ты стал почти как Коростель.

Конечно, лучше не спорить, но нужно срочно их убедить, что он не умеет летать, потому что рано или поздно они захотят, чтоб он показал.

— Крутящийся ветер был нужен, чтобы Коростель спустился с неба, — говорит он. — Он сделал этот ветер, чтобы ветер сдул его с неба. Он не остался там, потому что солнце было слишком жаркое. Поэтому я увиделся с ним на земле.

— Где он?

— Он в куполе, — говорит Снежный человек довольно правдиво. — Там, откуда мы пришли. В «Пародизе».

— А можно мы пойдем туда и на него посмотрим, — говорит один из детей постарше. — Мы знаем, как дойти туда. Мы помним.

— Вы не можете на него посмотреть, — говорит Снежный человек — пожалуй, слишком строго. — Вы его не узнаете. Он превратился в растение. — А это еще откуда? Он устал и зарапортовался.

— Почему Коростель стал едой? — спрашивает Авраам Линкольн.

— Это не такое растение, которое можно есть, —

говорит Снежный человек. — Больше похоже на дерево.

Удивленные взгляды.

— Он говорит с тобой. Как он может говорить с тобой, если он дерево?

Это сложно объяснить. Он допустил грубую логическую ошибку. У него такое чувство, будто он потерял равновесие на самом верху высоченной лестницы.

Он пытается балансировать.

— Это дерево, у которого есть рот, — говорит он.

— У деревьев не бывает ртов, — говорит какой-то ребенок.

— Смотрите, — говорит женщина — Мадам Кюри, Сакагавеа? — У Снежного человека рана на ноге. — Женщины всегда чувствуют, когда он в затруднительном положении, и меняют тему. — Мы должны помочь ему.

— Давайте достанем ему рыбу. Ты хочешь рыбу, Снежный человек? Мы попросим Орикс дать нам рыбу, чтобы эта рыба умерла для тебя.

— Это будет просто замечательно, — с облегчением говорит он.

— Орикс хочет, чтобы ты был здоров.

Он ложится на землю, и они мурлычут над

его раной. Боль слабеет, но, несмотря на все их старания, опухоль не спадает полностью.

— Наверное, это глубокая рана.

— Надо попробовать еще.

— Мы попробуем еще раз, позже.

Они приносят ему рыбу, приготовленную и завернутую в листья, и радостно смотрят, как он ест. Он не очень голоден — у него жар, — но он все равно ест, чтобы их не пугать.

Дети уничтожают его портрет, растаскивают на куски, относят их обратно на пляж. Женщины говорят им, что так учила Орикс: после того как вещь использована, ее нужно вернуть обратно. Изображение Снежного человека сделало свое дело: вот он, настоящий Снежный человек, опять с ними, и ненастоящий Снежный человек больше не нужен. Снежному человеку странно смотреть, как дети уносят его бывшую бороду и бывшую голову. Будто его самого разорвали на части.

Проповедь

— Сюда приходили другие, такие, как ты, — говорит Авраам Линкольн после того, как Снежный человек с трудом запихивает в себя рыбу. Снежный человек лежит, прислонившись спиной к дереву, в ноге слегка покалывает, будто он ее отсидел; его клонит в сон.

Но от этих слов тут же просыпается:

— Такие же, как я?

— С другой кожей, как у тебя, — говорит Наполеон. — А у одного на лице были перья, как у тебя.

— У второго тоже были перья, но не длинные.

— Мы думали, их послал Коростель. Как тебя.

— И там была одна женщина.

— Наверное, ее послала к нам Орикс.

— Она пахла синим.

— Мы не видели синего, из-за второй кожи.

— Но она очень пахла синим. Мужчины начали ей петь.

— Мы предложили ей цветы и махали пенисами, но она не была рада.

— И люди с другой кожей тоже не были рады. Они были сердиты.

— Мы пошли к ним, чтобы поприветствовать

их, но они убежали.

Можно себе представить. Эти неестественно спокойные, мускулистые мужчины, которые надвигаются скопом, поют свои странные песни, машут синими пенисами, сверкают зелеными глазами и тянут руки, точно зомби в старых фильмах, — это, пожалуй, кого угодно испугает.

Сердце у Снежного человека колотится — от возбуждения, от страха, от того и другого.

— Они что-нибудь несли?

— У одного была эта шумная палка, как твоя. — Снежный человек прячет от них распылитель; наверное, они помнят его еще с тех времен, когда уходили из «Пародиза». — Но они не делали шума этой палкой. — Дети Коростеля совершенно бесстрастны. Они не понимают огромного значения того, о чем говорят. Рассуждают спокойно, словно о кроликах.

— Когда они приходили?

— Может быть, за день до сегодня.

Бесполезно расспрашивать их о прошлых событиях, они не считают дни.

— Куда они пошли?

— Они пошли туда, по пляжу. Почему они убежали от нас, Снежный человек?

— Может быть, они услышали Коростеля, —

говорит Сакагавеа. — Наверное, он позвал их. У них на руках были блестящие штуки, как у тебя. Чтобы слушать Коростеля.

— Я спрошу у них, — говорит Снежный человек. — Я пойду и поговорю с ними. Я сделаю это завтра. А сейчас я пойду спать. — Он поднимается на ноги и морщится от боли. Наступать на больную ногу по-прежнему трудно.

— Мы пойдем с тобой, — говорят мужчины.

— Нет, — говорит Снежный человек. — Вы лучше не ходите.

— Но ты еще не совсем выздоровел, — говорит Императрица Жозефина. — Тебе нужно мурлыканье. — Она встревожена, меж бровей залегла едва заметная складка. Странно видеть такое выражение на идеально гладком лице.

Снежный человек подчиняется, и новая команда — на этот раз трое мужчин и одна женщина, наверное, решили, что ему нужно интенсивное лечение, — склоняются над его ногой. Он пытается почувствовать ответную вибрацию внутри себя, думая — уже не в первый раз, — что, может, этот метод действует только на них. Люди, которые не мурлычут, внимательно наблюдают, некоторые тихо переговариваются, и через полчаса за дело принимается новая команда.

Он не может расслабиться, хотя знает, что это нужно. Он думает о будущем, ничего не может с собой поделать. Мозги кипят, перед полуприкрытыми глазами мелькают и сталкиваются варианты. Может, все будет хорошо, может, эти трое хорошие люди, вменяемые, добрые, может, ему удастся как следует объяснить им про Детей Коростеля. С другой стороны, эти трое могут воспринять Детей Коростеля как уродов, дикарей, нелюдей и вообще потенциальную угрозу.

Перед его глазами мельтешат примеры из истории, навигационные панели из «Крови и Роз»: гора черепов при Чингисхане, кучи туфель и очков в Дахау, забитые трупами горящие церкви в Руанде, разграбление Иерусалима крестоносцами. Индейцы племени аравак приветствуют Христофора Колумба, дарят ему цветы и фрукты, улыбаются. Скоро их уничтожат или свяжут и бросят под кровати, на которых станут насиловать их женщин.

Но зачем предполагать худшее? Может, эти люди испугались. Может, убежали куда-нибудь. Может, они больны и умирают.

А может, нет.

Перед тем как он пойдет в разведку, перед тем как выполнит свою — он понимает теперь — мис-

сию, нужно произнести перед Детьми Коростеля какую-то речь. Вроде проповеди. Передать им некоторые заповеди, прощальные слова Коростеля. Только вот заповеди им не нужны, все эти «не» — в них уже все заложено. Нет смысла говорить им: не убий, не укради, не лги, не возжелай жены ближнего своего. Они просто не поймут.

Но он должен сказать им что-нибудь. Пару слов на память. А еще лучше — полезный совет. Он должен предупредить, что может не вернуться. Он должен сказать, что те другие люди, со второй кожей и перьями, пришли не от Коростеля. Что их шумную палку нужно отобрать и выбросить в океан. Что, если эти люди будут вести себя агрессивно — *Снежный человек, пожалуйста, скажи, что такое агрессивно?* — или попытаются насиловать (*Что такое насиловать?*) женщин или приставать (*Что?*) к детям, или попытаются заставить других на себя работать…

Безнадежно, все это безнадежно. *Что такое работать?* Работать — это когда строишь разные вещи. — *Что значит строишь?* — или выращиваешь. — *Что значит выращиваешь?* — либо потому, что другие люди побьют или убьют тебя, если не будешь работать, либо потому, что тебе за это дают деньги.

Что такое деньги?

Нет, этого он говорить не будет. *Коростель присматривает за вами,* — скажет он. — *Орикс любит вас.*

Потом он закрывает глаза и чувствует, как его нежно поднимают, несут, снова поднимают, снова несут, держат.

15

Следы

Снежный человек просыпается перед рассветом. Лежит без движения, вслушиваясь в прибой, что волна за волной накатывает на преграды, шуш-ш, шуш-ш; стук сердца. Снежному человеку так хотелось бы поверить, что он еще спит.

На горизонте с востока серая дымка уже освещена розовым беспощадным заревом. Странно: цвет все еще кажется нежным. Снежный человек смотрит туда в восторге; другого слова не подберешь. *Восторг*. Его сердце будто летит куда-то, словно его несет хищная птица. После всего, что случилось, как может мир оставаться таким прекрасным? Ибо он прекрасен. С башен доносятся птичьи крики и гвалт, в этих криках нет ничего человеческого.

Он делает несколько глубоких вдохов, изучает землю, нет ли живности, потом спускается с дерева, сначала ставит на землю здоровую ногу. Он заглядывает в кепку, вытряхивает муравья. Можно ли сказать, что один муравей жив, в любом смысле этого слова, или он может считаться живым только в более общем контексте муравейника? Старая загадка Коростеля.

Он, хромая, идет по пляжу к воде, промывает ногу, чувствует пощипывание от соли: должно быть, нарыв за ночь лопнул — рана на ощупь кажется огромной. Над головой жужжит муха, примеривается сесть.

Потом он ковыляет обратно к дереву, снимает цветастую простыню, вешает на ветку: он не хочет, чтобы она стесняла движения. На нем не будет ничего, кроме бейсболки, а та нужна, только чтобы солнце не светило в глаза. Темные очки он тоже оставит здесь: довольно рано, они не понадобятся. А ему нужно ловить малейшее движение.

Он мочится на кузнечиков, с ностальгией глядя, как они, треща, скрываются в кустах. Эта его привычка уже становится прошлым, точно любовница, что провожает тебя на вокзале, и ты машешь ей из окна, а она неумолимо исчезает позади, в пространстве, во времени, так быстро.

Он идет к своему тайнику, открывает, пьет воду. Нога болит неимоверно, покраснела, лодыжка распухла: засевшая там зараза победила коктейль из вакцины Коростеля и урчания его детей. Он втирает в ногу гель-антибиотик, бесполезный, как грязь. К счастью, есть аспирин, он притупит боль. Снежный человек глотает четыре таблетки,

съедает половину энергетического батончика, чтобы набраться сил. Потом берет пистолет-распылитель и проверяет обойму.

Он к этому не готов. Ему плохо. Он боится.

Можно остаться здесь и посмотреть, как будут развиваться события.

Милый. Ты моя единственная надежда.

Он идет по пляжу на север, опираясь на палку и прячась в тени деревьев. Небо светлеет, нужно торопиться. Теперь он видит дым, тонкая струйка поднимается в небо. Идти около часа. Эти люди ничего о нем не знают: они видели Детей Коростеля, но его не видели, они его не ждут. Это его единственный шанс.

Он хромает от одного дерева к другому, неуловимый, бледный, точно шепот. Ищет себе подобных.

На песке — человеческий след. Потом еще один. Не очень четкие: здесь сухой песок, но все равно это человеческие следы, не перепутаешь. А вот цепочка следов, ведет к морю. Разных размеров. Там, где песок влажный, следы отчетливее. Что эти люди здесь делали? Плавали, ловили рыбу? Мылись?

На них была обувь — может, сандалии. Вот

здесь они их сняли, вот здесь — надели. Он ставит ногу на мокрый песок, рядом с самым большим следом: подпись своего рода. Едва он убирает ногу, след наполняется водой.

Он уже чувствует запах костра, слышит голоса. Он крадется, будто в пустом доме, где могут быть люди. А что, если они увидят его? Волосатый голый маньяк, в одной бейсболке и с пистолетом-распылителем. Что они сделают? Закричат и убегут? Нападут? В радости и братской любви раскроют объятия?

Он выглядывает из-за листвы: их всего трое, сидят у костра. У них тоже пистолет-распылитель, стандартная модель ККБ, но он валяется в траве. Тощие, изможденные. Двое мужчин, один — смуглый, второй — белый, и загорелая женщина, мужчины в тропическом камуфляже, стандартном, но очень потрепанном, женщина в остатках какой-то формы — охранник, медсестра? Наверное, была симпатичная, пока не отощала, а теперь жилистая, волосы спутались и похожи на швабру. Все трое выглядят ужасно.

Они что-то жарят — какое-то мясо. Скунот, что ли? Точно, вот и хвост на земле. Наверное, они его застрелили. Бедняга.

Снежный человек почти забыл, как пахнет

жареное мясо. Может, поэтому у него слезятся глаза?

Он дрожит. Видимо, опять жар.

И что дальше? Привязать к палке кусок простыни, помахать белым флагом? *Я пришел с миром*. Но простыню он не взял.

Или: *Я покажу вам, где находятся сокровища*. Нет, не выйдет, ему с ними нечем торговать, им нечего ему предложить. Разве что самих себя. Они выслушают его, его историю. Он выслушает их. По крайней мере, они хотя бы отчасти поймут, что он пережил.

Или: *Убирайтесь из моего города, пока я не надрал вам задницу*, как в старом вестерне. *Руки вверх. Отойдите назад. Не трогайте оружие*. Но на этом все не закончится. В конце концов, их трое, а он один. Они сделают то, что сделал бы он сам: уйдут, будут прятаться, шпионить за ним. Подстерегут его в темноте и размозжат ему голову камнем. Нападут в любой момент.

Можно прикончить их сейчас, пока они его не видят, пока он еще держится на ногах. В ногу будто залили жидкий огонь. Но ведь они не сделали ему ничего плохого. И что — хладнокровно их убивать? Способен ли он? А если он начнет убивать, а потом перестанет, один из них убьет

его. Естественно.

— Что ты хочешь, что мне сделать? — шепчет он.

Не поймешь.

О, Джимми, ты был такой забавный.

Не подведи меня.

По привычке он смотрит на часы; они показывают ему пустой циферблат.

Час ноль, думает Снежный человек. Время идти.